

Светлана Лыжина ВРЕМЯ ДРАКОНА

Влад Дракулович

Светлана Лыжина

Время дракона

«Автор»

2023

Лыжина С. С.

Время дракона / С. С. Лыжина — «Автор», 2023 — (Влад Дракулович)

XV век. Восточная Европа. Всё острее становится противостояние католического Запада и мусульманского Востока, а между двух огней оказывается православная Румынская Страна, также именуемая Валахией. Князь Влад III, известный как Дракула, а позднее прозванный Цепешем, едет в монастырь Снагов, чтобы вдали от суеты принять судьбоносное решение. Воевать с турками или остаться вассалом султана? Выбор вовсе не очевиден, ведь Влад помнит уроки битвы при Варне, а также опыт своего отца, заключавшего союзы со знаменитым венгерским полководцем Яношем Гуньяди — союзы, которые не привели ни к чему хорошему.

Содержание

Об авторе	5
Время дракона	7
Вступление	8
Часть I	10
Часть II	35
Часть III	69
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Светлана Лыжина

Время дракона

Об авторе

Современная российская писательница Светлана Лыжина в своём творчестве специализируется на средневековой истории Юго-Восточной Европы, а особое внимание уделяет Румынии и Молдавии. Интерес российского автора к этим двум странам не случаен, поскольку в XV веке они причислялись не к «западной цивилизации», а к периферии славянского мира и наряду с Русью получили у «просвещённых европейцев» наименование «восточных» государств.

По мнению Светланы Лыжиной, средневековая история этого региона удивительно похожа на аналогичный период в русской истории, что даёт простор для проведения скрытых параллелей и переосмысления вопроса о взаимоотношениях Востока и Запада.

Изучение истории и культуры Румынии и Молдавии писательница начала в институтской библиотеке МГИМО, будучи студенткой журналистского факультета и таким образом получив доступ к фонду, где представлены не только современные издания, но и редкие книги XIX века. Свои исследования она продолжила в московской Исторической библиотеке, а позднее совершила несколько путешествий по историческим местам, находящимся на территории современных Румынии и Венгрии.

Одновременно было изучено множество исторических документов на старославянском, латыни и раннеитальянском языках. Изучение этих источников в оригинале позволило автору непредвзято взглянуть на их содержание, и этот взгляд не во всём совпал с распространёнными трактовками и пересказами, которые встречаются в исторической литературе.

Накопленный материал настоятельно требовал воплощения в тексте, причём в художественном, поэтому Светлана Лыжина, поступила на заочное отделение Литературного института им. Горького, ведь уже имеющееся журналистское образование, полученное в МГИМО, казалось достаточным только для написания небольших произведений, но не для объёмного исторического повествования.

Первым удачным литературным опытом Светланы Лыжиной стал роман «Время дракона», законченный в 2013 году и повествующий об одном из самых известных исторических и фольклорных персонажей Восточной Европы. Этим персонажем является румынский (валашский) государь Влад III Дракул, больше известный как «воевода Дракула» или Влад Цепеш.

Ему же посвящён другой роман Светланы Лыжиной – «Дракула и два ворона». Книга была опубликована в 2015 году под заглавием «Валашский дракон» и стала официальным литературным дебютом автора.

К настоящему времени завершена работа над четырьмя романами о Дракуле, освещающими разные периоды его жизни. «Время дракона» рассказывает о ранних годах главного героя и его взаимоотношениях с отцом, а также видными историческими деятелями той эпохи. Роман «Дракулов пир» повествует о борьбе Дракулы за отцовский трон, в результате которой он и заслужил свою особенную славу. «Дракула и два ворона» рассказывает о героическом противостоянии с турками, а «Принцесса Ияна» – попытка реконструировать последние годы жизни Дракулы и понять причину его гибели.

Книги Светланы Лыжиной получили высокую оценку ряда читателей, но в то же время подвергаются критике за непривычный, очеловеченный образ Дракулы, поскольку этот персонаж гораздо чаще предстаёт на страницах романов как вампир, а не как реальное историческое лицо.

Избранная библиография Светланы Лыжиной:

Время дракона, 2018 (авторское название: «Влад Дракулович»)

Драконий пир, 2019 (авторское название: «Дракулов пир»)

Валашский дракон 2015, 2019 (авторское название: «Дракула и два ворона»)

Принцесса Иляна, 2019

Время дракона

Кого направляет Дух Божий, те и есть сыны Божьи, говорит святой апостол, а ему вторит всякий, кто ценит правду и совершает добрые дела, желая получить жизнь вечную...

*Начало грамоты князя Влада III,
позднее прозванного Цепешем,
от 16 апреля 1457 года*

Вступление

В старые времена была в европейских землях страна – Страна Румынская. Есть она и сейчас, да только многое в ней по-другому. Иные у неё границы, название переименовано и не те люди в ней живут.

Хоть и стараются эти люди помнить прошлое, но всё больше посматривают на запад, а раньше смотрели в другую сторону – на православные славянские страны и именно с тех стран брали пример.

Прошлое забывается, а напоминают о нём лишь древние стены да полуистлевшие пергаменты. Что написано на тех пергаментях, нынешний румынский житель не разберёт. Язык там славянский, а теперь у румын в почёте совсем другие языки.

В старые времена в Румынии славянская речь слышалась чуть ли не повсеместно, ведь на этом языке и богослужения во всех румынских храмах совершались, и письма составлялись всякого рода, и книги в библиотеках были по большей части славянские. А теперь – нет. В другую сторону румыны повернулись. Да и отчего бы не повернуться, если настала другая жизнь.

В прежние времена была у румын почти та же судьба, что у людей русских: сделались они преградой между землями «басурман» и землями христиан-католиков, а сами держались за православие. Только и разницы, что русские имели дело всё больше с татарами, а румыны – с турками.

Оглянутся румыны в турецкую сторону, а оттуда им кричат: «Гяуры!» На католиков посмотрят, а оттуда доносится: «Схизматики!» А главное – и с той, и с другой стороны приходили рати, чтобы подчинить эту обособившуюся землю, которая не хотела никому подчиняться, а хотела жить по-своему, молиться по-своему и, стоя на своём, завоевать среди соседей уважение.

В старые времена уважение завоёвывалось силой оружия, а теперь, когда граница мусульманского мира отодвинулась от румынских границ, а западные державы уже не стремятся повсеместно насадить в Европе католичество, большее значение приобрели не военные победы, а уступчивость и искусство согласия.

Нынешние румыны верят, что уступчивостью добьются уважения среди европейцев и получают выгоду. Верно ли это? Кто же скажет! Но в нынешние времена навряд ли появится такой государь, которым был Влад III, после смерти прозванный Цепешем, а при жизни носивший отцовское прозвище – Дракул.

Другая эпоха воспитала его. Она показала, что уступчивость заставляет делать всё новые уступки – делать до тех пор, когда отступить станет уже некуда. И та же эпоха научила, что соседи уважают силу, а кротость не в чести.

Пусть румыны и говорят иногда «приди, Цепеш», но тот не приходит. Он чужд новой эпохе – эпохе сдержанности и многословия, чужд новым временам, где всё меньше остаётся места для решительного действия и открытой борьбы. А ведь в его мятежной душе даже добро и зло противостояли друг другу открыто, почти не скрывая имён. Иначе и не могло быть в ту эпоху, когда всякое деяние прямо называлось «добро» или «зло», а теперь эти слова заменены другими, которые каждый волен трактовать по-своему.

Вспомним же ту эпоху, когда понятия о добре и зле ещё не расплылись и не размылись! Вспомним время, когда неверие в существование дьявола считалось таким же грехом, как неверие в Бога, а дьявол в сознании верующего принимал чёткие обличия. Вспомним годы, когда румыны и русские шли по одному историческому пути, читали одни и те же книги и выражали мысль на письме одними и теми же словами.

Вспомним и призовём Цепеша на страницы этого повествования!

Часть I

В Румынии¹ август – месяц жаркий, но по утрам за ставляет зябнуть. Выйдя на крыльцо, князь Влад невольно поёжился. За ночь воздух пропитался холодной сыростью, а на траве, буйно растущей вдоль частокола и под срубам хозяйственных построек, рассыпались капли росы. Высохнуть они должны были нескоро. Пусть небо посветлело, однако солнцу предстояло взойти только через час.

– Через час! День ещё не начался! – донёлся до князя шипящий голос.

Влад мельком взглянул вниз и убедился, что у ног сидит всегдашний спутник – небольшой бескрылый дракон. Тварь не причиняла беспокойства, потому что появлялась, только если вспомнить о ней, и вот тогда прибегала, чтобы завести беседу со своим хозяином. Тем не менее князь считал свою зверушку привязчивой: «Это ведь моя давняя детская выдумка. Ей давно пора забыться, а она оказалась живучей. Наверное, я к ней слишком привык, и в этом всё дело».

Конечно, никто, кроме князя, эту зверушку не замечал, поэтому Влад беседовал с ней мысленно, зная, что мысли она «слышит» так же хорошо, как слова.

– Нет, день начался, – возразил Влад своему необычному собеседнику. – День начинается тогда, когда я захочу его начать.

Однако дракон, стоя на крыльце рядом с хозяином, продолжал шипеть:

– Неужели тебе нравится вставать так рано?

– Время не такое уж раннее, – всё так же мысленно ответил князь. – Птицы проснулись. Слышишь, как щебечут? Значит, и мне пора приниматься за дело, на сегодня намеченное.

Птицы и впрямь начали свои утренние песни, и только этим выдавали своё присутствие. По ветвям близстоящих деревьев никто не прыгал. Над крышами конюшни, сеного сарая и кладовых тоже не было заметно движения. Лишь высоко в небе виднелись пернатые, но совсем другие – горлицы, что угадывалось по форме тела и манере полёта. Горлицы кружили на фоне светло-голубого неба, кое-где украшенного разводами розовеющих облаков, а полупрозрачный серпик луны только начал клониться к горизонту, напоминая Владу, что ещё не пробило и пяти часов.

Князю пришлось встать так рано, чтобы успеть к обедне в ближний монастырь, а дракон отговаривал от поездки, хоть и без надежды на успех, ведь никто не станет ничего отменять, когда приготовления завершились, и даже монахи в обители получили известие о дне и часе государева приезда.

– И всё-таки можно уехать попозже! – не унималась тварь, так что Владу пришлось даже шикнуть на неё. Правда, со стороны все эти споры выглядели совсем иначе – правитель появился на крыльце, сопровождаемый лишь челядью, зябко передёрнул плечами и сразу сбежал по ступеням во двор. Чешуйчатая тварь, как преданная собака, сбежала следом, но для челядинцев, окружавших князя, её не существовало. Все смотрели только на Владу, а когда он оказывался рядом, чуть пригибались.

Слуги старались выглядеть ниже, потому что не желали оказаться выше господина. Так уж получилось, что он не отличался высоким ростом, зато в остальном природа постаралась и наградила князя щедро. Лоб широкий – под таким много ума поместится. Глаза большие – мигом разглядят, когда слуги отличились, а когда оплошали. Нос прямой, и пусть это никак не помогает в государственных делах, но выглядит красиво – особенно, если ноздри тонкие, как у породистого коня.

¹ В описываемое время Румынию было принято называть Валахией, однако сами влахи называли себя румынами, а свою страну – Цара Ромынеаскэ – Румынская Страна.

На государевом лице также обращали на себя внимание чёрные усы с подкрученными кверху кончиками, и эти усы могли даже удивить, ведь подкручивать кончики свойственно недавним юнцам, гордящимся, что наконец-то возмужали, а Влад был давно не юн. Однако, прожив на свете уже больше тридцати лет, правитель не растерял юношеского задора, и это было хорошо известно подданным. Знали они и то, что их государь – человек упрямый, о чём говорила нижняя губа, чуть выпяченная, и острый подбородок.

Впрочем, для правителя упрямство и настойчивость являются благом, да и государем Влад был толковым, поэтому казалось странным, что он носит прозвище Дракул, которое хорошему правителю не дадут, ведь слово «дракул» является одним из имён нечистого. Однако всё объяснялось просто. Прозвище перешло к Владу от отца, а отец звался Дракулом потому, что чеканил монеты с изображением дьяволов-драконов и временами утверждал, что эти существа ему служат.

«А что, если эта тварь, которая следует за мной, вовсе не выдумка, а явь? – часто спрашивал себя младший Дракул. – Возможно, это настоящий дьявол, который вместе с прозвищем достался мне от отца в наследство. Недаром же говорят в народе, что щепка от бревна недалеко отскакивает и что дети всегда идут вслед за родителями. Вот мой отец вёл себя так, будто сумел приручить дьяволов, и потому стал зваться Дракулом. А теперь я веду себя похожим образом».

Народ неспроста наградил младшего Дракула отцовским прозвищем. Кем бы ни был змей, вертевшийся возле ног Влада – выдумкой или явью – подданные считали, что дело тут нечисто, и, даже не видя чешуйчатую тварь, находили доказательства, что сын пошёл по родительским стопам. Например, Владу нравились вещи из турецкой страны, а народ считал, что эта склонность – бесовское наущение.

– Туркам противно христианство, и дьяволу оно тоже противно, поэтому нечистый хочет, чтобы наш государь отуречился, – так говорили люди, когда думали, что до княжеских ушей эти слова не дойдут.

Слова доходили, но младший Дракул не стремился опровергнуть их. Вот и сейчас, когда он с утра пораньше собрался ехать в святую обитель, его одеяние несло на себе следы «дьявольского наущения».

На правителе были жёлтые сапоги, сплошь покрытые замысловатым тиснёным узором, а таких сапог не закажешь здешнему мастеру. Только у турок, которые всегда славились умением выделывать кожу, получилось бы раздобыть что-то подобное.

Синий кафтан до колен тоже казался наполовину турецким. Скроен был так, как носят многие христиане, а вот лепестки узора на ткани говорили – художник, придумавший этот рисунок, никогда не осенял себя крестом и, вероятнее всего, молится пять раз в день, стоя на коврике.

Что до остальной одежды, то она полностью соответствовала румынским обычаям. Штаны не узкие, как принято, к примеру, у немцев, но и не широкие, как у татар или тех же турок. Из горловины кафтана выглядывала тонкая белая рубашка с вышивкой по краю ворота, и вышивка эта походила на местный орнамент. Голову венчала островерхая, но невысокая шапочка с загнутыми краями.

Именно в таком одеянии Владу предстояло отправиться в монастырь, и пусть государь подозревал, что на турецкий кафтан и на турецкие сапоги в обители посмотрят неодобрительно, но ничего не собирался с этим делать.

Паломничество всегда начинается с молитвы. Вот почему во дворе заранее постелили ковёр, на ковре установили стол, покрыли сукном, а на столе приготовили всё нужное для молебна. Возле стола уже ожидали священник, дьякон, юноша-чтец и мальчик-помощник, а возле них – совсем рядом, будто ещё один священнослужитель – стоял боярин. Лицо у боярина было доброе, взгляд открытый. Даже усы – пышные, золотистые, казавшиеся ещё светлее на

фоне загорелых щёк – словно говорили, что человек с такими усами непременно должен и помыслы иметь светлые.

Боярин этот, звавшийся Войко², отличался богатырским сложением и таким высоким ростом, что, сколько бы ни пригибался, всё равно оказался бы выше государя. Может, из-за этого Войко не старался сделаться ниже. Этому боярину Влад благоволил особо, и потому, как только князь миновал его, богатырь пристроился на наиболее почётном месте – за правым княжеским плечом.

Меж тем священник, увидев, что правитель готов, принялся служить молебен о благополучии путешествующих и возгласил:

– Благословен Бог наш!

Затем юноша-чтец начал читать молитвы, и поначалу всё шло, как обычно, но вдруг Влад, случайно глянув на слугу-богатыря, заметил неладное – Войко, всегда сосредоточенный во время служб, не следил за ходом молебна, а косился влево. Боярин и сам понимал, что ведёт себя неподобающе, но отвлекался.

Священник, дьякон и юноша-чтец невозмутимо продолжали своё, но теперь уже и государь начал оглядываться. Наконец, после того как дьякон возгласил «о еже послати им Ангела мирна, спутника и наставника», князь не выдержал и тихо спросил:

– Войко, что там такое?

– Прости, государь, – пробормотал слуга, но Влад не отставал:

– Куда ты косишься?

– На крыльцо... – вконец смутился Войко.

Государь посмотрел на крыльцо и удивился. Там было пусто, если не считать дракона, устроившегося на предпоследней ступеньке, подальше от места богослужения. Боярин не мог видеть дракона, но вёл себя так, как если бы заметил что-то интересное.

Влад встревожился:

– И что там, на крыльце?

– Вроде чёрная собака. Не припомню такую в твоей псарне.

– Там нет собаки, – холодно ответил князь.

– Как это «нет»? – озадаченно спросил Войко.

– Там нет собаки, – твёрдо повторил Влад.

Богатырь снова посмотрел на крыльцо и, казалось, озадачился ещё больше.

– Верно. Собаки нет. Совсем ничего нет. Померещилось, что ли? – произнёс он, три раза перекрестясь, однако князь продолжал чувствовать беспокойство.

Никогда прежде не случалось, чтобы кто-то обращал внимание на дракона. Влад привык, что чешуйчатая тварь заметна только ему. «А иначе и быть не может, – говорил он себе, – ведь я всё выдумал». Правда, он переставал считать дракона выдумкой, когда вспоминал про отцовские утверждения о приручённых дьяволах, но это было почти не всерьёз. «Нельзя же в самом деле думать, что разговариваешь с бесом!» – сам над собой насмеялся Влад. Много лет он жил спокойно, позволяя себе тешиться беседами с шипящей зверушкой, и вдруг приближённый боярин начал говорить про чёрную собаку.

«Зачем Войко это говорил? – тревожился Влад. – Задумал подшутить надо мной? Возможно, я выдал себя, когда только вышел на крыльцо. Возможно, я глядел на дракона слишком пристально, а Войко заметил, как я смотрю в сторону, и решил притвориться, будто тоже что-то видит. Он никогда не умел шутить».

Тем временем молебен окончился. Настала пора отправляться в путь. От толпы челядинцев отделились двадцать человек, подпоясанные мечами – княжеская дорожная охрана – и ещё

² Боярин Войко Добрица неоднократно упоминается в исторических документах, начиная с 16 апреля 1457 года. Этот боярин имел очень большое влияние на Влада Дракула-младшего, позднее прозванного Цепешем.

пятеро невооружённых слуг. Из конюшни вывели осёдланных коней и нескольких вьючных лошадей, на спинах которых висело по два объёмистых мешка из воловьей кожи.

Посреди двора один из конюхов уже держал под уздцы осёдланного вороного жеребца. Жеребец, предназначенный для князя, нетерпеливо переступал с ноги на ногу и мотал носом вверх-вниз, норовя вырвать узду из рук.

Войко, как того требовал обычай, помог Владу сесть в седло, слуга-конюх отошёл в сторону, а другие челядинцы – кому не полагалось сопровождать князя в монастырь – с поклоном произнесли:

– Доброй дороги, государь.

– Счастливо оставаться, – громко ответил венценосный путешественник и, двинув пятками по конским бокам, поехал рысью к воротам.

По всему было видно – Влад считал, что свита последует за ним и без приказа, а створки ворот откроются проворно, и можно будет, не сбавляя хода, выехать на городскую улицу.

Всё случилось в полном соответствии с ожиданиями. Стоило Владу проехать несколько шагов, его тут же нагнал Войко на рыжем коне, заняв место справа, а вслед за государем и боярином пустились в путь двадцать пять конных слуг, пятеро из которых, невооружённые, тянули за собой вьючных лошадей, соединённых меж собой так, как это делают в караване.

– Как думаешь, Войко, – обратился государь к боярину, – успеем ли мы добраться до монастыря к началу обедни?

– Должны успеть, – с улыбкой отвечал Войко, – но если будет, как в прошлые разы... то дай бог успеть хотя бы к вечерне. – На последнем слове боярин с подозрением покосился вниз.

– Что там? – спросил правитель.

– Мелькнуло что-то. Не разобрал. – Войко выглядел неподдельно озабоченным.

«Неужели он не шутил, когда говорил про собаку?» – засомневался правитель, но тут же одёрнул себя: «Брось! Кажется ему или нет – тебе-то что? Или ты боишься быть уличённым в том, что разговариваешь с чешуйчатой зверушкой? Успокойся. О твоих разговорах узнают, только если ты сам себя выдашь. Прекрати смотреть вниз. Тогда и увидим, прекратит ли Войко тебя передразнивать».

Однако соблазн посмотреть вниз был слишком велик, поэтому Влад всё-таки глянул под ноги коню и тут же услышал шипение:

– Я не знаю, отчего твоему слуге мерещится всякое.

* * *

Выехав со двора, Влад свернул направо, на длинную улицу, которая еле заметно поднималась в гору, а справа и слева тянулась неразрывная вереница каменных домов с большими двустворчатыми дверями, похожими на ворота. Побелка на стенах ещё не успела потемнеть от пыли и растрескаться, потому что нынешние жители – боярские семейства – перебрались сюда лишь год назад, когда Влад решил, что именно здесь, в городе Букурешть, будет новая румынская столица³.

Сейчас государь смотрел по сторонам и думал, что неподалёку, на соседней улице, расположено такое же жильё, которое он купил и отделал не для себя и в то же время для себя.

Бывало, после заката, в сумерках, Влад приезжал к этому дому, спрыгивал с коня, стучался и через минуту слышал звук поднимаемой щеколды. Старуха, чья спина навек застыла в поклоне, открывала одну створку дверей и произносила:

– Доброго вечера, господин. – После чего князь, ведя коня за собой, проходил во внутренний двор.

³ Бухарест как столица Румынии (Румынской Страны) впервые упоминается в грамоте Влада Дракула-младшего, изданной 20 сентября 1459 года.

Где-то начинал гавкать цепной пёс, которому тут же вторил соседский, а их безуспешно пытался унять седоусый слуга – муж сгорбленной служанки.

– Хватит уже гавкать! Хватит, – повторял старый челядинец, принимая из государевых рук конский повод, однако Влад не следил, кому и что передавал, а смотрел на крыльцо, где ожидала нарядная красавица.

Нарочно эта красавица наряжалась. Нарочно надевала платье из красного бархата и расшитый жемчугом пояс. Нарочно укладывала причёску, перетягивая локоны не тёмными, под цвет волос, а золотыми шнурками. Глаза подводила чёрным по самому краю. Видать, напускала чары. Губы у неё блестели от чего-то. Поцелуешь – сладко.

Если Влад спрашивал:

– Мёдом, что ли, намазала? – то прямого ответа не получал.

– Может, мёдом, а может, и нет, – говорила красавица, лукаво улыбалась и вела в ярко освещённую комнату, к столу, где был накрыт ужин.

В летнюю пору все окна в том помещении отворялись, поэтому отчётливо слышалось, как в садике стрекотали цикады. Князь только успевал прислушаться к их тихой трескотне, как вдруг соседский пёс снова принимался гавкать и подвывать, никак не желая успокоиться. Вспоминалась поговорка: «Милая, я пришёл бы к тебе ночевать, да перед собаками стыжусь».

Влад не мог сказать, почему, посещая тот дом, вспоминал поговорку, придуманную для деревень, ведь Букурешть несмотря на свои малые размеры, являлся городом. В городах нравы всегда были свободнее. К тому же дело касалось государя, и молва не посмела бы судить строго. Иногда только шептал кто-нибудь приятелю, пряча ухмылку в кулак:

– Вон в том доме живёт наша государыня.

«Государыня... Выдумали-таки слово! – усмехнулся Влад, вспоминая вечерние свидания, однако тут же пришлось вспомнить о цели нынешней утренней поездки, о монастыре. – Направляясь в святую обитель, положено давать ход только мыслям о спасении души, а остальные пресекать. Вдобавок пост ещё не окончился. Подумал о блюде в пост – согрешил вдвойне».

Князь даже досадовал на себя из-за таких мыслей – не успел начать паломничество, а уже сбился с праведного пути – но дракон, бегущий слева, возле коня, был весьма доволен и улыбался во всю пасть, как умеют улыбаться собаки.

«Почему тварь радуется? – размышлял Влад. – Не оттого ли, что это настоящий дьявол, который всегда рад, когда человек оступается?» – однако догадки оставались догадками. Конечно, правитель не раз спрашивал свою ручную зверушку:

– Кто ты? – Но зверушка отвечала по-разному, и в этом не было ничего странного, ведь если тварь выдумана, то её ответы переменчивы и зависят от хозяйского настроения.

«А вдруг эта тварь не вымышлена? – порой спрашивал себя Влад, но, предположив такое, всегда одёргивал себя: – Брось! Пусть тебе с детства твердили, что на свете есть бесы и что сомневаться в их существовании грешно, но для человека всерьёз думать, что с ним говорит бес, это верный путь к безумию. О разговорах с нечистым можно думать только как о вымысле – вымысле, созданном для забавы».

* * *

Ранним утром на улицах попадалось мало прохожих, но все встречные почтительно кланялись и сразу вжимались в дверные ниши, давая конникам дорогу. Правитель только успевал замечать, что справа и слева мелькают затылки, чёсанные и нечёсанные, а ещё – белые женские платки.

«Когда ты облечён большой властью, то волей-неволей смотришь на людей сверху вниз», – думал Влад. А ведь было время, когда он смотрел на мир иначе – снизу вверх, и запоминались не головы, а ноги и подола. К примеру, подол чёрной рясы, немного обтрепанный,

но чистый. Эту рясу носил священник, которому Влад исповедовался в детские годы, когда ещё не имел ручного дракона и жил легко и беззаботно.

Когда князь начинал вспоминать о тех временах, мысль уносила его в далёкие венгерские земли, в город, расположенный не на равнине, как Букурешть, а на холме среди гор, сплошь заросших лесом. Правитель знал, что в самом центре города, на перекрёстке и сейчас есть трёхэтажный дом длиной в четыре окна. Князю помнилась даже черепичная крыша, нахлобученная, словно крестьянская войлочная шапка, ведь именно с этим скромным жилищем, а не с княжескими хоромами он связывал самые лучшие годы раннего детства.

Когда-то в доме жили отец, мать, старший брат, сам Влад и немногочисленная челядь. Там жил и священник-монах, отец Антим, с которым все обращались как с близким родственником.

Служитель церкви всегда нужен, если семья и челядинцы – православные христиане, которые живут среди католиков, а до ближайшего православного прихода не смогут добраться даже за целый день. Поэтому отец Антим и жил в доме.

Влад помнил просторную чёрную рясу и рыжие кожаные башмаки. Эти башмаки – тупоносые, доходящие до середины икры и крепко зашнурованные кожаными ремешками – мелькали под лапами рясы, когда её обладатель куда-нибудь торопился. Князю вспоминался тёмный плащ-мантия. Вспоминались руки священника – сухие ладони и длинные пальцы. Пальцы правой руки то и дело приходили в движение, перебирая затёртые до блеска деревянные чётки.

В детстве Влад знал – если подойдёшь, дёрнешь за рукав и произнесёшь «отче», к тебе обязательно склонится раздвоенная борода серо-бурого цвета, а затем послышится кроткий голос:

– Что такое случилось, чадо?

Произнеся это, священник склонялся ещё ниже, и малолетнему Владу становилось видно ещё нестарое румяное лицо с ясными глазами и мягкая шапочка с острым верхом, которая прикрывала лоб монаха от самых бровей.

Шапочку и мантию отец Антим снимал только во время служб. Он был словно путешественник, одетый так, чтобы сию же минуту пуститься в странствие, и это вызывало у маленького Влада замешательство:

– Отче, а ты от нас не уйдёшь?

– Нет. Зачем мне уходить? – отвечал священник.

Достопамятный город в долине среди гор назывался Шегешвар. Так произносили венгры и немцы, причём немцев в городе было большинство. Их предки обосновались на этом самом месте очень давно – так давно, что успели стать похожими на венгров. На улицах говорили в основном по-венгерски, а по-немецки, конечно, тоже говорили, но чаще меж собой или в домах. Владу почти не доводилось слышать немецкую речь. Он знал только, что на немецком языке этот город зовётся Шезбург.

Румын здесь жило мало. Они именовали город как Сигишоара⁴, но семья Влада чаще всего употребляла это название не в разговорах с незнакомцами, а в своём кругу.

– Живём, будто на острове, – вздыхала мать.

– И выйти некуда, и поговорить не с кем, – вторили её служанки.

В доме говорили по-румынски, молились на славянском языке, а за воротами начинался совсем другой мир: весь город трещал на чужих языках, в храмах звучала латынь. Чтобы почувствовать, что ты «на острове», можно было даже и не выходить никуда, а выглянуть в окно и увидеть на другой стороне улицы серую каменную стену доминиканского монастыря.

⁴ В трансильванском городе Сигишоара Влад Дракул-младший (Цепеш) провёл раннее детство. В Средние века эти территории входили в состав Венгерского королевства. Вероятнее всего, Влад родился не в Сигишоаре, а был привезён туда в возрасте 2-х лет в 1431 году. Старшему брату Влада в 1431 году было около 4-х лет.

Как семья оказалась в таком положении, малолетний Влад знал, и всё же просил священника, дёргая за рукав:

– Отче, расскажи историю.

– Что рассказать?

– Как мой отец, мама и ты приехали к католикам.

– Я же рассказывал. – Отец Антим, наклонившийся было к мальчику, снова распрямлялся.

– Ты рассказывал, но коротко. А теперь расскажи длинно, – просил Влад.

– Я и длинно рассказывал, – возражал отец Антим.

– Отче, расскажи ещё раз.

– У тебя не хватит терпения слушать, – улыбался монах.

– У меня терпенья хватит, – возражал Влад.

– Ну, хорошо.

Отец Антим усаживался на скамью в одной из комнат или на крыльцо – там, где был пойман, а малолетний Влад устраивался рядом и ждал, пока рассказчик, кашлянув пару раз для прочищения горла, начнёт повествование.

– Когда умер твой дед, великий государь Мирча⁵, было это большое горе для всей Румынской земли. Люди плакали, потому что не знали, даст ли им Бог другого такого правителя – сильного и мудрого, который оградит их от напастей. Твой дед оставил после себя трёх сыновей, и по закону трон занял старший из них...

Влад уже с первой минуты начинал перебивать:

– Отче, ты не всё рассказал про дедушку.

– Что же я забыл?

– Ты забыл сказать, что дедушка правил очень долго. Он умер совсем седым.

– В этот раз к слову не пришлось...

– Нет, отче, расскажи. В прошлый раз ты говорил – если правитель доживает до глубокой старости, значит, он великий.

– Я такое говорил?

– Да. Ты сказал, что на великие дела нужно много времени. Если правитель умрёт рано, он не успеет всё доделать.

– Ну, что ж, – соглашался отец Антим, – будем считать, что я и сейчас всё это сказал...

Так вот после смерти твоего деда на престол сел старший брат твоего отца, но правил недолго, потому что был убит.

– Кем?

– Незачем спрашивать, если тебе известен ответ, – говорил монах, но Влад просил всё настойчивее:

– Отче, доскажи сам, как в прошлый раз.

– Был убит злыми людьми.

– Вот! – Малолетний слушатель кивал, довольный. – Вот теперь ты рассказал всё как надо.

– После этого началась в Румынской земле смута, и сел на трон младший брат твоего деда. Конечно, был он уже не молод...

Влад снова перебивал:

– Отче, в прошлый раз ты рассказывал про него смешно, а сейчас – не смешно.

– А что я рассказывал?

– Ты сказал, что дедушкин младший брат накопил годов, зато растерял волосы.

⁵ Князь Мирча Старый. Один из самых известных и почитаемых румынских князей. Правил с 1386 по 1418 год с небольшими перерывами. Умер в начале 1418 года.

– Да, – вторил отец Антим, – поднакопил годов, зато растерял волосы. Оно бы ладно, но ничем этот правитель народу не запомнился... только своей лысой головой⁶.

– А ещё ты говорил, что он сильно не любил моего отца.

– Да, и потому твой отец, когда понял, куда ветер дует, решил, что лучше уехать...

– Пока злые люди не убили! – восклицал Влад.

– Чадо, ты знаешь всю эту историю, – говорил монах, хитро улыбаясь. – Рассказывай тогда вместо меня.

– Нет! Отче... Рассказывай ты!

– Хорошо, расскажу. Только ты уж меня не перебивай...

– А ты ничего не пропускай!

– ...И вот начал твой отец готовиться к отъезду. Пришёл в храм, где всегда исповедовался, встал смиренно в сторонке, дождался окончания службы и подходит к своему духовнику, но не за исповедью, а за советом: «Так и так, отче Николае, надо мне отправляться на чужбину, к католикам, и оттого пребывает душа моя в печали. Жить мне на чужбине долго – не один год и не два. Буду я вдали от православных земель, православных приходов и монастырей. Не смогу часто посещать службы, не смогу исповедоваться как должно. А если родятся у меня сыновья, кто научит их разуместь слово Божье? Не знаю, что и делать». Отец Николае призадумался и спрашивает: «Когда же ты должен уехать?» «Каждый день дорог», – отвечает твой отец. «Ой-ой-ой, что ж ты раньше не приходил?» – покачал головой отец Николае, но попросил твоего отца подождать с отъездом хотя бы до понедельника. А до понедельника оставалось всего ничего – половина пятницы, суббота и воскресенье.

И снова малолетний слушатель не мог удержаться от вопросов:

– А если б в эти дни злые люди захотели...

– Отец Николае думал об этом, потому и торопился, – пояснял рассказчик. – В тот же час побежал он к митрополиту, сумел пробиться в палаты. Благо храм, при котором числился отец Николае, был кафедральный, и оттого митрополит знал в лицо и по именам всех священников, что в этом храме служат.

– А если б мой отец сам пошёл к митрополиту?

– Нет, твой отец сам пойти не мог, но человека, которому можно довериться, выбрал правильно. И вот когда отец Николае поведал митрополиту...

– Тогда решили, что к католикам вместе с моим отцом поедешь ты! – радостно подсказывал Влад.

– Это решили не сразу, – возражал отец Антим. – Сначала митрополит меня призвал. Я прихожу и вижу, что отец Николае тоже в комнате у владыки. Сидит в сторонке и странно так поглядывает. Значит, только что разговор вели обо мне. Я перекрестился на образа, поклонился земно, как полагается, и жду. Митрополит спрашивает: «Ты сколько уже в дьяконах подвизаешься?» Я отвечаю: «Восемь лет. Вот отец Николае помнит. Он сам присутствовал, когда рукополагали меня в дьяконы, и под его же началом я в храме подвизаюсь». Митрополит помолчал, подумал и снова спрашивает: «А не пора ли тебе из дьяконов в священники?» Я растерялся...

– ...и испугался, – подсказывал Влад.

– И испугался. Где это видано, чтобы сам владыка у простого дьякона спрашивал совет! У меня аж сердце заколотилось, в ушах зашумело, но совладал я с собой, отвечаю: «Если есть во мне нужда как в священнике, значит, время настало. А если нет такой нужды, я могу ещё подождать, пока не освободится для меня где-нибудь место». Вот тут митрополит и сказал: «Хватит тебе жить под крылышком у отца Николае. И в библиотеке моей после вечерних служб

⁶ Князь Михай (Михаил), старший сын Мирчи Старого, правил всего два года. Затем трон достался князю, которого звали Раду. Новый князь получил прозвище Лысый (Праснаглава).

прохлаждаться тоже хватит. Добро бы переписывал книги, а то читаешь только. Послезавтра рукоположим тебя в священники, чтобы ты мог крестить, исповедовать и причащать. А ещё через день благословляю тебя отправляться за горы, на север, и нести свет православия страждущим».

Отец Антим говорил очень хорошо, даже менял голоса, подражая то одному герою своего повествования, то другому. Влад хихикал от удовольствия.

– Я, услышав такое, ещё больше испугался, – продолжал рассказчик. – Испугался потому, что не понял ничего. Кому я должен нести свет православия? Уж не католикам ли? Хорошо, что отец Николае после того, как я побывал у митрополита, объяснил мне. Тогда я обрадовался. Получалось, что дали мне приход.

Отец Антим шутил, когда говорил, что дали ему приход. Ведь приход – это не только приходжане, но и храм. Дом в Сигишоаре храмом не был. И отдельную молельню, которую можно посещать во всякий час, в доме не делали. Куда уж молельню, если все жили друг у друга на головах.

«Приход» состоял из четырнадцати человек, которые могли разом уместиться только в одной комнате – в столовой. Там и совершались службы. Первая начиналась очень рано, и дети почти никогда на ней не присутствовали. Вторая – в десятом часу утра, а третья – вечером.

По воскресеньям перед второй службой священник принимал исповедь. Садился за обеденный стол почти на самом углу, накрывал этот угол белым вышитым полотенцем, а затем хлопал ладонью по ткани и бодро произносил:

– Ну, что ж. Подходите поочерёдно. Очистите свои души от греха.

Первым подходил старший брат Влада, Мирча, названный так в честь великого деда. Мирча Малый склонялся к уху священника и принимался что-то шептать, а отец Антим понимающе кивал, но иногда делал удивлённое лицо и спрашивал:

– Как же так? – очевидно, удивляясь разнообразию мальчишеских проказ.

Влад помнил те времена, когда его не приглашали к исповеди, ведь считалось, что детям до семи лет каяться не в чем. Домочадцы выстраивались в очередь, а он отходил в сторону, влезал на лавку возле стола и смотрел, как другие рассказывают священнику про свои грехи.

Определить, кто что рассказывает, было трудно и вместе с тем просто. Трудно потому, что «грешники» не только старались говорить тихо, но и отворачивались, прятали лица – по изгибу спины ведь не поймёшь, о чём сейчас речь. Зато угадать общий смысл каждой исповеди не составляло труда, ведь если люди живут под одной крышей, то всегда известно, кто чем грешен.

«Вот старший брат кается, что обозвал нехорошим словом и побил мальчишку с соседней улицы, – думал проникательный наблюдатель. – Слуга-конюх кается, что вчера выпил много вина. Другой слуга кается, что вчера выпил много вина и ущипнул служанку, которая мыла пол. Третий – что ходил в весёлый дом».

Затем наступала очередь женщин. Мать каялась, что даёт волю гневу. Материны служанки каялись, что брали без спроса её вещи, а когда это обнаружилось, то «лгали госпоже». Кухарки каялись, что ели мясо в постный день. Прачка и та служанка, которая мыла в доме пол, каялись, что одолела их лень. Нянька, которая присматривала за Владом даже во время служб и исповеди, каялась, что, дескать, молится неусердно.

Лишь одна исповедь оставалась загадкой. «В чём кается мой отец?» – спрашивал себя малолетний Влад и не мог ответить. К тому же отец исповедовался реже, чем остальные домашние – много времени проводил в разъездах. Если он был не в отъезде, то подходил к священнику за отпущением грехов сразу после своих детей. Стоял к остальным домочадцам вполоборота – лицо не прятал. Говорил довольно громко, так что были слышны отдельные слова. И всё-таки маленький наблюдатель не мог угадать мысли своего отца, а додумался лишь много

лет спустя. «Уж не каялся ли он в том, что беседует с дьяволом? – повторял себе младший Дракул. – Вполне возможно, в этом и каялся. Жаль, что доподлинно узнать это нельзя».

* * *

Город Букурешть с его домами, стоявшими впритык друг к другу, очень быстро сменился пригородом. В пригороде каждое жилище окружал фруктовый сад – такой раскидистый, что меж зелёных крон с трудом проклёвывался рыжий нос крыши. Затем сады уступили место равнинам, а вместе с садами и строениями ушла тенистая темнота, покрывавшая дорогу.

На открытом месте сделалось уже совсем светло, хотя солнце даже не появилось из-за горизонта. Лёгкий туман ещё держался, однако вблизи он почти не был заметен. Лишь глядя вдаль, на равнины, можно было увидеть, что изгороди из жердей и двухколейные дороги справа и слева от главного тракта бледнеют чем дальше, тем больше, а горизонт почти пропал. Даже коровьи стада на полях казались полупрозрачными, но венценосный путешественник, видевший всё это не раз, обращал на них мало внимания. Он торопился и, двигаясь широкой рысью, через четверть часа доехал до развилки.

По большому счёту, между двумя дорогами, на которые разделился тракт, не было заметно разницы, но Влад остановился и задумчиво спросил у боярина, который всё так же находился рядом, по правую руку:

– Как полагаешь, куда нам лучше повернуть?

Княжеский вопрос застал Войко врасплох, потому что слуга-богатырь опять с подозрением глядел куда-то под копыта государеву коню.

– Куда повернуть? – отозвался боярин, сразу стряхнув с себя подозрительность. – Я думаю, это всё равно. Если нас опять поджидают, то в обеих деревнях.

– Да, – согласился правитель, – но я предпочту ехать туда, где народу меньше.

– Даже если нас встретит мало людей, к обеду мы наверняка опоздаем, – заметил боярин.

Влад посмотрел на одну дорогу, затем на другую:

– Как всегда, начнут кидаться под ноги коню и молить, чтобы я творил суд! – произнёс он. – Дескать, творить суд – святая обязанность правителя! Как будто я один судья на всю страну. А из-за этих суждений мне опять опаздывать к обеду?

– Господин, а зачем ты каждый раз внимаешь просьбам? – с напускным равнодушием спросил Войко. – Ехал бы мимо и притворялся, что оглох.

– А если просители перегораживают дорогу?

– Продолжай ехать, – всё так же небрежно отвечал Войко. – Они увидят, что ты не намерен остановиться, и расступятся.

– Они с места не сойдут.

– Потому что думают, что ты остановишься. Отчего же ты даёшь им повод так думать? – спрашивал боярин, похоже, делая это нарочно, чтобы вновь и вновь убеждаться – господин вовсе не так безразличен к подданным и только притворяется суровым.

– Я не знаю, отчего так получается, – раздражённо ответил Влад и принял решение. – В прошлые три раза я выбрал дорогу направо, но ничего не выиграл. Поедем и в этот раз направо. Должно же мне когда-нибудь посчастливиться на этом пути.

– Погоди, господин, – улыбнулся боярин. – Я думаю, мы всё-таки можем узнать, где скопилось меньше народу.

– Как узнать?

– Спросим.

– У кого?

– А вон видишь, пасётся серая лошадёнка? Я думаю, что мы можем всё выведать у того, кто на ней приехал.

Кобыла, которую заметил Войко – пузатая, куцехвостая – паслась на поле, аккурат между расходящимися дорогами. Влад пригляделся внимательно и согласился со слугой: «Что-то тут странное творится».

Лошадёнку привязали к кусту за повод. Седло сняли, а может, приехали без него, но отсутствие седла – ещё не признак, что лошадь отдыхает. Если бы лошадь действительно стояла здесь на выпасе, то надели бы на неё недоуздок, а не уздечку и привязали бы не за повод к кусту, а за верёвку к колышку, вбитому в землю.

Никого, похожего на владельца этой скотинки, поблизости не было видно, куда ни погляди. А ведь местность вокруг была открытая – ни сенных стогов, ни чего другого, что могло бы случайно заслонить человека, который не собирался прятаться, да и туманная дымка с каждой минутой всё больше рассеивалась, улучшая обзор. Рядом с развилкой росла лишь пара деревьев да жухлый полупрозрачный куст. «Неужели тут кто-то прячется?» – подумал Влад.

– Лошадёнка вот, – меж тем продолжал Войко, – а чтобы увидеть седока, давай сделаем вид, будто выбрали дорогу и решили ехать.

– Что ж... хорошо, – кивнул Влад и поехал, увлекая за собой свиту, направо, как и собирался.

Расстояние успели одолеть совсем малое, как вдруг с дерева возле развилки свалился, словно спелое яблоко, босоногий отрок лет одиннадцати в крестьянской одежде. Он подбежал к кусту, рывком отцепил от него повод, перекинул лошадёнке через голову, взялся за гривку и, чуть ли не на ходу запрыгнув, помчался галопом по полю вдоль той дороги, по которой венценосный путешественник мог бы поехать, но не поехал.

– Ого! Видали? – засмеялся Войко, указывая на отрока.

Влад оглянулся на свою вооружённую охрану и выбрал двух конников из левого ряда:

– Ты и ты, догнать этого лазутчика и привести ко мне.

Конники тут же пустились исполнять повеление, а правитель остановился и наблюдал за их скачкой, которая со стороны выглядела так, будто две охотничьи собаки заявили на птичий двор и ради потехи гоняются за курицей – как ни стараются псы бежать помедленнее, чтобы растянуть себе удовольствие, всё равно догоняют.

Где уж деревенской кобыле тягаться в скорости с породистыми жеребцами из княжеской конюшни! Хоть и понукал малолетний лазутчик свою лошадёнку, но его всё равно догнали и заставили рысать обратно.

Даже не будучи связанным, мальчишка улизнуть не мог, поэтому послушно направлял лошадку, куда указывали двое сопровождающих, хоть и понимал, что сейчас ему предстоит трудная беседа. Подъезжая всё ближе, он исподлобья поглядывал на князя, который со своими провожатыми ожидал на дороге.

– Ты кто таков? – строго спросил Влад, когда отрок, восседающий на серой кобылке, оказался перед ним.

Тот уже собрался ответить, но конник, который присматривал за лазутчиком справа, отвесил ему подзатыльник:

– А ну поклонись государю!

Подзатыльник был так силен, что поклон получился сам собой.

– А теперь отвечай государю, – сказал конник, когда заметил, что отрок медлит. – Ты кто?

– Никто, – буркнул мальчишка.

– Никто? – притворно удивился Влад. – А для чего ты следил за мной, сидя на дереве?

– Ни для чего.

– Ни для чего? – Государь, казалось, удивился ещё больше. – А когда я велел своим людям догнать тебя, к кому ты ехал? Ни к кому?

– Нет. Ехал к отцу, – последовал ответ.

- Так... – проговорил князь. – А отец твой кто? Тоже никто?
Малолетний собеседник молча теребил гривку у кобылы.
- Раз твой отец – никто, – рассуждал Влад, – то получается, ты без отца. Разве ты сирота?
– Нет, я не сирота. Мой отец – Илие Фэрэдегет.
– Илие по прозвищу «без пальца»? – переспросил государь. – И которого же пальца у него не хватает?
– У него все пальцы есть, но на левой руке половину мизинца дверью прищемило, когда отец маленьким был.
– А чем твой отец занимается?
Отрок плотнее сжал губы, давая понять, что ответа можно ждать очень долго.
– Наверное, ничем? – предположил государь и добавил: – В моей земле нельзя ничем не заниматься. Люди без занятий – это бродяги, а бродяжничество – преступление.
– Мой отец – не бродяга.
– А чем же он занимается?
– Как все. Землю пашет.
– А ещё?
– Сеет.
– Сеет... Кто бы мог подумать... – пробормотал князь, которому стало очень весело спрашивать этого лазутчика. – Пашет, сеет... и жнёт, наверное?
– А как же, – ответил мальчишка.
– А чем он ещё занимается?
– Сено косит.
– А рыбу ловит? – спросил Влад.
– Да, иногда.
– В озере? – спросил государь.
– В озере, – кивнул отрок.
– В том озере, которое часто пересыхает, или в том, что всегда полноводное?
– В полноводном, – удивлённо ответил малолетний лазутчик. – В том озере, которое пересыхает, там и ловить-то нечего. Я однажды решил проверить. Ну и проверил. Рыбалка плохая. А до этого озера ещё нескоро дойдёшь...
– А вы, значит, живёте возле другого озера, которое никогда не пересыхает?
– Да.
– На дальнем краю?
– Да.
– Возле большого моста?
– Да....
Государь, только что казавшийся весёлым и даже участливым, вдруг сделался строгим:
– На мосту в вашей деревне меня поджидает множество людей, и все очень хотят знать, когда я появлюсь и появлюсь ли. Вы с отцом живёте вблизи моста и промышляете тем, что собираете сведения, за которые вам платят. Так?
Мальчишка слегка оторопел:
– Нет, не так.
– Твой отец отправил тебя к развилке. Ты проследил, куда я направлюсь, и поспешил обратно – с ценной вестью, что на вашем мосту меня ждать бесполезно. Так?
– Нет, – повторял малолетний лазутчик, тараща глаза на государя.
– А кто поведал твоему отцу, что я сегодня проеду здесь? – продолжал спрашивать Влад. – Среди слуг моего двора у вас есть знакомцы? Ишь, как вы всё устроили. Проныры!
– Никто ему не говорил! – заныл отрок. – И никто нам денег не платит, чтоб за тобой следить!

– Ты врёшь.

– Нет!

– А вот я сейчас велю тебя высечь. За враньё.

Мальчишка испугался по-настоящему. Он вдруг соскользнул со своей лошадёнки и прежде, чем успели схватить, подбежал к княжескому коню, уцепился за стремя, завопив:

– Это вся округа знает, государь!

– Что знает?

– Что в августе, в самый последний понедельник, перед днём Успения Божьей Матери, ты всегда тут проезжаешь. Всегда! Потому что едешь в монастырь, который там, дальше, за деревней Тынкэбешть. И каждый раз едешь рано, чтобы к обедне уже доехать. Все это знают! Это не тайна!

– А ведь верно, – нахмурился государь, – я всегда посещаю этот монастырь незадолго перед Успением. Да, в прошлом августе я тоже ехал туда в понедельник. Теперь припоминаю. И, кажется, в позапрошлом августе – тоже в понедельник. Надо изменить этот обычай.

– Я не вру!

– Признавайся, – Влад гневно взглянул на отрока, – те люди, которые хотят меня увидеть, они твоему отцу деньги платят?

– Только за ночлег, – ныл отрок. – Все знают, что ты по дороге в монастырь проезжаешь либо через нашу деревню, либо через соседнюю – возле сухого озера. А люди, которые остановились у нас в доме, они пришли издалека. И все очень боятся, что разминутся с тобой. Вот отец и послал меня, чтобы я всё узнал.

– Ну, хорошо, – смягчился князь, – будем считать, ты говоришь правду.

– Правду!

– Тогда, если ты так хорошо знаешь, где меня искать, объясни вот что...

Мальчишка, сразу успокоившись, отпустил государево стремя и внимательно слушал. Избегнуть наказания удалось, а теперь, кажется, представилась возможность заслужить награду.

– Я никак не могу взять в толк, – сказал Влад, – почему меня поджидают и в вашей деревне, и в деревне возле сухого озера, но никто не ждёт вот на этой развилке.

– Так здесь ни одной деревни нет рядом. – Отрок пожал плечами. – Вот и вся причина.

– Вся причина?

– Ну да... – Малолетний лазутчик продолжал объяснять: – Пешком сюда быстро не дойдёшь. А ты, государь, всегда едешь рано, и людям никак не успеть к такому раннему часу. Или придётся ещё ночью выйти в путь, а таких смельчаков нет. Кто же ночью ходит! Ночь – время всяких нечистых.

При слове «нечистых» мальчишка помедлил и перекрестился, а затем продолжал:

– Ночью никто не ходит. А с вечера прийти и заночевать тоже нельзя. Потому что есть закон, что бродяжничать запрещено и что в поле могут ночевать только местные или те, у кого есть бумага. Про закон все знают, государь. Все знают, что бродяги – это преступники и что ты целую кучу бродяг сжёг. – Отрок хотел ещё раз перекреститься, но раздумал. – Это всем известно. Ты их в большом доме запер и сжёг живьём, потому что они нарушили твоё установление. Теперь никто не бродяжничает.

– Рад слышать, – сказал правитель и задал новые вопросы: – А теперь объясни про вашу деревню. Зачем люди ждут меня на мосту? Ведь от вашей деревни можно пройти чуть на север, и там две дороги, которые здесь разветвляются, снова соединятся в одну. Через то место я проеду обязательно. Так не лучше ли людям действовать наверняка?

– Нет, государь. – Отрок помотал головой. – На мосту лучше. Ведь там, где две дороги соединяются, всегда народу полно. Там такая толпа, что не пробьёшься! Лучше встретить тебя пораньше. А если не получится – тогда можно и дотуда дойти.

– Хорошо, – задумался правитель, – а зачем ждать в деревне возле сухого озера? Ведь это совсем неудобно. Если я там не появился, то всё пропало. Перехватить меня уже не удастся, потому что бежать к другому месту слишком далеко. Никак не успеть.

– Многие так рассуждают, – снова кивнул мальчишка.

– Вот и я рассуждал так же, – вторил ему Влад. – В последние три раза я нарочно поехал через деревню возле сухого озера. Думал, не встречу просителей.

– Вот поэтому люди там и ждут, – улыбнулся малолетний лазутчик. – Люди знают, что надоели тебе со своими прошениями и что ты нарочно едешь другими путями. – Он заулыбался ещё шире.

– Даже так? – удивился Влад.

– Государь, ведь ты сам каждый раз говоришь, когда тебя останавливают: «Рассмотрю только одно дело, самое важное. А кто остался – пишите челобитные грамоты и несите к моему крыльцу».

– Да, я говорю что-то подобное, – согласился Влад.

– А люди хотят, чтоб ты их сам рассудил – сам, а не твои жупаны. Поэтому тебя поджидают везде, где только можно, – продолжал объяснять мальчишка.

– И не боятся прогадать?

– Боятся. Поэтому возле сухого озера всегда очень мало просителей. Но они думают – если ты всё-таки проедешь там, то наверняка разберёшь их дело.

– Потому что один из десятка будет замечен скорее, чем один из сотни, – закончил князь.

– Да, – кивнул малолетний собеседник. Он смотрел на правителя и ждал, причём выражение лица говорило само за себя: «Я поведал тебе столько всего полезного. Неужели ты ничего не дашь мне за это? Можно серебряную монетку. А лучше – золотую». – Однако государь остался безразличен к этому взгляду попрошайки и снова оглядел обе дороги. Левая вела в родную деревню лазутчика, а правая – в деревню возле сухого озера.

Войко не торопил государя, а отрок, понявший, что денег не получит, наострил уши. Он по-прежнему хотел узнать, куда поедет князь.

– Теперь я знаю, как поступить, – наконец сказал Влад, – чтобы встретить поменьше просителей, мне следует ехать направо, к сухому озеру. Конечно, там мы кого-нибудь встретим, но дальше будет гораздо меньше народу, чем в прошлый раз. Главное, не отпускать лазутчика и поспешить, пока в его деревне не догадались, что к чему.

Государь посмотрел на своего одиннадцатилетнего пленника, а тот опять начал пугливо тарашиться.

– Ладно, – вдруг смягчился правитель, – езжай, куда ехал. А я отправлюсь своим путём.

Мальчишку не нужно было дважды просить. Он поклонился, вскочил на кобылу и поспешил убраться восвояси.

– Государь, – заметил Войко, – раз ты его отпустил, просителей на твоём пути будет очень много.

– Да, – кивнул Влад и усмехнулся, ведь, несмотря на то что государь выбрал самую трудную дорогу, в голосе боярина явственно слышалось одобрение.

А вот дракон выразить своё мнение не спешил, хоть и видел, что хозяин нарочно глянул вниз, под копыта коню. «Когда дьявол доволен, это значит, что я поступил дурно, а если он недоволен – значит, мой поступок хорош», – рассуждал государь, однако чешуйчатая тварь упорно скрывала свои чувства. Она не выказала ни радости, ни разочарования, а просто сидела и прикидывала что-то в уме. Влад не мог даже предположить, что именно.

* * *

Происшествие на дороге опять отвлекло государя-паломника от благочестивых мыслей. «Это плохо, – заметил он себе. – Надо снова попытаться забыть о суете, смирить страсти. Твои

чувства должны уподобиться водной глади, а думать сейчас лучше о том, что мир, сотворённый Богом, прекрасен и велик».

Государь Влад, прожив на свете уже более тридцати лет, успел повидать этот мир – объездил все страны, соседствующие с Румынией – однако помнил, что покойный отец знал про разнообразие мира гораздо больше. Отец изъездил всю Европу и, к слову, охотно рассказывал об этом сыновьям.

Родитель был рассказчиком замечательным, так что Влад говорил себе: «Если мой отец всё-таки приручил дьяволов, то ясно, почему нечистые привязались именно к нему. Им почётнее смущать человека талантливого, а не возиться с глупцом, который ничего не умеет».

Однако Влад рассуждал об этом не вполне серьёзно. «Как можно рассуждать о таком серьёзно! – говорил он себе. – Я же не безумец». К тому же отец, старший Дракул, никогда по-настоящему не признавал своей связи с нечистыми. Он изображал дьяволов на монетах, но когда его спрашивали, для чего это, неизменно отшучивался. Отец уверял, что демоны служат человеку, но если кто-то из собеседников спрашивал: «Правда?» – то ответом была лишь усмешка.

Кроме того, старший Дракул всегда упоминал об этих существах мимоходом, поэтому Влад не знал, кто, где и когда поведал отцу, что нечистые могут стать слугами человека. Вместо историй о дьяволах, родитель рассказывал о своей ранней молодости, и малолетнему Владу очень нравились эти рассказы, звучащие, как сказка, но казавшиеся лучше её, ведь в них всё было взаправду.

В своих повествованиях отец сталкивался с большими трудностями, но всегда находил выход, причём находил сам – без бесов-помощников. Пожалуй, так было даже лучше, чем если бы родитель поведал, как дьяволы выручали его, то есть избавляли от необходимости проявлять ум и доблесть. Лишь однажды он оказался в обстоятельствах, победить которые не сумел.

«Наверное, тогда, столкнувшись с непреодолимыми препятствиями, он и сделался суеверным, – думал Влад. – Наверное, тогда и начал чеканить дьявольские деньги», – но чтобы понять, как отец дошёл до этого, надо было сложить воедино все его повествования.

Вспоминая эти рассказы и сопоставляя их, младший Дракул вспоминал и своё детство, и Сигишоару, потому что не мог отделить одно от другого. В детстве он так любил отцовские рассказы! Их хотелось слушать и слушать! Однако родитель уже тогда много путешествовал, поэтому рассказывал редко. Он проводил с семьёй не больше двух недель кряду, а затем исчезал куда-то. Куда именно – даже мать не могла сказать наверняка. В ответ на все расспросы лишь повторяла:

– Наш вечный странник по таким землям ездит, что названий не выговоришь и не запомнишь. А нам и запоминать ни к чему. Откуда бы ни вернулся, мы всё равно встречаем его у одних и тех же ворот.

Главные ворота Сигишоары, о которых шла речь, располагались в конце улицы, в нескольких десятках шагов от дома, а встречи проходили всегда одинаково – возвращаясь из странствия, родитель посылал вперёд себя слугу с известием: «Скоро буду», – и начиналась радостная суета. Мать принималась наряжаться, перед этим велев разыскать, умыть и переодеть детей. Кухарки громыхали посудой, по всему дому ежеминутно слышались топот по лестницам, хлопанье дверей и крышек сундуков, кто-то перекрикивался и переговаривался. Если дело происходило не в пост, к общему гаму добавлялось кудахтанье кур, которых немилосердно потревожили.

Влад знал – суета происходит ради того, чтобы мать, ведя обоих сыновей за руку, вышла к тем самым воротам, через которые приедет отец, а затем семья, воссоединившись, могла бы вернуться в чисто прибранные комнаты, сесть за стол и праздновать.

Влад прекрасно помнил те минуты перед долгожданной встречей – как выходил из дома вместе с матерью, с братом и нянькой, стоял перед широкой каменной аркой и ждал. Вымытый лоб чесался. Хотелось почесать, но приходилось терпеть, чтоб не упустить из виду улочку по другую сторону арки – вдруг проглядишь отцов приезд? Мать тоже волновалась, сжимая руку младшего сына крепче и крепче. Мать тоже ждала, что вот-вот послышится стук копыт – чёткий, отдающийся эхом, как это бывает, если дорога мощёная. Иногда этот звук оказывался обманчивым, потому что в арку въезжали совсем не те, но в конце концов из-за поворота показывалось несколько конных, а впереди всех – закутанный в плащ усатый всадник на гнедом жеребце. Увидев семью, всадник широко улыбался, а затем, проехав через арку, спрыгивал с коня, тут же, никого не стесняясь, позволял себе обнять и поцеловать жену, трепал по голове старшего сына, брал на руки младшего и так, не спеша, доходил до своего порога.

Сидя на руках у отца и крепко обхватив его, словно уцепившись за ствол дерева, малолетний Влад смотрел по сторонам. В такие минуты ему, тогда ещё совсем маленькому, выделялись не ноги и подола, а лица. Счастливые лица матери. Умиляющиеся – няньки. Мечтательное – слуги, который вёл под уздцы отцова коня и, судя по всему, прикидывал, что же получит от праздничной трапезы. Прохожие с любопытством оглядывались на необычную процессию. Городские стражники, которые стояли с копьями наперевес справа и слева от арки, по-доброму усмехались. Тут и отец Антим запоздало выходил навстречу. Он смутился потому, что не вышел раньше, и одновременно потому, что привлёк к себе посторонние взгляды.

Когда добирались до дома, это значило, что праздник почти начался – теперь только садись за стол, веселись и слушай долгое повествование о неведомых землях, чьих названий мать не могла ни выговорить, ни запомнить. Лучше всего было тогда, когда отец приезжал один, не привозил с собой гостей. Тогда сыновья спрашивали его, о чём хотели – например, о совсем давних временах, когда «вечный странник» ещё не полюбил мотаться по свету, а жил спокойно и считал любое путешествие опасным предприятием.

– Отец, расскажи, как ты первый раз поехал далеко-далеко, – часто просил маленький Влад. Он набирал побольше воздуха и старательно произносил: – Можно про Нюрнб... про Нюрнберг?

– А зачем же повторять в десятый раз? – говорил отец, оглядывая сидящих вокруг домашних. Он сам очень любил вспоминать про Нюрнберг и отнекивался только для вида. – Побывал и побывал. Я с тех пор столько других городов видел...

Влад не спорил – лишь смотрел выжидающе. Старший брат Мирча тоже молчал и заглядывал в глаза родителю, желая услышать про Нюрнберг, однако последнее слово оставалось за матерью. Сидя рядом с мужем, она снисходительно улыбалась:

– Расскажи им, раз просят.

Отец тут же соглашался:

– Про Нюрнберг, так про Нюрнберг. А откуда начинать-то? С того времени, как я туда приехал?

– Нет. С самого-самого начала, – просил Влад. – Со времени, как ты жил у дедушки во дворце.

– Да там и вспомнить нечего, – отвечал родитель, – потому что дед ваш, Мирча Великий, берёт меня до поры, никуда не отпускал, но однажды увидел он – выросли у меня густые усы, а когда у сына отрастают усы, родители говорят: «Птенец оперился. Можно из гнезда выпустить».

Малолетние слушатели, частенько разевавшие рот, когда внимали рассказу, казалось, тоже были птенцами, но ещё совсем не оперившимися. Родитель усмехался, глядя на них, и продолжал:

– Вот и отец мой, ваш дед, решил, что теперь могу я стать полезным в делах государственных. Позвал и говорит: «Поезжай-ка на север, за горы, к королю Жигмонду⁷». Я спрашиваю: «Что же прикажешь делать там, батюшка?» Дед ваш отвечает: «Да ничего трудного делать не нужно. Просто живи-поживай, смотри по сторонам, слушай и обо всём, что при дворе делается, в письмах сообщай. Дам я тебе грамоту к Жигмонду, а в грамоте будет сказано, что я превелико уважаю Его Королевское Величество и потому шлю к нему своего среднего сына на службу». Я спросил: «А если служба окажется мне не по плечу?» Дед ваш меня ободрил: «Не робей. Главное, там показать себя удалым витязем, то есть проявить три умения: умение биться с другими витязями, умение охотиться и... умение пить вино». Как ваш дед это сказал, так робость моя мигом пропала. Чего робеть, если я во всех трёх науках был мастер. Драться я с малых лет любил, охотиться тоже, а вино пить все любят... ой... – Время от времени рассказчик говорил что-нибудь «лишнее», с нарочитым испугом косил глаза в сторону жены и прикрывал рот рукой. Дескать, само вырвалось.

Дети весело смеялись. Влад знал – отец говорит так, чтобы подразнить мать, и она, тоже зная об этом, снисходительно качала головой:

– В третьей науке ваш отец не очень-то стремился преуспеть. И слава богу.

– И вот отправился я за горы, – продолжал рассказчик. – Ехал долго. А вокруг всё чужое, и жители говорят непонятно. Прислушаешься, а речь у них такая, будто деревья шумят «ше-ше-ше». Попробуй пойми этот шелест.

Отправившись в своё первое путешествие, отец поначалу оказался именно в тех землях, где теперь жили его жена и сыновья, поэтому малолетний Влад мог легко оценить всю меткость родительских наблюдений. Речь венгров и впрямь напоминала шорох сухих осенних листьев. Во многих словах слышалось это шелестение, а если на улице остановиться и закрыть глаза, то могло показаться, что вокруг тебя посвистывает ветер.

Будучи совсем маленьким, Влад любил так играть – дождавшись, пока нянька отвлечётся, выбегал из дома, останавливался посреди улицы, закрывал глаза и слушал. Мимо шаркали чьи-то ноги, со всех сторон слышалось «ше-ше-ше». Может, прохожие обращались и к мальчику, стоявшему с закрытыми глазами, дескать:

– Что ты, малыш, тут мешаешься? – Но мальчик не понимал, а старался уловить ещё один звук, пробивавшийся сквозь шелестение – то были удары металла о металл «тук, тук, тук».

Дом, в котором жил Влад, находился на перекрестке двух улиц, одну из которых занимали кузнецы. С самого рассвета и до темноты с этой улицы слышался звонкий стук. Днём звуки заглушались другими, но если закрыть глаза и сосредоточиться, то различалось ясно.

Вот так малолетний игрун замирал и стоял, пока не надоест, или пока кто-нибудь не схватит за руку и резко не оттащит в сторону – спасая от проезжающей мимо телеги. Под телегу Влад рисковал попасть всего два раза. В первый раз, когда его дёрнули за руку, он открыл глаза и увидел прямо перед собой незнакомое перепуганное лицо, женское. Он почему-то сразу решил – у этой женщины есть маленькие дети. Она беспрерывно тараторила, но Влад не понимал, а затем услышал грохот почти над самым ухом, обернулся и увидел здоровенные деревянные колёса гружёной повозки, проезжающей мимо. Они выглядели совсем не страшными – страшно было, когда кто-то вдруг вцепился в руку и потянул.

Тем интереснее было в следующий раз остановиться посреди улицы. Казалось, вот ещё немного – и случится что-нибудь занятное, но Влад так и не дождался ничего – даже громающей телеги – поэтому открыл глаза и вернулся домой.

⁷ Жигмонд (Сигизмунд Люксембургский) являлся одновременно королём Венгрии и императором Священной Римской империи. В XV веке наибольшая часть империи состояла из территорий, заселённых немцами. Нюрнберг был главным городом империи.

Ещё через несколько дней ему повезло больше – опять проехала телега. Правда, везение тут же обернулось невезением – на сей раз отёрнула в сторону нянька, и с этого времени выскользнуть из дома стало невозможно. Ворота с калиткой запирались.

– Откройте, – говорил Влад слугам.

– Не велено, – отвечали они.

Сообразив, из-за чего такие предосторожности, Влад выпросил прощения у матери, и та разрешила снова выходить на улицу – за руку с кем-нибудь из взрослых. Ещё через год младшенького стали доверять старшему брату, Мирче.

Братья ходили по улицам, а вокруг со всех сторон слышалось «ше-ше-ше, ше-ше-ше». Шелестела не только Кузнечная улица, но и улица Жестянщиков, и Мясницкая, и Башмачная, и Портняжная. Со временем Влад стал различать некоторые особо употребительные слова, и это узнавание новых слов тоже напоминало отцову историю про Нюрнберг.

– Я сначала ничего в этом шелесте не понимал, – рассказывал родитель. – Затем начал разбирать отдельные повторяющиеся слова. Правда, мне это не помогало объясниться. Хорошо, что научили меня во дворце у батюшки объясняться на латыни. Мне ещё учитель мой говорил: «Там, за горами, все знатные люди латынь понимают, а с простыми жителями тебе и заговаривать ни к чему. Пускай с ними говорят твои провожатые». Так оно и вышло. Если кого из знатных людей я встречал по дороге, мог расспросить, откуда едет и куда путь держит. Должно быть, поэтому не поселилась у меня в сердце тоска по дому, не думал я о возвращении. Хотелось ехать всё дальше и самому измерить – мал божий мир или велик.

Когда отец говорил о своей любви к странствиям, мать вздыхала:

– Чтобы объехать всю землю, жизни не хватит. – На что тут же слышала:

– Это мы ещё посмотрим, – и рассказ продолжался. – Так вот ехал я сначала по горам, затем по равнинам и добрался до города, называемого Буда. Был он столицей Мадьярского королевства. Я в то время не мог подумать, что когда-нибудь придётся поселиться в этом королевстве очень надолго, привести сюда вашу маму и что вы родитесь здесь. Люди и обычаи этой земли до сих пор кажутся мне в диковинку, а вам, сыночки, всё здешнее – почти как родное. Вы, наверное, удивляетесь, слушая, как я ехал через мадьярские земли? Я бы тоже изумлялся, если б мой отец начал перечислять, сколько диковинок он увидел на собственном подворье.

Однако Владу эти речи странными не казались. Он привык думать, что Сигишоара, да и вся остальная страна венгров – не родина. Дом с его обычаями – это один мир, а за его пределами – нечто иное.

Старший брат Мирча повторял ту же мысль вслух:

– Отец, мы не удивляемся. Мы помним, что ты говорил – мы только гостим здесь, но рано или поздно поедem домой, в Румынскую землю.

– Даст Бог, поедem, – отвечал отец, – но я отвлѣкся... Что ещё сказать про Буду...

– Что там много людей, – подсказывал Мирча.

Рассказчик, собравшись с мыслями, продолжал:

– Город оказался весьма многолюден. Раскинулся он на холме и в долине. Склоны холма были укреплены со всех сторон – видать, имели свойство осыпаться. Верхушку холма занимал замок короля Жигмонда. Я таких больших замков и городов прежде не видывал. А вот реку, что текла близ города, знал и раньше. Это ведь наша река, которая по границе Румынской земли течёт.

– Дунай, – подхватывал Мирча.

– Да, – кивал отец, – наш Дунай. Вы-то никогда не видели Дунай, а я видел. Река широкая. Однажды вместе с вашим дедом я проехал вдоль берега от самого устья и до гор, а вот где Дунай дальше течёт, за горами, видел только на картах...

– ...пока не попал в Буду, – отзывался Мирча.

– Да, – опять кивал отец, – увидел я, откуда наша река бежит в наши земли, вот тогда и понял, что забрался весьма далеко от дома.

Когда рассказывал истории отец Антим, малолетний Влад перебивал его ежеминутно, а вот перебивать родителя почему-то не решался. Даже доканчивать фразы, как это делал старший брат, не смел. А ведь мог бы.

– Жаль, в первый приезд не довелось мне посмотреть Буду как следует, – говорил отец. – В тот же день я узнал, что Жигмонда в городе нет и в ближайшее время не будет. Жигмонд ведь правил не только у мадьяр, в чью столицу я добрался, а ещё и в германских землях. Как же уследить за двумя государствами сразу? Вот и мотался он из конца в конец. В Буде сказали: «Может, вернётся через полгода, а может, и позже». «Где же мне искать Его Величество?» – спрашиваю. Сведущие люди посоветовали. «Поищи в Нюрнберге. Туда Жигмонд приедет скорее, чем к нам». Я задумался, прикинул, сколько ехать до Нюрнберга.

– Долго, – подсказывал Мирча.

– Долго, – кивал отец, – столько, сколько я проехал от родных краёв до Буды, и ещё полстолька.

– Много-много дней, – подытоживал Мирча.

– Да, – соглашался отец. – Я сперва подумал, не остаться ли в Буде. А то вдруг доберусь до Нюрнберга и снова короля не застаю? Уж почти решил остаться и тут вспомнил слова батюшки. Он не говорил «поезжай в Буду», а говорил «поезжай к Жигмонду». Значит, где бы король ни находился, мне следовало отправляться к нему, а если б я остался в столице у мадьяр ждать Его Величество, то батюшка меня за это не похвалил бы.

В этом месте рассказчик грозно сдвигал брови и выпячивал губы, показывая рассерженного человека. Дети смеялись, ведь отец, изображая сердитость, каждый раз передавал её немного иначе. Вдруг дёргал бровями или начинал шевелить подбородком, и сыновей пробирал смех.

– Поспешил я в Нюрнберг, – продолжал рассказчик, когда дети успокаивались. – Сперва ехал через земли, где народ говорил почти что по-славянски. «Вот, – думаю, – хорошо. Ведь славянскому языку меня с самого детства учили...»

В этом месте дети настораживались, ведь однажды во время повествования родитель вдруг прервал себя и строго спросил:

– А вы, сыновья мои, как преуспели в славянском языке? Учитесь прилежно?

Влад и Мирча смутились.

– Прилежно, – ответил вместо них отец Антим, тоже сидевший за вечерним столом. – Понемногу одолевают. Я ведь им сказал – государем в Румынской земле может быть лишь тот, кто славянский язык выучит. Ничем этого знания не заменить, никакой силой оружия. Даже право рождения не в счёт, если со славянским у тебя худо.

– Верно, – сказал отец. – По-славянски мы не только молитвы совершаем. На этом языке румынский государь грамоты пишет всем своим слугам. Без этого языка государю никак нельзя, так что перенимайте то, чему отец Антим вас учит... А на чём я остановился?

– Как ехал в Нюрнберг, – подсказал Мирча.

– В Нюрнберг... – задумчиво повторил рассказчик. – Так вот сперва путь мой пролегал через земли, где народ говорил на понятном языке. Я надеялся, что и дальше так будет, но получилось иначе. Оказался я в таких краях, где язык был куда труднее мадьярского. Мадьяры только шелестели, а эти... и шелестели, и стрекотали, как кузнечики, «ци-ци-ци». А временами жужжали, как осы, «зу-зу-зу». Даже Сигишоару они звали – Шезбург. Если б я не знал, что это одно название, то никогда бы не догадался. Вот и все остальные слова у них оказались такие же, неузнаваемые. Даже провожатые мои ничего разобрать не могли. Приходилось объясняться знаками. Иногда, в удачный день, латынь спасала. Находили мы какого-нибудь учёного человека и просили его сказать хозяевам харчевни, что нам надо. Он кивал, по-местному начинал

шелестеть, стрекотать, и тогда всё наилучшим образом устраивалось. Вот в самом центре этих земель и находился Нюрнберг.

Середину этого повествования Влад обычно слушал, положив голову на стол. Мать, наклоняясь к сыну, тихо спрашивала:

– Может, ты хочешь спать? Пойдём, я тебя отведу.

– Нет, – так же тихо отвечал Влад. Он уже мысленно подъезжал к Нюрнбергу.

Ребёнку, который никогда не открывал для себя чужих земель, сложно представить, как это чувствуется. Поэтому Влад выдумал игру, чтобы лучше понять, и даже уговорил Мирчу играть вместе. Братья отходили как можно дальше от дома и шли обратно, но делали вид, что никогда раньше не бывали в Сигишоаре, а чтобы стать совсем как путешественники, каждый брал себе ветку, похожую на лошадиную голову, и нёс перед собой, будто ехал верхом.

– Смотри, – начинал игру Влад, – вон за забором пасутся свиньи.

– Вижу, – отвечал Мирча.

– Значит, тут свиней едят, – заключал Влад.

– Да, – соглашался старший братец, с любопытством оглядываясь по сторонам, – а вон там далеко-далеко на поле за деревьями овцы.

– Значит, тут и овец едят, – заключал Влад.

– Хорошо живут, как я погляжу, – продолжал рассуждать Мирча. – И все крыши крыты черепицей. Совсем как в нашем городе.

– Ага, – поддакивал младшенький, а однажды указал пальцем вверх. – Смотри, на крыше железный мальчик с дудочкой, чтоб узнавать, куда ветер веет.

– Ты чего? – одёрнул его старший. – Нашёл, на что глазеть – на мальчика с дудочкой! Надо взрослые вещи примечать, а ты...

– Я могу замечать, что хочу, – заявил Влад. – Игра моя. Ведь это я придумал.

– А я в неё играю лучше, – ответил Мирча. – Я знаю, на что отец обратил бы внимание, а на что – нет. Фигурки – это не то.

Тем временем братья, миновав деревню, подошли к нижнему городу – отдельному поселению, прилепившемуся к верхнему городу с южной стороны.

– Смотри, – сказал Влад, уже наученный, – повесили кого-то.

Рядом с городом находилось поле для ярмарок и для исполнения наказаний. Там стояла виселица в форме буквы «Т». На одном конце поперечной перекладины болталось нечто распотрошённое птицами. Другой конец перекладины чаще всего оставался незанятым.

– Вот бы узнать, за что повесили? – спрашивал Мирча, хоть и был осведомлён, ведь перед казнью и за день до неё всегда объявляли по городу.

– Да, вот бы узнать, за что повесили, – повторял Влад. – Надо спросить у короля, когда мы его встретим. Король в городе?

Когда звучал вопрос: «Король в городе?», наступал важный момент игры. Если Мирча отвечал: «Да, в городе», это означало, что нужно идти в город и выбрать среди прохожих любого человека, похожего на правителя. Если Мирча отвечал: «Короля в городе нет», это значило, что путешествие продолжается по деревне, а через некоторое время требовалось снова вернуться туда, где установлена виселица.

Однажды Мирча целых пять раз подряд говорил, что короля в городе нет, и тогда Влад, уставший от такого долгого хождения, попросил:

– Пойдём домой. Надоело за королём гоняться.

Точно так же утомляло маленького Влада долгое отцовское повествование, но здесь он пересиливал себя и всегда нарочно просил начинать рассказ с самого начала, а не с приезда в Нюрнберг. К тому же на середине рассказа, а точнее, на словах «в самом центре этих земель стоял Нюрнберг», малолетний слушатель всегда чувствовал прилив сил, ведь с этих слов начиналась главная часть истории.

– Город Нюрнберг оказался ещё больше, чем Буда, – говорил отец, – но самое примечательное в нём было не это. Приезжаем, а там... из каждого окна свисают ковры и куски яркой материи, на башнях реют флаги, словно жители готовятся к встрече дорогих гостей. Я первым делом спрашиваю: «Здесь ли король Жигмонд?» «Здесь, здесь, – отвечают мне. – Это из-за него город украшен». Я смотрю – что-то готовится. Понаехало знатных витязей из разных земель, да каждый привез с собой латы, боевого коня или даже нескольких, а уж слуг сколько. В любую харчевню загляни – встретишь такого приезжего. Я для себя и своих провожатых еле-еле место нашёл. «А отчего так много витязей? – спрашиваю. – На войну, что ли, король собирается?» «Нет, не на войну, – отвечают мне. – Ты разве ничего не видел на поле близ города?» А я видел, да не разглядел как следует. Вроде бы заметил, что часть поля огорожена частоколом, рядом с огороженным местом – длинный помост, а над помостом – навес. Для чего это всё нужно, я тогда не знал.

– Узнал позже, – шептал Мирча и улыбался.

– Больше всего меня заботило, где отыскать короля, – объяснял отец. – Я только про него и спрашивал. Мне сказали: «Да вот на том самом поле завтра утром найдёшь». «Ну, – думаю, – окончились мои мытарства». Утром оделся понаряднее, приезжаю на поле спозаранку, а там народу всякого собралось – как на ярмарке...

Что это значит, малолетний Влад понимал хорошо и потому видел мысленным взором даже то, о чём отец не говорил – вот светит яркое солнце, вот отец приезжает на поле, оглядывает толпу. Слышится гул, а ещё – звуки дудок и барабанов. Строения на поле украшены лоскутными гирляндами. Люди, которые во множестве столпились вокруг частокола, оживлённо переговариваются.

Примерно так выглядела ярмарка, проводившаяся в Сигишоаре каждый год перед Троицей. Владу это очень нравилось, потому что для увеселения покупателей устраивались состязания в метании камней и в стрельбе из лука. Жаль только, что отец на увеселения в Сигишоаре ни разу не попал, потому что пропадал в чужих краях. Думая об этом, сын испытывал досаду и одновременно радость – плохо, что родитель так много ездит, но в то же время приятно, что сейчас вся семья в сборе, и любимое повествование про Нюрнберг продолжается.

– Вижу, на поле стоит много шатров, – меж тем говорил родитель. – Возле каждого шатра – знамя, как в военном лагере. А на том месте, которое огорожено частоколом, молодые воины упражняются в битве на мечах или топорах. Вокруг простой народ собрался, смотрят...

– А Жигмонда не было, – встревал Мирча.

– Да, его пока не было, – отвечал отец. – Тут слышу, вдалеке трубят трубы. Смотрю, вон Жигмонд со свитой. Я прежде никогда его не видел. Знал только, что лет ему чуть меньше пятидесяти, он высок ростом, русоволос, с пышными усами и окладистой полуседой бородой. Сейчас он глубокий старик, а тогда был ещё полон сил. Я спросил на всякий случай, в самом ли деле это король. Мне кивают: «Он самый». Жигмонд со свитой направлялся как раз к тому крытому помосту. Ну, я, недолго думая, взял, да и поехал со своими провожатыми к королю навстречу. Чего мне робеть! Он – государь, я – сын государя. Мы почти равные... А впереди Жигмонда была дюжина пеших воинов, которые расчищали дорогу. Зеваки перед ними расступались сами собой, и потому никто из воинов подумать не мог, что найдётся наглец, который будет ехать прямо в лоб Его Величеству.

– А ты поехал, – улыбался довольный Мирча.

– Да. Королевская охрана сильно изумилась и встала. Провожатые мои были все на конях да при оружии – таких попробуй оттесни, если ты пеший. Я, пока никто опомниться не успел, подъезжаю совсем близко к Жигмонду и кричу, что я вот, сын такого-то государя, прошу позволения предстать перед Его Величеством. Король помялся чуть-чуть, но велел пропустить. Я спешился, подхожу, кланяюсь, подаю отцову грамоту и ещё на словах поясняю, что батюшка прислал меня на службу. Король грамоту взял, но читать не стал, а как услышал про службу,

то улыбнулся и говорит: «Дай-ка мне твой меч». Я отдал. Король осмотрел его со всех сторон, обернулся к своей свите, сказал им что-то, чего я не понял, а затем продолжает на латыни: «Хороший у тебя меч. Раз ты приехал мне служить, тогда возьми его и положи под одним из двух щитов, которые висят вон там, на раскидистом дубе». Я понял, что Жигмонд желает меня испытать. Снова сажусь на коня, направляюсь к дубу и думаю: «В чём же испытание?»

– Король хотел, чтобы ты дрался! – восклицал Мирча.

– Да, – кивал отец. – Около дуба стояли люди, одетые все одинаково, которые сказали мне, что на поле проводится состязание витязей⁸. На местном языке это состязание называлось как-то по-особенному, но я не запомнил слово. Мне объяснили: «Вот на дереве висят два щита – чёрный и синий. Если положишь свой меч под чёрным щитом, это значит, что ты желаешь участвовать в конных поединках. Если под синим – значит, в пеших». Я подумал: «Наверное, король обиделся, что я выехал ему навстречу. Обиделся и решил меня проучить. Он считает, если я стану участвовать в состязании, в котором ни разу не участвовал, то непременно окажусь посрамлённым». – В этом месте рассказчик хитро улыбался.

Сыновья тоже улыбались.

– Я особо не раздумывал и положил меч на стол под чёрный щит, то есть выбрал конное состязание, – продолжал отец. – После этого люди около дуба записали моё имя, и я получил меч обратно. Дальше они сказали, что мне нужно облачиться в доспехи, а когда придёт время – выехать на поле и сразиться с тем витязем, который там окажется. Пришлось спешно послать в город за доспехами – они-то остались в корчме. Разве мог я представить, что на службе у Жигмонда придётся так скоро проявить первое из трёх умений, про которые говорил мне батюшка?

– Дедушка был мудрый, – замечал Мирча, который в такие минуты очень гордился, что назван в честь деда.

– Да, ваш дед был очень мудрый человек, – соглашался отец. – Чем больше я думаю об этом, тем больше мне кажется, что он знал заранее, что со мной случится... А ещё те люди, что стояли около дуба, спросили, есть ли у меня особые копыя для состязания. Я сказал: «Нет». Тогда мне сказали, что дадут столько копий, сколько потребуется. Я решил проявить скромность и ответил: «Мне хватит одного». Те люди засмеялись и сказали: «Даже самому неудачливому витязю нужно, по меньшей мере, два». Так я попал на состязание...

– А как же шествие? – напоминал Мирча.

Отец часто забывал рассказывать про это, а когда спохватывался, то начинал рассказывать с удвоенным старанием:

– А! Ну, конечно! Шествие! – восклицал он и продолжал: – Перед началом состязания все витязи должны были проехать перед крытым помостом, где восседал на троне Жигмонд. Там же имелись скамьи для других уважаемых людей. А ещё на помосте установили множество кресел. В них сидели молодые женщины. Как мне объяснили, то были самые красивые особы со всей округи. А ещё мне сказали, что состязание витязей всегда происходит в честь красавиц – таков обычай.

Тут отец опять начинал болтать «лишнее», чтобы подразнить жену, причём он прекрасно знал, каких разговоров она не стерпит:

– Посмотрел я на этих прелестниц, – частенько говорил он. – Две-три оказались совсем не на мой вкус, а другие – ничего.

Мать Влада, слыша это, замечала с досадой:

⁸ Вероятная дата рыцарского турнира в Нюрнберге с участием Дракула-старшего – сентябрь 1414 года. Не менее вероятная дата – август 1415 года. Нюрнберг был крупным центром производства турнирных доспехов, поэтому в городе регулярно проводились рыцарские турниры с целью привлечения новых клиентов.

– Помнится, ты упоминал, что женщины из германских земель не блещут красотой. – На что отец лишь пожимал плечами.

– Значит, там сидели лучшие из дурнушек со всей округи, – примирительно заключал он и переводил разговор на другое: – Так вот я проехал перед помостом почти самым последним, потому что должен был успеть надеть доспехи. Моё облачение сильно отличалось от облачения других витязей. Те были в тяжёлых латах, состоявших из пластин, а я – лишь в кольчуге, где пластины вставлены спереди. Шлем мой прикрывал не всю голову, оставляя лицо незащищённым, а конь и вовсе не был ничем закрыт от боевых ударов, кроме бляшек на сбруе. Зрители сначала удивлялись, но затем решили, что я отчаянный смельчак.

Домочадцы не могли удержаться от уверений, что так оно и есть.

– Отец, ты очень храбрый! – говорил Мирча.

– Очень-очень храбрый, – вторил Влад.

– Даже слишком. Порой до безрассудства, – тихо вздыхала мать.

Отец, крайне польщённый, всё же делал вид, что не слышит этих похвал, и говорил о своём:

– Как совершаются конные поединки, вы знаете. Два витязя, вооружённые копьями, становятся по разные стороны длинной изгороди и скачут вдоль неё навстречу друг другу. Цель в том, чтобы выбить супротивника из седла или, по крайней мере, сломать копьё о чужой доспех. Кроме того, на всём пути нельзя касаться изгороди ни копьём, ни по-другому. Если витязь потеряет равновесие от чужого удара и, чтобы не упасть на землю, схватится за изгородь, это посчитают грубой промашкой.

– Отец, расскажи, как дрался ты, – просил Мирча.

– В том состязании, в Нюрнберге, конный поединок состоял из пяти сшибок. Даже если тебя в первой же сшибке свалили на землю, поединок продолжается до пяти. Главное, чтобы воин после падения нашёл в себе силы снова сесть на коня. – В этом месте отец, помолчав, обязательно добавлял: – Я думаю, люди под дубом, которые смеялись надо мной, делали это не со зла. Ведь они оказали мне большую услугу. Во-первых, посоветовали внимательно смотреть, как действуют на поле другие витязи. Во-вторых, сказали, что перед поединком полезно совершить молитву. Мне говорили: «Побеждают благочестивые. А кто перед состязанием больше думает о сне или сытном обеде, чаще оказывается повержен».

– И ты отказался от еды, – подсказывал Мирча.

– Да. Несмотря на то, что для всех витязей было выставлено угощение, – говорил отец. – А ещё мне думается, те люди под дубом нарочно сделали так, что мой первый поединок случился ближе к середине состязания, когда я уже понимал, что к чему. По правде, я и сам посмеялся над своими словами о копьях, когда увидел, как легко эти копьё ломаются о кирасы. «Ну, – думаю, – мне с моими доспехами только один путь – увёртываться».

– И ты увёртывался, – поддакивал отцу старший сын.

– Да. Хоть такое поведение и не сулило победу. Другие-то витязи не уклонялись, а принимали удар на себя. Зато и сами имели больше времени, чтобы нацелиться и ударить. Я уворачивался, и потому моё копьё почти всегда оставалось целым. Там ведь и моргнуть не успеешь, а противник уж мимо промчался. Надо снова сшибаться. Зрители стали знаками показывать мне, что я мало рискую. Я делал вид, что не замечаю. Затем Жигмонд тоже стал выражать недовольство. Тут я и махнул на всё рукой! Думаю: «Сейчас посмотрим, на что годятся мои доспехи. Неужели они не выдержат удар тупого копья, которое к тому же сделано из мягкого дерева?»

С этого места оба сына начинали слушать с особенным вниманием.

– Ох! Ну и досталось же мне, – продолжал отец. – На поединках супротивники чаще всего целятся друг другу в живот. От таких ударов труднее всего увернуться. Приходится принимать

удар или же изворачиваться так, что сам не сможешь ударить. Поэтому мне надо было терпеть. Правильно люди возле дуба советовали – отказаться от еды...

Владу прямо-таки слышалось, как трещат ломающиеся копыя. Именно эта часть истории в своё время навела его на мысль, что нужно самому попробовать подраться с кем-нибудь. Верный способ найти противника – ходить по городу вместе со старшим братом и задирааться. Влад тогда ещё плохо знал венгерский язык, но если слов не хватает, всегда можно корчить рожи. Кончилось тем, что пришлось вступаться старшему брату. После этого Мирча поведал, как нужно драться:

– Ты лицо прикрывай, чтоб по лицу не били. Тогда и мать не спросит, почему у тебя губа распухла или почему в носу кровь... Если дерёшься почти со взрослым, сначала кинь в него чем-нибудь – землёй в глаза, или камень найди. Тебе надо научиться кидаться камнями – ты кидаешь слабо. А ещё я тебя научу, как ставить подножки. Подножка – это почти вся драка. Не важно, с кем дерёшься – сделай так, чтоб упал, а дальше лупи его, пока не завоюет.

– Мне в тот день в Нюрнберге досталось, – говорил отец, – но я всегда находил, чем ответить. К примеру, если ударить противника копьём не спереди, а в бок, то легче вышибить из седла – даже если толкнёшь слабо. Я принялся нарочно целить в бока и так свалил одного витязя. Тогда мне стали одобрительно кричать. Затем мне удалось свалить ещё одного. Но лучше всего я проявил себя на второй день состязаний, когда конники состязались в меткости. Надо было на скаку ударить копьём в щит, прикреплённый к столбу. Тут мне не нашлось равных. Я всегда попадал в цель, потому что теперь не требовалось увёртываться. Толпа так громко ликовала, что заглушила трубачей, которые возвещали о появлении на поле другого витязя. В конце того дня я получил в награду перстень. Я думал, его вручит король Жигмонд, но оказалось, что, согласно обычаю, все награды даются из рук девиц. Жигмонд меня похвалил тоже. Я, конечно, радовался. Батюшкин наказ был выполнен...

Мать слушала без удовольствия. Она знала, что последует в конце рассказа. Её заставят рыться в сундуках, чтобы найти и принести к столу вещь, которую и так все видели.

– Кстати, а где тот перстень, который мне дали на состязании? – спрашивал отец.

– Цел твой перстень, – отвечала мать.

– Точно цел?

– Что ему сделается? – с кислым видом отвечала хранительница. – Я его берегу, как самое дорогое. Держу не в шкатулке, а в другом месте, подальше от глаз.

– А давай проверим, как он там сохраняется, – просил отец.

Мать твердила своё:

– Для чего проверять? Он хорошо уложен, на дне сундука. Я ведь знаю, что ты мне покоя не дашь ни на этом свете, ни на том, если перстень пропадёт.

– Сходи принеси, – просил отец

– Уж ночь на дворе, а мы будем вещи в сундуках ворошить, – возражала мать.

– Сходи принеси. Я сыновьям покажу.

– Да они и так его видели много раз.

– Васка... – Отец строго взглядывал на жену. – Иди принеси.

Он редко называл её по имени на людях – только если не слушалась, поэтому мать, услышав своё имя, со вздохом выходила из-за стола, неспешно поднималась в свои покои и приносила отцову награду, завернутую в белый шёлковый платок.

Перстень был из золота, маленький. Вместо камня – пластинка, покрытая замысловатым узором, который очень красиво переливался при свете свечи. Кольцо свободно налезло отцу лишь на мизинец и с некоторым трудом – на безымянный палец. Матери оно подходило гораздо больше, что давало основания полагать – кольцо женское. Именно поэтому хранительница не любила его – ревновала мужа, хоть и не знала, к кому.

– Перстенёк женский, – говорила она, а затем с ехидством добавляла: – Наверное, германская красotka сняла со своего пальчика, чтобы почтить славного витязя.

– Ну, пожертвовала из своей шкатулки как приз для состязания. Что в этом такого? – возражал отец.

Влад за многие разы, что видел кольцо, успел перемерить его на все свои пальцы правой и левой руки. «Когда-нибудь оно и мне будет маловато», – думал он, отдавая драгоценность родителю, а тот заворачивал перстень в платок и в свою очередь отдавал жене:

– На, убери обратно.

Та, желая ещё как-нибудь проявить своё недовольство, разворачивала ткань, снова сворачивала, поаккуратнее, связывала уголки, осматривала кулёк со всех сторон... Муж терпеливо ждал, пока всё это закончится, а затем говорил:

– Пойдём. Я хочу посмотреть, куда ты его положишь.

Родители вместе уходили наверх и к столу уже больше не возвращались. Нянька, понимавшая то, чего не понимали дети, наклонялась к Владу:

– Ну что? Совсем уснул?

– Я не уснул. Я хочу ещё посидеть. Сейчас отец вернётся.

– Не вернётся. Он пошёл спать. И вам с братом давно уж пора почивать.

– Нет!

– Да, – говорила нянька, и на том заканчивался праздник.

Часть II

Город Букурешть находился в самом центре равнины, по которой протекало великое множество больших и малых рек. Куда ни поедешь – на пути обязательно попадётся мост или переправа. Вот почему государю Владу, чтобы добраться до святой обители, расположенной всего-то в трёх с половиной часах езды от столицы, требовалось пересечь водную преграду трижды. Первый раз – в том месте, где он обычно охотился.

К северу от города Букурешть протекала речка, которая не смогла найти себе узкого русла и вольготно разлилась по полям, образовав десяток озёр, соединённых между собой естественными протоками. Озёра, словно нанизанные на нитку, подпитывали друг друга, и лишь одно, совсем мелкое, не могло насытиться той водой, которую давали два соседних, поэтому в летние и зимние месяцы оно наполовину пересыхало, показывая некрасивое серое дно, изрезанное ручьями.

Остальные озёра, похожие, как сёстры, никогда не показывали своего дна. Даже их берега – и те скрывались от взора людей. Пологие склоны обросли густым камышом и кустарником, а там, где берег поднимался повыше, кустарник уступал место деревьям. У самой воды стремились оказаться ивы и ольха, выставлявшие напоказ серебристую листву, словно дорожную одежду, а чуть дальше, за ними, высились простые и скромные зелёные кроны, похожие на лес.

«Если кто не знает этих мест, то, глядя с дороги, не поймёт, куда приехал, – каждый раз говорил себе Влад, проезжая здесь. – По незнанию можно решить, что поле кончилось и началась чаща». Догадаться, что это всего лишь пойменные заросли, помогали речные чайки, которые иногда взмывали над деревьями, а также дикие гуси и утки, чьи голоса различались издали, привлекая охотников.

Для удобства охотников и путешественников в округе было построено несколько мостов, в том числе мост через протоку возле сухого озера, и он вот-вот должен был показаться, ведь правитель со свитой уже въехал в заросли. Здесь ветви вязов образовали над дорогой высокий зелёный свод. В конце этого коридора сияло небо, но сейчас государь видел всё это плохо, потому что обзору мешали головы охранников.

Чуть раньше, на равнине, Влад велел своим людям перестроиться, так что теперь двенадцать вооружённых конников рысили впереди и по бокам от господина, дабы защитить его от нежелательных встреч, однако теперь он, заслоненный со всех сторон, почти не видел, что творится вокруг. Правитель лишь помнил, что утоптаный тракт скоро превратится в бревенчатый настил моста, на котором брёвна стёсаны поверху совсем немного, так что по настилу лучше ехать шагом, чтобы конь не споткнулся.

Под мостом зиял глубокий овраг, по краям обросший деревьями. На дне оврага журчала речушка, которая растекалась множеством ручьёв по сухому озеру, начинавшемуся справа от моста, а слева виднелась широкая лагуна, из которой речушка брала воду.

«Там в лагуне крестьянин Илие, который “без пальца”, ловит рыбу», – подумал Влад, а затем посмотрел вверх и с некоторой досадой обнаружил, что уже седьмой час – недаром ведь розоватые разводы облаков, растекшиеся по небу, теперь выглядели ярко-золотистыми.

Тем временем настил моста кончился, дорога заметно расширилась и наконец превратилась в деревенскую площадь, которую князь не стал внимательно оглядывать, потому что место было знакомое.

Справа и слева за плетнями стояли белёные хаты с ровными четырёхскатными крышами, сложенными из стеблей камыша, а рядом виднелись землянки-кладовые, летние кухни, колодцы, хлева, стога сена и склады дров. Возле домов во дворах уже слышался шум голосов – это хозяева переговаривались через плетень с теми, кто собрался на площади.

Даже не вглядываясь, Влад знал, что на площади «ждут государя», причём одни, сойдясь в кружок, о чём-то горячо спорят, другие, сидя на земле и подложив под себя рогожу, глядят по сторонам, а кто-то улёгся спать в телеге, которая стоит с краю площади, возле плетня.

Лошадь в телеге, конечно, никто не распрягал, ведь скоро предстоял обратный путь, но животное, даже стёснённая хомутом и оглоблями, всё равно дотягивалась до травы, выбивавшейся из-под изгороди. Когда объедать становилось нечего, лошадь чуть-чуть подвигалась вперёд вместе с телегой, а хозяин, почувствовав движение, должен был проснуться, оглянуться по сторонам и вдруг обнаружить – он чуть не проспал то, ради чего приехал: «Государь! Вот счастье! Не разминулись! Государь проезжал здесь в прошлом году на Рождество, в этом году два раза – на Пасху и Троицу – и вот снова пожаловал...»

– Государь! Государь! Государь! Государь! – вдруг послышалось отовсюду, но трудно было понять, кому кричали. Может, приветствовали правителя, а может, сообщали друг другу, что тот приехал.

Люди, минуту назад бродившие по площади или устроившиеся в сторонке, побежали вперёд княжеских конников, сбились в кучу, преграждая дорогу, так что правитель и его свита вынужденно остановились.

– Вот и доехали до первого препятствия, – пробормотал Влад, повернувшись к Войко, но тут обнаружилось, что боярин опять что-то высматривает возле копыт княжеского коня.

«Что же он такое заметил? – подумал правитель. – Неужели всё-таки прикидывается и пытается пошутить?» – однако сейчас князя больше занимало то, что преградило путь. Княжеские охранники, ехавшие впереди, держались не так уж плотно друг к другу, поэтому сквозь их строй всё-таки можно было кое-что рассмотреть.

Там, где дорога снова сужалась и превращалась в улицу, виднелись ряды согнутых спин. «Кафтаны нет – одни рубахи из белёного или небелёного холста, – отметил Влад. – Значит, люди простые. Кланяются почтительно, сгибаясь вполовину роста, но встали так, что не пройдешь – перекрыли всё от забора до забора».

– Государь! – выкрикнул кто-то из согнувшейся толпы. – Дозволь нам предстать перед тобой!

Влад не ответил «да». Вместо «да» он задал встречный вопрос – так же громко, как кричали из толпы:

– Зачем вы об этом просите?

– Мы просим, чтобы ты, согласно древнему обычаю, самолично творил суд, разбирая жалобу всякого простого человека, который к тебе явится, и не поручал решение этого дела никому другому. Выслушай и рассуди!

– А знаете ли вы, о чём просите? – всё так же громко вопрошал правитель. – Знаете ли вы, что я сужу строго и что мой приговор нельзя ни отменить, ни обжаловать?

– Знаем! – хором грянула толпа.

– И всё равно стремитесь предстать передо мной?

– Дозволь! Дозволь! – закричала толпа.

– Что ж, – сказал Влад, – я вижу, вы пришли сюда, движимые нуждой, а не прихотью. Но сегодня я тороплюсь. У меня важная забота. Поэтому я разрешаю предстать передо мной лишь одному человеку. Его дело я разберу, а остальные из вас, кто хочет, могут составить челобитные и отнести к моему крыльцу в Букурешть.

«Выслушивай всех, представших пред твоё лицо», – так гласила традиция, поэтому крестьяне и просили дозволения предстать перед государем, а он нарочно огородил себя конниками, велел охране перестроиться ещё до того, как въехал на мост.

Крестьяне понимали, что не могут ничего с этим поделаться. Хорошо было уже то, что Влад согласился разобрать хотя бы одно дело, поэтому из толпы вежливо спросили:

– А чьё дело ты разберёшь, государь?

– Это вы определяйте сами, – ответил Влад, а пока толпа, образовав круг, определяла, решил разобраться со странным поведением Войко. – Что ты там разглядывал? – спросил правитель.

Боярин виновато пожал плечами, сам не понимая, что же заставляло его коситься:

– Вроде опять померещилось что-то.

– Опять чёрная собака? – усмехнулся князь.

– Нет, – сказал Войко, – на этот раз курица, но тоже чёрная.

Между тем среди ровного многоголосого бормотания толпы, обсуждавшей, кто предстанет перед государем, слышались фразы, сказанные громче, чем следует:

– Я приехал раньше всех!

– А я тут в третий раз! – возражал кто-то. – Этого в челобитной не напишешь! Я должен рассказать сам!

– Твоё дело не такое уж важное! – звучал ехидный голос.

– Да тихо ты!

– Сам тихо!

– Братцы, давайте я.

– А почему ты?

– А почему не я?

– А почему он? Слишком много чести!

Ожидая, пока толпа наконец выберет просителя, Влад непринуждённо глянул влево под ноги коню. Дракон сидел там, будто притаившись, и даже извальялся в дорожной пыли, чтобы стать менее заметным.

Глядя на него, князь снова спросил у Войко:

– Курица, говоришь?

– Ты что-нибудь заметил, господин? Хотя бы куриные следы?

– Нет, не заметил. – Влад отвёл взгляд от чешуйчатого зверя, поднял голову и поторопил просителей: – Решайте быстрее! А то у меня не останется времени разобрать даже одно дело.

Люди посовещались ещё полминуты, после чего круг разомкнулся:

– Мы выбрали! – грянула толпа, и тут дракон сразу встрепенулся, стряхнул с себя пыль и весь напрягся, поскольку всякое дело, которое разбирал Влад, вызывало у чешуйчатой твари большой интерес.

– Пропустите просителя ко мне, – приказал государь, после чего конники подвинулись, а в образовавшийся коридор ступил крестьянин средних лет.

Нынешний проситель оказался высок и худощав, однако его ладони, широкие и пухлые, как у любого труженика, казались чересчур большими и не подходящими для его худощавой фигуры. Впрочем, ступни тоже представлялись чересчур большими, так что обутки-опанки, шаркающие по дорожной пыли, наводили на мысль о двух лодках, скользящих по реке.

Вся одежда этого человека – рубаха, штаны, пояс-кушак, обмотки на ногах – была светлой, и по сравнению с цветом льна странно тёмными выглядели лицо и руки – загорелые, словно вылепленные из красной глины.

«Истинный труженик», – подумал князь, но не успел он разглядеть этого просителя, как из толпы выдвинулся другой – почти такой же, только чуть пониже. Он робел ещё сильнее и даже покачивал руками, от волнения не зная, куда их пристроить, но всё равно шёл к государю.

– Я разрешил предстать передо мной лишь одному человеку, – напомнил Влад.

Первый проситель обернулся, затем снова посмотрел на князя и с поклоном произнёс:

– Это мой младший брат. Хоть нас и двое, но дело у нас на двоих одно.

– Ладно, если так. Что у вас за дело?

Крестьянин, который в отличие от князя никуда не торопился, начал обстоятельно рассказывать:

– Зовут меня Йон Кокор. А это мой брат, Лаче. Досталось нам в наследство от отца урожайное поле. А ещё достался дом, два вола, шесть овец, гуси, цыплята...

– Да, хорошее наследство, – перебил Влад.

Йон опустил глаза и вздохнул:

– Наследство хорошее, но не очень.

– Почему? – спросил правитель.

– Потому что мы с братом не знаем, как всё это поделить.

– Поровну, как у людей принято. – Влад пожал плечами, не понимая, для чего его просили разбирать это дело.

– Легко сказать, но трудно сделать, государь, – ответил Йон.

– Что же здесь трудного? Каждому по половине поля, по половине дома, по одному волу, по три овцы... и так дальше, пока всё не поделите.

– Государь, – подал голос Лаче, – мы не успели тебе сказать, что поле, которое досталось нам от отца, совсем маленькое. Если поделить его, то урожая, выращенного на половине, никак не хватит прокормиться даже одной семье.

– А как же вы кормились вдвоём до сих пор? – спросил Влад. – Наверняка вы оба женаты и успели обзавестись детьми.

– Я женатый, – ответил Йон, – а мой брат – нет. А ещё с нами живёт наша старая мать. Все мы никак не прокормимся, если мой брат тоже женится.

– А жениться он хочет... – проговорил правитель.

– Конечно. – Лаче подбоченился, но вовремя вспомнил, как надо вести себя при государе, поэтому тут же принял скромный вид. – То есть... вышло, что... моему брату жениться можно, а мне – нельзя!

– Если ты хочешь жениться, почему не пойдёшь и не наймёшься к кому-нибудь батраком, чтобы заработать денег на свадьбу? – спросил Влад.

– А почему я должен батрачить? – возмутился Лаче. – Мой брат ни на кого не батрачил, а женился. Я тоже так хочу!

– В жизни не всегда бывает так, как хочется, – заметил Йон.

– Не буду батрачить! – продолжал возмущаться Лаче. – Достаточно уже того, что я у своего старшего брата работаю как батрак. Это несправедливо! Наследство мы должны делить поровну – так закон велит. А получилось, что всё досталось старшему.

– Ты на меня работаешь? – Теперь уже Йон возмутился. – Да ты походи найди батрака, который бы жил в таком почёте! Даже дети мои не получают за столом лучшего куска, чем получаешь ты. А разве кто гонит тебя в поле, если ты накануне надорвал спину? А походи найди такого батрака, которого не только кормят, но и одевают бесплатно.

– Подумаешь, справили мне овечью шубу. Вот щедрый брат! – усмехнулся Лаче.

– Да и не забудь – я старше тебя на девять лет! – крикнул Йон. – Ты ещё только выучился ходить и разгуливал без штанов по дому, держась за материнскую юбку, а я уже работал с отцом в поле. У меня больше прав на эту землю, чем у тебя! Я влил в неё столько своего пота, что...

– Я знаю, – протянул Лаче. – Ты напоминал мне об этом, когда в первый раз пришлось говорить о наследстве. Ты тогда не кричал. Ты тогда просил. Ты говорил: «Давай не будем ничего делить». Ты говорил: «Братец, я не могу сейчас выкупить у тебя половину поля, потому что собираюсь жениться». Ты говорил: «Пожалей меня, брат. Невеста не хочет ждать». Ты говорил: «Если я не женюсь сейчас, то упусти её». А теперь я должен расплачиваться за то, что пожалел брата?

– Так ведь у тебя нет невесты, – возразил Йон. – Чего ты вдруг взялся делить имущество?

– А откуда взяться невесте, если у меня нет дома, куда я мог бы её привести? – в свою очередь возразил Лаче. – И у меня нет брата, которого я мог бы попросить: «Пожалей меня, одолжи свою часть наследства, чтобы я казался зажиточным человеком».

– А теперь ты хочешь всё поделить, чтобы мои дети умерли с голоду? – спросил Йон.

– А ты хочешь отправить меня батрачить куда подальше, чтобы все забыли, что половина отцовского поля – моя? – спросил Лаче.

Йон язвительно заметил:

– Ты боишься, что со своей ленью ничего не заработаешь в батраках. Поэтому и не идёшь на заработки.

– Нет, – ответил Лаче, – мне боязно, что, когда я вернусь через несколько лет, ты непустишь меня на порог и скажешь: «Кто этот пришлец? Это не мой брат».

– Когда же я успел сделаться для тебя Каином?

– А что, не так будет? – спросил Лаче.

– Нет! – крикнул Йон.

– А я думаю, что так! – крикнул Лаче.

Оба брата стояли, буравя друг друга глазами, а государь, казалось, получал от этого зрелища большое удовольствие. Он расслабленно сидел в седле и наблюдал за происходящим, будто за петушиным боем или другой потехой. Всякий раз, когда один из спорщиков произносил что-нибудь обидное, Влад с видом знатока кивал, поднимал брови или кривил губы: «Ого! Вот это да! Пощипал пёрышки! Посмотрим, чем другой ответит... Ха! Вот как неожиданно вывернулся».

– И кто же внушил тебе, что я хочу тебя выгнать? – наступал на брата Йон.

– Ты сам, – отвечал младший.

– Я?

– Да! Ведь ты до сих пор не собрал денег, чтобы выкупить у меня половину поля. Я помню, первое время после женитьбы ты говорил: «Подожди, брат. Прошу, подожди». А теперь ты даже этого не говоришь.

– Да разве можно что-то скопить, когда приходится кормить столько ртов? – развёл руками Йон.

– А о чём ты думал, когда женился? – насупился Лаче.

– И что же теперь мне делать? – снова принялся возмущаться старший.

– А мне что делать? – спросил младший.

Наконец Владу это надоело. Он глянул вниз, на дракона и увидел, что чешуйчатой твари тоже наскучил этот спор.

– Они оба не заслужили отцовского наследства, потому что ведут себя не по-братски, – прошипел змей, встал, повернулся задом к обоим спорщикам и заскрёб лапами по земле, как собака, которая что-то закапывает.

«Ишь, рассердился, – подумал Влад. – Шипит злобно, как дьявол». Однако такое поведение твари не доказывало, что она относится к разряду бесов. По большому счёту дракон выразил не своё мнение, а мнение хозяина. Именно так и должна поступать придуманная тварь, а вот дьявол – это ум самостоятельный.

Как бы там ни было, с крестьянами следовало разобраться.

– Довольно спорить! – громко сказал Влад.

Йон и Лаче от государева окрика застыли, как изваяния, а государь подождал немного и весьма недовольным тоном произнёс:

– Дело ваше мне ясно. Я вижу, что вы не братья вовсе. Сказав про своё родство, вы меня обманули.

Йон и Лаче медленно повернулись к государю. Явившись на суд, они никак не ожидали такого исхода, поэтому слово «обманули» заставило их подать голос.

– Нет, государь, мы не обманываем тебя, – сказал Йон, тут же сделавшийся снова робким. – Мы братья. Я – старший, а он – младший.

– Нет, вы не братья, – уверенно заявил князь.

– Почему не братья? – недоумённо спросил Лаче. – Ведь отец у нас один и тот же. И мать одна и та же.

– Чем же вы это докажете? – недовольно вопрошал государь.

– Это могут подтвердить свидетели, – ответил Йон, который отчаянно пытался понять, почему дело о наследстве приняло такой оборот.

– И где свидетели? – резко спросил Влад.

– Сейчас их нет... но мы можем привести... – запинаясь, ответил Лаче. Он тоже не понимал, почему звучат подобные вопросы, но стремился скорее разрешить странное недоразумение. Даже попятился и повёл рукой куда-то в сторону, готовый сию же минуту бежать в родную деревню за свидетелями, как бы далеко эта деревня ни находилась.

– Нет, о свидетелях надо было позаботиться заранее, – остановил его князь.

– А как же мы тогда докажем? – спросил Йон.

– Значит, доказать не можете, – подытожил правитель и тут же, не дожидаясь возражений, сделал знак своим людям.

Восемь вооружённых конников спешили. Четверо из них остались держать лошадей, оставшихся без седоков, а ещё четверо подступили к братьям, схватили обоих за шиворот и заломили им руки за спину.

– Помнится, на окраине этой деревни есть место, специально предназначенное для наказаний, – произнёс Влад. – Ведём этих лжецов туда.

Толпа, собравшаяся на суд, удивлённо загудела, но не стала дожидаться, пока её начнут теснить. Крестьяне, продолжая гудеть, двинулась вперёд по улице, вслед за ними – государевы конники и те, что держали двоих братьев, а далее – князь и Войко с остальной свитой.

Деревня была маленькая, поэтому до околицы добрались быстро. Там возле дороги на краю поля стояли три вкопанных в землю кола, на одном из которых ещё держалось что-то бесформенное, когда-то бывшее человеком, а теперь ставшее бурым куском мяса, облачённым в рубаху. Позади кольев возвышался колодезный журавль, но с более короткой цепью, а вместо ведра на конце у неё висел крюк.

Если поднять осуждённого с помощью этого приспособления, а затем опустить на тот или иной кол, да ещё тянуть вниз за верёвки, привязанные к ногам, то казнь занимает совсем мало времени. Конечно, строить журавль ради одной казни нет смысла, но если наказания происходят регулярно на одном и том же месте, тогда совсем другое дело. Оглядывая всё это, князь Влад уже предвкушал удовольствие, и потому княжеский дракон радостно бегал вокруг кольев и принюхивался.

Увидев колья, Йон и Лаче наконец сообразили, что последует далее. Оба брата затряслись, как листья на ветру. Без сомнения, они уже пожалели, что попросили правителя судить их.

– Помилуй, государь! – взмолился Йон.

Влад не ответил, а сделал слугам, державшим осуждённых, ещё один знак. Подведя братьев поближе к месту казни, слуги перестали заламывать братьям руки, но по-прежнему держали за шиворот.

– Снимайте пояса, штаны и обувь, – сказал один из государевых людей. – Ну!

Йон и Лаче начали раздеваться, но выходило плохо – руки не слушались.

– Государь, скажи хоть, за что казнишь! – снова воскликнул Йон.

– Как, за что? – удивился Влад. – Ты до сих пор не понял? Ты соврал мне, а я не терплю, когда меня обманывают!

– Да в чём же я соврал? – чуть не плакал Йон, который никак не мог понять, что произошло.

– Ты соврал, – повторил правитель и указал на Лаче. – Этот второй – тебе не брат.

– Он мне брат! – воскликнул Йон.

- Я ему брат! – воскликнул Лаче.
- Нет, вы не братья, – покачал головой князь.
- Братья! – взревели оба осуждённых.
- Однако доказательств нет, – заметил Влад.

Между тем двое государевых слуг, больше не занятые держанием осуждённых, притянули нос журавля книзу и проверили, надёжна ли цепь с крюком. Затем Йона обвязали под мышками его же поясом и приступили к приготовлению ног – пока осуждённый пытался снять штаны, казнители успели привязать к каждой его лодыжке верёвку, скрученную из его же собственных обмоток, оставшихся после разувания.

– Для чего это к ногам? – пролепетал Йон.

– Чтобы ты на колу уселся получше, – ответил один из государевых слуг и сделал движение рукой, будто дёргает за верёвку вниз.

Йон вздрогнул. Руки у него теперь вообще перестали слушаться, а вот его брат умудрился успокоиться. Тоже готовясь снимать штаны, Лаче напряжённо о чём-то думал и вдруг воспрянул:

– Государь, – громко сказал он, – я могу доказать, что мы с Йоном – братья! Если ты велишь отпустить меня и брата хоть на короткое время, я представлю это доказательство.

– Слушаю. – Влад, оставаясь невозмутимым, сделал знак своим людям, чтоб перестали держать осуждённых за ворота.

Лаче встал ближе к Йону, плечо к плечу, и продолжал:

– Мы ведь с братом похожи. Даже если издалека на нас смотреть, это сразу видно. Йон в нашей деревне прозывается Кокор, потому что он и впрямь высокий, как птица-журавль. А когда я подрос, так и меня стали называть Кокор. Сперва не называли. Все привыкли, что мой брат один в деревне такой высокий. Если по дороге идёт кто высокий, то это Йон – так все думали. А однажды вдруг смотрят – высокий идёт. Кричат: «Эй, Йон!» А я кричу: «Я не Йон! Я Лаче!» Вот тогда и меня стали Кокором называть.

Влад не смог удержаться от одобрительной улыбки, но всё-таки продолжал настаивать на своём:

– Внешнее сходство служит доказательством лишь отчасти. На свете есть столько похожих людей, которые друг другу совсем не родичи. Представьте мне доказательства более весомые.

Пока говорил Лаче, его старший брат тоже начал соображать. Услышав требование о новых доказательствах, Йон спросил:

– Государь, а что мешает тебе поверить в то, что мы с Лаче братья?

Тут уж князь оказался вынужден говорить начистоту:

– Что мешает мне поверить? То, что вы двое грызётесь меж собой, как голодные псы. Настоящие братья не ведут себя так.

Йон и Лаче молчали.

– Я вижу, что прежде вы были родичами, но теперь порвали нить родства, – добавил Влад. – Да, порвали, хоть и называете друг друга братьями. Порушенное родство – вот что мешало вам договориться. Размер поля тут ни при чём.

– Что же нам делать? – спросил Йон.

– Представить мне весомые доказательства, что вы всё ещё братья, – ответил государь, – или признать, что вы солгали.

– Но... – осторожно начал Йон, понимавший, что сейчас нужно взвешивать каждое слово, – я ведь и вправду на девять лет дольше обрабатывал поле. Это кое-что значит. Многие годы мой брат был сыт не только благодаря труду нашего отца, но и благодаря моему труду. Мой брат забыл об этом. Вот почему я сердился.

– Ты прав, – ответил Лаче. – Я забыл об этом, но и ты забыл, что после твоей женитьбы я работал наравне с тобой. С наших общих трудов кормились твоя жена и твои дети. Это тоже считается.

– Считается, – вздохнул Йон. – Ты прав, Лаче. Половина отцовского поля – твоя. Но я никогда не смогу выкупить эту половину. Здесь ты тоже прав. – Старший брат повернулся к младшему. – Незачем было идти на суд. Мы могли бы продать поле, волов, инструменты, поделить деньги и оба стать батраками.

– Да, это разговор двух братьев, – произнёс Влад, – а раз вы доказали, что обмана с вашей стороны не было, я не стану вас казнить.

Йон и Лаче сначала решили, что ослышались, но затем увидели, что государевы люди направились к своим коням. Братья заулыбались, затем засмеялись и даже обнялись от радости. Не поделив поле, они всё равно были счастливы и довольны.

Государь тоже был доволен. Ведь он не хотел казнить спорщиков, а только припугнул их, чтобы они вспомнили о том, что является истинной ценностью. Даже если бы братья не догадались, как надо себя вести, чтобы спасти свои жизни, Влад отложил бы казнь, потому что совершать казни во время паломничества не подобает. К счастью, братья проявили-таки смекалку, и теперь, чтобы закончить дело, правителю оставалось сказать всего несколько фраз.

– Вы ещё хотите, чтобы я подсказал вам, как делить наследство? – спросил он.

– Нет, мы и сами разберёмся, – дружно помотали головами братья. – Мы уже и сами догадались, что поле нужно продать и поделить деньги.

– Продавать необязательно, – возразил Влад. – Вы можете поступить по-другому.

– А как? – спросил Йон, понимая, что от государева совета лучше не отказываться.

– Перечисляя многие долги в своём семействе, вы забыли один очень важный, – усмехнулся Влад.

– Разве я ещё кому-то должен? – У Йона округлились глаза.

– Или я должен? – насторожился Лаче.

– Нет, – снова усмехнулся Влад, – долг висит не на вас.

– А на ком? – хором спросили братья.

– Как я понял, у тебя, Йон, есть дети, которые очень обязаны твоему брату, – пояснил государь. – Ведь если бы не щедрость младшего брата, ты упустил бы невесту, и эти дети не появились бы на свет. Значит, долг этих детей перед Лаче весьма велик.

– Но это же дети... – пробормотал Лаче. – Я не буду с них требовать.

– Нет, всё правильно! – воскликнул Йон. – Они тебе должны. И я знаю, что делать. Я отдам своего старшего сына помощником к корчмарю в нашей деревне. Корчмарь мне сам предлагал. Сказал, что заплатит хорошую цену. А ещё корчмарь сказал, что среди деревенской ребятни мой сын – самый толковый. «Он ничего не разобьёт и не стащит. Не то что другие», – вот как было сказано. Я думаю, предложение корчмаря всё ещё в силе. А если нет, я отвезу сына в город и там пристрою работать. Деньги будут. На этот раз тебе не придётся долго ждать, брат. А через два года, когда второй сын подрастёт, я отдам в работники и его. Так я выкуплю половину поля.

– А я на следующей неделе пойду на заработки, – сказал Лаче. – Осенью батраки всегда нужны...

– А чтобы ты не сомневался, я напишу тебе расписку, – перебил его Йон.

– Да не надо! – махнул рукой Лаче. – Я верю тебя на слово. Зачем ещё деньги тратить на писца? Ведь ни ты, ни я всё равно не разумеем грамоту. Кто знает, что этот плут там накарябает. Нет, к писцу у меня доверья нет.

– Нет, расписка нужна! – настаивал Йон.

– Не нужна, – опять махнул рукой Лаче.

– Нужна.

– Не нужна!

Влад снова сделался немым свидетелем братских споров. Подождав с минуту, правитель произнёс достаточно громко, чтобы его услышали:

– Вы похожи не только наружно, но и в своём стремлении вечно противоречить друг другу. Хватит!

Оба брата опять застыли. Старший – с открытым ртом, а младший – с поднятой рукой.

– Если все разногласия касаются только расписки, – продолжал государь, снова сделавшись спокойным, – то я одолжу вам своего письмоводителя. Он сделает работу бесплатно. Так мы прекратим все споры и поставим наконец точку в этом деле. – Влад обернулся. – Эй, кто там из канцелярии в этот раз...

В государевой свите среди прочих слуг неизменно присутствовал письмоводитель, то есть секретарь, который, не дожидаясь особого приказа, слез с коня, достал из перемётных сумок широкую деревянную доску с приколотым к ней листом пергамента, походную чернильницу и связку заранее отточенных перьев. Подойдя к Йону и Лаче, письмоводитель опустился на одно колено и приготовился составлять документ под их диктовку. Минут через пять расписка с указанием сумм и сроков выплат была составлена.

– Подписи как ставить решили? – спросил письмоводитель. – Через рукоприкладство?

Вместо ответа Йон прижал указательный и средний пальцы правой руки к руке письмоводителя и продолжал держать так всё время, пока грамотей выводил под текстом на пергаменте «Йон Кокор». Затем таким же способом подписался Лаче – подтверждая, что присутствовал при составлении документа и доволен всеми условиями, оговоренными там – а ещё через минуту оба брата кланялись и славословили правителя:

– Благодарим, государь. Рассудил. Надоумил. Дай тебе Бог доброго здоровья и долгих лет жизни.

– Могли бы и сами решить это дело, если бы раньше вспомнили о том, что вы – братья, – ответил Влад.

– Не-ет. – Йон и Лаче дружно помотали головами. – Сами бы мы так хорошо не решили. Где ж нам взять столько мудрости! Благодарим, государь. Не зря мы сюда пришли.

Толпа расступилась, чтобы князь и его свита могли уехать.

Покидая деревню, Влад оглянулся. Толпа стояла с непокрытыми головами и кланялась, потому что думала, что государь смотрит на неё. Однако государь смотрел не на неё, а на своего дракона, который почему-то замешкался возле кольев, а теперь припустился вслед за хозяином. В несколько прыжков нагнав хозяйского коня, чешуйчатый зверь занял положенное место слева, но выглядел странно – его настроение совсем не соответствовало настроению Влада. Тварь выглядела раздосадованной.

* * *

Когда Влад был ещё мальчишкой, то из всех отцовых рассказов особенно любил два. Первый рассказ – про поездку в Нюрнберг. А содержание второго рассказа так просто не определишь. Туда вплеталось много чего – в том числе рассуждения о судьбе братьев. Эти рассуждения касались не крестьянских сыновей, а сыновей правителя, но ведь княжеские дети могут точно так же ссориться из-за наследства, как простолюдины. Государство, пусть даже обширное, чем-то подобно маленькому полю – и то, и другое трудно поделить.

Когда отец принимался рассуждать об этом, его рассказ становился наставлением, и Влад хорошо запомнил наставления, потому что во всём стремился следовать родительскому примеру. Правда, стремление подражать привело к тому, что сын перенимал не только хорошее, но и дурное, однако хорошего он перенял всё-таки больше. «Конечно, – говорил себе Влад, – отец не отличался праведностью в том смысле, как это понимают церковники, потому и позволял

себе чеканить монеты с дьяволами. Но человеком он всегда оставался хорошим. И сыновей своих стремился научить только хорошему».

Влад жалел, что в детстве нельзя было слушать рассказы-поучения так часто, как хотелось. Отец ведь даже в перерывах между странствиями, приехав к семье в Сигишоару на недельку-другую, не мог сидеть и рассказывать истории с утра до вечера. Вечно появлялись дела. Они настигали родителя на следующий же день его приезда!

Вот закончилось позднее утреннее богослужение, проводимое отцом Антимом; вот закончилась трапеза после богослужения; сыновья только-только улучат момент, чтобы пристать с расспросами, как прошлым вечером, и вот тут в столовую комнату непременно явится человек, вежливо поклонится отцу и скажет что-то на латыни. «Всё ясно! – думал малолетний Влад. – Господа из городского совета желают побеседовать о делах, которые не могут ждать. Значит, рассказ будет только после обеда или вообще вечером».

Совет заседал в той самой башне, через которую проходили главные ворота. У этих ворот Влад ждал отца, возвращавшегося из дальних странствий, и около этих же ворот ждал, пока закончатся «беседы о делах». Чаще всего младшенький ждал конца заседания вдвоём со своим братом Мирчей, а если ждать надоедало, Влад и Мирча заходили за угол башни и тихонько открывали боковую дверь, возле которой дежурил охранник, вооружённый мечом и копьём. Охранник не останавливал – знал ведь, что пришли сыновья очень уважаемого жителя.

За боковой дверью в башню пряталась крутая каменная лестница, ведущая в сумрачную комнату, где даже днём горели свечи. В комнате за столами сидели люди, все стриженные под горшок – сидели и шелестели бумагой, перекладывая из стопки в стопку. Иногда что-то записывали, скрипя перьями. Иногда обменивались фразами.

Малолетний Влад в ту пору ещё не знал большинства венгерских слов, но всё-таки мог понять, что там велись подсчёты. Столько-то заплатили в прошлом месяце каменщикам, которые достраивали городскую оборонительную стену. А столько-то – каменщикам, которые строили большой собор на вершине холма. Отдельно вёлся подсчёт материалов: булыжника привезено на такую-то сумму, известь привезли – на такую-то.

Когда ни придёшь, там шли одни и те же разговоры – про строительство. Оно велось не первый год и, судя по всему, окончание ожидалось нескоро⁹, так что, слоняясь по этой комнате, братья могли заскучать ещё быстрее, чем на улице.

На следующий этаж хода не было. Вернее, был, но лестница, которая поднималась к люку в полочке, охранялась гораздо строже, чем вход в башню. Тут стерегли пятеро, и они не пропускали:

- Нельзя, ребятки. Совет заседает. Нельзя мешать.
- Там с ними мой отец! – возражал Влад. – Я только посмотрю.
- Нельзя.

Отец не входил в число двенадцати старшин, из которых состоял совет, но частенько присутствовал на заседаниях, рассказывая, чем сейчас заняты в венгерской столице и чем сейчас озабочен король Жигмонд. Нередко старшины просили подсказать, как улучшить защиту города, ведь отец Влада был человеком военным, но случалось, что спрашивали и про всякие пустяки – стремились через такие разговоры выказывать дружелюбие.

Заседание обычно продолжалось около двух часов, а затем люк в потолке открывался, и по лестнице один за другим начинали спускаться участники собрания – дородные и бородатые. Отец во всём отличался от них – и не дородный, и не бородатый. «Зачем ему там сидеть?» – недоумевал младший сын, глядя, как родитель тоже спускается по лестнице, причём зевает

⁹ Городские укрепления в Сигишоаре начали строиться в конце 14 века и превратились в долгострой, как и строительство церкви на холме. Церковь на вершине холма строилась с середины 14 века до начала 16 века.

и одновременно встряхивает головой, пытаясь отогнать сонливость. Отцу было скучно, как и сыновьям, которые ждали внизу.

По дороге к дому Влад и Мирча снова приставали к нему с расспросами или пытались получить обещание, что после обеда уж точно состоится рассказ. Главное было – успеть уговорить родителя до того, как его окликнет человек с ровной круглой лысиной на затылке, одетый в белую шерстяную рясу и чёрный плащ.

Окликнув, этот лысый приближался медленно, потому что идти мешали руки, вечно сложенные на животе. Отец каждый раз терпеливо его ждал, после чего лысый начинал беседу, и опять на латыни, непонятной для детей, однако о смысле разговора всё же можно было догадаться, и через несколько минут Влад убеждался в правильности своих догадок.

Когда человек в белой рясе, который являлся не кем иным, как одним из монахов-доминиканцев, уходил прочь, родитель принимался нарочито хмуриться и расспрашивал сыновей об их очередной проделке, связанной с монастырём. Например, однажды летом речь зашла о том, для чего дети влезали на монастырскую ограду:

– Опять мне на вас монахи жалуются, – произнёс отец. – Говорят, что вы влезали на ограду и дразнили сторожевых собак в монастырском дворе.

– Мы ничего плохого не делали... – ответил Мирча.

– Отец, мы пытались сделать так, чтоб собаки лаяли все вместе, – тут же признался Влад. – А собаки не хотели. То одна замолчит, то другая. Они ленивые.

– Но в конце концов вы добились успеха? – продолжал спрашивать отец.

– Да, – кивнули сыновья.

– А если б вы свалились со стены на мостовую?

– Нет, отец, мы не свалились бы, – возразил Мирча. – Мы влезали по плющу. Там, на стене, плющ. Вот тебя он не выдержал бы и оторвался. А нам можно.

– Отец, а что ты ответил тому человеку? – спросил Влад.

– Я от вашего имени обещал, что вы прекратите дразнить собак, – сказал родитель и, улыбнувшись, добавил: – Но когда я снова уеду, вы наверняка придумаете что-то ещё.

Влад с Мирчей вовсе не хотели сердить брата, но так уж выходило. Сперва они оказались пойманы в монастырской церкви, открытой для горожан, но «не для наглых мальчишек», решивших собрать с подсвечников воск, чтобы лепить из него солдатиков. В другой раз монахи жаловались, что дети поздно вечером устроили на улице под стенами обители шумную игру. А после этого случилась история с собаками.

Жалобы от доминиканцев поступали настолько часто, что отец, выяснив у сыновей подробности очередной проделки, начинал улыбаться, но дети знали, что после таких разговоров просить ни о чём нельзя. Следовало дожидаться вечера.

Ждать было трудно, поэтому сыновья не выдерживали и подступали к родителю с просьбами ещё до конца ужина:

– Отец, расскажи про то, почему все братья должны жить в мире. Расскажи!

– Как же я расскажу, если вы озорничали в моё отсутствие? – возражал тот. – Мне следует как-то вас наказать.

– За что? – притворно удивлялись дети.

– За то, на что жаловался монах-доминиканец.

– Отец, но ты же на нас не рассердился, – возражал Влад.

– Верно, – усмехался отец, – не рассердился. Должен рассердиться, но не могу, поэтому придётся рассказывать...

Прежде чем начинать, повествователь выжидал немного, чтобы слушатели замолчали, перестали ёрзать, двигать тарелки или по-другому шуметь, а мать, понимая это, делала знак служанкам – посуду уберёте попозже.

Малолетний Влад, оглядываясь вокруг и в нетерпении ожидая, пока наступит тишина, думал, что зануды из городского совета и ябеды-доминиканцы, сами о том не подозревая, делали доброе дело. Слушать рассказы по вечерам казалось намного занятнее, чем днём, а значит – долгое ожидание в итоге приносило пользу.

Вечером малолетних слушателей не отвлекали солнечные зайчики, начинавшие прыгать по доскам потолка, когда кто-то переставлял на столе серебряный стакан или тарелку. Вечером не было и мух, которые летали по дому почти во всякое время года. К тому же вечером у отца появлялся помощник – тень. Хорошо видимый на белёной стене, этот помощник всеми силами стремился привлечь внимание к рассказчику, повторяя его действия и делая их более значительными. Если отец поднимал руку, тень тоже поднимала. Если отец наклонялся, тогда и тень наклонялась, прячась ему за спину и затем выныривая в нужный момент.

Вечером никого не отвлекал громкий возглас, ворвавшийся с улицы через окно. Ничего не гроыхало вдалеке, словно спрашивая: «Что тебе важней? Послушать продолжение истории или узнать, что же гроыхнуло?» Нет, вечером слышались совсем другие звуки. Например, потрескивание свечных фитилей или шорох одежды, если кто-нибудь из домочадцев, сидевших рядом, начинал шевелиться.

По большому счёту, когда отец начинал рассказывать, Влад уже не слышал ничего, кроме родительского голоса... и голоса старшего брата, потому что Мирча, по обыкновению, встречал.

– Когда после долгих странствий я приехал обратно к вашему деду... – начинал родитель.

– А можно... – вкрадчиво произносил Мирча, – отец, а расскажи про то, что было чуть-чуть раньше.

– И про маму? – спрашивал рассказчик, глянув влево от себя, на жену.

– Да, и про маму, – отвечали дети.

– Ладно, – соглашался отец, – расскажу... После того состязания в Нюрнберге король Жигмонд взял меня на службу. Я всё время был при Его Величестве, ну а делать... ничего особо не делал. В ту пору король много ездил по разным странам. И я ездил вместе с ним. Жигмонда всюду принимали с большим почётом, устраивали пиры, на которых веселилась вся свита, так что я даже выучился плясать на тамошний лад, чтобы меньше времени проводить за столом и реже опорожнять кубки. И всё-таки служба оказалась трудной. В сердце нет настоящего веселья, если веселишься по обязанности, а я веселился по обязанности, потому что никуда не мог отлучиться. Временами Жигмонд забывал обо мне, но если вдруг увидит, что меня нет, так сразу: «А куда подевался мой валашский слуга?»

Влад, как и прочие слушатели, знал, что румын почти все народы упорно называли влахами, а Румынскую Страну именовали Валахия. Жигмонд, конечно же, поддерживал традицию и не думал о том, чтобы спросить у своего «слуги»: «Как тебя лучше называть?»

– Как только заметит, – продолжал рассказывать отец, – так сразу шлёт кого-нибудь, чтоб разыскал меня и привёл. «Почему ты отлыниваешь от службы?» – ехидничал король. Утешенье я находил только в письмах от вашего деда, который был доволен мной и новостями, получаемыми от меня. Я ему не жаловался на жизнь, но вдруг неожиданно-негаданно пришло повеление: «Сын, возвращайся домой». Я как прочитал – глазам не поверил! Вот радость-то! Перечитал ещё раз, а там дальше говорилось, что ваш дед хочет меня женить, потому и зовёт обратно.

– Что ещё там говорилось? – лукаво спрашивала мать.

– Говорилось, что у молдавского государя есть дочка, зовут её – Василика, а я должен к ней посвататься, – так же лукаво отвечал рассказчик. – Все приготовления для сватовства были уже совершены, куплены подарки и прочее. Мне оставалось только приехать домой, чтобы оттуда с большой свитой и с дарами отправиться в Молдавскую землю.

– И что ты дальше сделал? – спрашивал малолетний Мирча, помогая рассказу течь в нужное русло.

– Я пошёл к королю, – говорил отец, – и попросил позволения отлучиться со службы, а Жигмонд, услышав мою просьбу, посчитал себя обиженным, хоть и не признался, и начал посмеиваться над вашим дедом. «Как же он отправляет тебя к девице, которая ещё не дала согласия? – усмехался король. – А вдруг она откажет? Получится для тебя позор и бесчестие. Станный вы народ. У нас так не делают. У нас в невестин дом сперва засылают сватов, которые всю расхваливают жениха. Если сватовство окажется удачным и девица скажет “да”, тогда приезжает сам жених, а если сватам укажут на дверь и посмеются над их речами, то страдает честь сватов, а не честь жениха. Согласись, это гораздо лучше. Может, тебе не ехать сейчас?» Вот что говорил Жигмонд. Он хотел сбить меня с толку, но не сумел. Я-то догадывался, почему ваш дед устроил всё так, а не иначе – он хотел, чтобы я вернулся домой, а сватовство было лишь предлогом.

– А что ты ответил королю? – спрашивал Мирча, подгоняя рассказ.

Отец отвечал:

– Я поблагодарил за совет, но сказал, что теперь мне отступить нельзя. Я сказал: «Если не поеду, когда меня ждут, это и будет позор. Все решат, что я испугался жениться». Жигмонд был вынужден дать разрешение на отъезд, но взял с меня слово, чтоб мне вернуться не позже чем через год.

– А дальше? – торопил малолетний Мирча.

– Дальше я приехал обратно к вашему деду, моему отцу, – говорил рассказчик. – Отец встретил меня радостно, ведь мы не виделись больше двух лет. Он уже ходил, опираясь на палку, а тут воскликнул: «Не нужен мне костыль, если ко мне приехал сын, на которого я могу опираться!» Я спросил: «А как же два моих брата? Разве они для тебя – не опора?» – но ваш дед только рукой махнул: «У меня есть опора как у государя, а как у старого человека – нет».

Мирче нравился этот рассказ, прежде всего, из-за упоминаний о тезоименитом деде Мирче Великом, поэтому Мирча Малый стремился сделать всё, чтобы повествование шло быстрее, ведь чем быстрее оно идёт, тем раньше дойдёт до тех отрывков, которые особенно нравятся.

– Ваш дед начал сетовать, – меж тем рассказывал родитель. – Он говорил мне, что мой старший брат уже взял на себя многие государевы дела, и это хорошо, но такие обязанности не оставляют времени, чтобы ходить неспешным шагом, прогуливать старого отца по солнышку, ведя под руку. А о моём младшем брате было сетование, что тот слишком юн и резв, и если помогает идти, то тянет за собой и забывает, что старые люди так быстро не могут, поэтому ваш дед обратился ко мне: «Вот кто будет водить меня по саду – ты, мой средний сын».

– Дедушка сильно постарел, пока тебя не было? – уточнял Мирча Малый, теперь слушавший с особенным вниманием.

– Да, – следовал ответ, – пока я странствовал, дедушка постарел. Но состарили его не годы, а заботы. Он сам сказал: «Ещё недавно наши владения простирались до самого моря. А теперь выход к морю для нас потерян. Все приморские земли достались султану. Сколько мы ни воевали с ним, он всегда побеждал, и теперь приходится платить ему дань¹⁰». Тут я спросил вашего дедушку: «Ты вправду собрался меня женить или придумал это, чтобы мне легко было отпроситься с королевской службы?» Он ответил: «Ничего я не придумал. Невеста есть, подарки куплены. Но я тебя не неволю. Хочешь – сватайся, а не хочешь – не сватайся. Ты, главное, погости у меня подольше».

В этом месте повествования Мирча Малый часто спрашивал:

¹⁰ В результате войн с турками румыны потеряли область на черноморском побережье, называемую Добруджа. В 1417 году князь Мирча Старый отказался от попыток вернуть её и согласился платить султану дань.

– Отец, а дедушка любил тебя больше, чем твоих братьев? – Малолетний слушатель спрашивал потому, что хотел услышать утвердительный ответ, но отец неизменно поправлял:

– Нет, не больше. Дедушка был слишком мудр, чтобы делать такое различие между сыновьями.

– Но ведь он просил, чтоб ты был около него. А других не просил, – из раза в раз возражал малолетний Мирча.

– Нет, – твёрдо отвечал отец, – дедушка любил меня и моих братьев одинаково. Именно поэтому он позволил нам выбрать занятия по сердцу. Мой старший брат хотел быть государем, и тогда ваш дедушка передал ему часть своей власти, не стремился сохранить все нити в своих руках. Мой младший брат был в таком возрасте, что думал только о забавах, поэтому ваш дедушка не мешал ему и говорил: «Пускай юность возьмёт своё». А я полюбил путешествовать, и ваш дедушка не звал меня домой, пока я сам не захотел вернуться... – Далее рассказчик обращался только к старшему сыну: – Видишь, Мирчулик? Любить сыновей – не означает всё время держать их подле себя. Вот Жигмонд всё время стремился удержать меня. Но разве он делал это от большой привязанности?

– Но ведь дедушка тоже хотел, чтобы ты остался подольше, – возражал малолетний Мирча.

– Дедушка хотел дать мне наставления – на это нужно время, – терпеливо объяснял отец. – Человеку очень трудно выучиться чему-то за один день. А наставления – это та же учёба. Наставления нужно повторять, тогда они запомнятся. Дедушка боялся, что скоро умрёт и не успеет их дать. Поэтому он просил меня быть около него и гостить подольше.

– И он говорил тебе про то, что братья должны жить в мире, – подсказывал Мирча.

– Да, – отец на мгновение останавливался, а затем, наклонившись вперёд и пристально глядя на обоих сыновей, очень серьёзно продолжал: – А теперь я повторяю его слова вам и делаю это не просто так. Я рассказываю истории из раза в раз не только для того, чтобы вас развлечь. Я надеюсь, что вы запомните дедушкины слова.

Произнеся это, отец распрямлялся, и тогда малолетнему Владу казалось, что тень на стене – уже не отцова, а дедушкина: «Вон у неё на голове появились завитки, так похожие на ажурные завитки государевой короны». Тень не имела глаз, но грозно смотрела на всех и видела насквозь, а когда отец чуть сгибал спину и опускал плечи, его тёмный силуэт на стене повторял это движение лишь отчасти, потому что сгибался ещё сильнее, будто успевал состариться в один миг. Теперь тень выглядела уже не такой грозной, однако по-прежнему смотрела на всех пристально и по-прежнему знала, что у кого на уме и в сердце.

Очертания человека на стене выглядели почти живыми, ведь отец в такие минуты повторял за своим отцом, Мирчей Великим, причём это звучало так, будто старый правитель давал наставления не много лет назад, а сейчас. Казалось, наставления произносились неслышным шёпотом бесплотной души, а отец повторял их громко, чтобы слышали все:

– Ваш дедушка говорил мне: «Помогай своему старшему брату так же, как помогаешь мне. Не ссорься с ним, потому что Румынская земля – ваше общее наследство».

– Это наставленья для Влада, – обычно возражал малолетний Мирча. – Это для него, потому что он меня младше, это он должен мне помогать. А для меня?

– Это наставления для вас обоих, – из раза в раз твердил отец. – Даже если не будет у вас других братьев, всё равно запомните, кто вы. Один старший, а другой младший, но оба вы – первенцы, и править вам придётся вместе. Когда-то ваш дедушка правил так же – вместе со своим старшим братом, во всём помогая ему. Затем Господь забрал старшего, и дедушке пришлось править одному. «В этом нет ничего хорошего, когда ты один», – так говорил ваш дедушка, а когда умер, его место на троне занял мой старший брат. Я помогал брату править, пока Господь не забрал его... теперь должен править я, и я буду... очень скоро... А после меня – вы двое.

Однажды Влад, привыкший молчать во время рассказов, всё-таки отважился спросить:

– Отец, ты сказал, что дедушка правил вместе со своим старшим братом... А как было с другим дедушкиным братом? С младшим... С тем, который лысый... Мне отец Антим рассказывал, что дедушкин лысый брат очень тебя не любил и хотел убить. Вот этот брат помогал дедушке править?

– Нет, не помогал, – ответил отец. – Дедушкин младший брат всё время нарывался на ссору, поэтому не имел права садиться на трон.

– Значит, право на наследство имеет только тот, кто помогает старшим, – понял Влад. – Да? А кто не помогает старшим, тот не заслужил.

– Да, всё верно, – ответил родитель и посветлел лицом. Он обрадовался, что беседы с сыновьями всё-таки приносят пользу.

Похоже, что и дедова тень на стене одобрительно кивнула.

– А если сын не помогал отцу, то и сын не заслужил? – продолжал спрашивать Влад.

– Если не помогал, то не заслужил, – отвечал отец.

– А так бывает? – удивился малолетний Мирча, который уже представлял себя князем.

– Редко, но бывает, – сказал родитель.

– Отец, а что с твоим младшим братом? С твоим, про которого ты говорил, что он думал только о забавах? – вдруг вспомнил Мирча. – Он будет править вместе с тобой?

– Нет, – ответил отец и стал грустен, – мне, как и вашему деду, не повезло с младшим братом. Мой младший брат не хочет мне помогать. Он хочет ссориться.

Если во время наставлений речь заходила о чём-то грустном, отец встряхивал головой, чтобы отогнать грусть. Это помогало, но и тень на стене теряла завитки, похожие на корону, присутствие великого деда больше не чувствовалось, и у отца пропадало желание говорить чужими словами.

– Ладно, сынки. Хватит учения, – улыбался рассказчик и вспоминал о своих давних обещаниях. – Вы ведь хотели послушать про маму? Вот и настала очередь рассказать про неё. А наставления продолжим в другой раз. Я ведь тоже, пока был молод, не мог слушать наставления подолгу. Ваш дед всё водил меня по саду, говорил, говорил, но я устал слушать уже через неделю и сказал, что поеду-таки в Молдавию свататься.

Тут в рассказ мягко вмешивалась мать, которая сидела, подперев рукой подбородок, и казалась невестой, сидящей у окна в ожидании женихов:

– А я бы удивилась, если бы никто из Румынской Страны ко мне свататься не приехал, – произносила она.

– Почему? – привычно спрашивали дети, чтобы помочь ей рассказывать.

– Потому что мой отец, великий молдавский государь Александру, предупреждал меня: «Дочка, я тебе во всём потакал, но в этот раз буду твёрд. Когда придут сваты от румын, ты не своевольничай, прояви радушие. Если вдруг не понравится что, сперва мне скажи». Я спросила: «Батюшка, почему я должна проявлять радушие?» – а мой отец ответил: «Потому что старый румынский государь Мирча – мой большой друг. Он помог мне получить моё законное наследство – взойти на престол. Вот тогда мы с Мирчей уговорились, что, если родится у меня дочь, отдам её одному из его сыновей¹¹». Я удивилась. «И давно вы уговорились? – спрашиваю. – Отчего же я раньше ничего об этом не слышала?» «Да, дело давнее, – отвечал мой отец. – Семнадцать лет назад мы уговорились, но слова от времени силу не теряют».

Эту историю родители всегда рассказывали вдвоём – сидели рядом и говорили по очереди. Получалось у них очень складно, как будто рассказывает один человек.

¹¹ Молдавский князь Александр Добрый взойшёл на престол с помощью румынского князя Мирчи Старого в 1399 или 1400 году. Правил без перерывов до самой смерти (январь 1432 года).

– Я тоже знал про этот уговор, – подхватывал отец. – Ваш дедушка Мирча мне так сказал: «Когда пришло время жениться твоему старшему брату, молдавская невеста ещё не вошла в возраст, поэтому я оставил её для тебя. А если не захочешь жениться ты, она сгодится и твоему младшему брату. Так что? Решай». Я сказал, что раз решил ехать, так остаюсь при своём решении.

В этом месте снова начинала рассказывать мать:

– А ко мне в ту пору приезжали посланцы из разных земель. Мой отец, хоть и обещал отдать меня в Румынию, но и других сватов принимал. Пусть слова от времени силу не теряют, но ведь сговор между родителями жениха и невесты – это одно, смотрины и сватовство – это другое, а свадьба – третье. «Если румыны мешкают, то почему бы не принять пока более распорочных?» – говорил мой батюшка. К тому же для меня это было развлечение, хоть сватовство и проходило всегда на один лад – приезжают посланцы и привозят картинку, на которой жених нарисован. Говорят: «Взгляни, как хорош» и начинают расхваливать. А как я могла по картинке понять, что за человек? Ну и отправляла восвояси. Мой отец мне в этом потакал, потому что только с румынами у него был уговор, а с другими не было. И тут приезжает ваш отец. Сам приезжает, а не картинку вместо себя шлёт. Взглянула я на приехавшего и поняла, что ни за кого другого замуж не хочу – только за него. А он не торопился заводить речи о сватовстве...

– Да, я не торопился, – вторил отец, понимая, что снова его очередь рассказывать. – Приезжаю и говорю, что батюшка, государь Мирча, прислал меня с добрыми пожеланиями и с подарками. Про сватовство я ни словом не упоминал, а будущий мой тесть, государь Александру, успел и стол накрыть, и меня на почётное место посадить, и вашу маму, всю нарядную, велел к столу привести. Она мне понравилась, но семейное счастье строится не на красоте.

– А почему ты решил сразу не свататься? – спрашивал Мирча Малый, опять подгоняя течение повествования.

– Я сперва решил удостовериться, что невеста мне подходит, поэтому и не сватался, – отвечал отец. – Сiju, вежливые разговоры веду, мои слуги вынимают из сундуков подарки один за одним: и для молдавского государя, и для его супруги, а как дошло до вашей мамы, я опять увильнул в сторону. Произнёс: «Вот для дочери государевой, Василики, тоже подарок».

– Ты не сказал, почему подарок даришь, – улыбался Мирча Малый.

– Нет, не сказал, – отзывался отец. – А подарки ведь дарят по многим случаям. Вот и понимай, как хочешь. Тут Александру заволновался, склонился к моему уху и спрашивает: «Ты свататься-то будешь или нет? У меня от твоего отца письмо. В письме сказано, что ты приедешь как жених, а не как простой гость. Раз подарок подарил, то пора». Тогда я во всеуслышание говорю: «Хотел бы посвататься, но сомневаюсь. Ведь я средний сын, а не старший. У среднего сына может быть любая судьба – он может государем сделаться, а может не сделаться. А если наступят трудные времена и окажусь я бедным изгнанником, которого даже слуги покинули? Готова ли Василика к таким временам, или проклянёт меня и тот день, когда вышла замуж? Умеет ли она, к примеру, шить и готовить? Не побрезгует ли сама сорочку постирать?»

Здесь снова наступала очередь матери рассказывать:

– Слушала я эти странные речи и ушам не верила. Думала: «Как же это? Ведь меня ни готовить, ни стирать не учили. На пяльцах вышивать умею, а больше ничего». Когда жених только на крыльцо взошёл, я была уверена, что последнее слово за мной, а он так повёл дело, что теперь мог сам решать. Мне поначалу стало страшно: «Вот сейчас я признаюсь, как меня воспитывали, а жених возьмёт да и уедет обратно. А может, и не уедет. Может, простит и скажет, что возьмёт в жёны, если обещаю учиться». А затем я рассердилась, подумала: «Ишь, нашёлся жених умный! Ишь, как дело повернул! Но я тоже не глупа! Я тоже могу дело повернуть так, что не отвертишься!»

Меж тем «жених», довольный, кивал:

– А я совсем не ждал подвоха. Я думал, сейчас моя наречённая покраснеет и признается, что белоручка. Я думал, спрошу её – готова ли учиться хозяйствовать. Если ответит «да», то посватаюсь... Но она покраснела не от смущения, а от гнева...

– Да, – улыбалась мать, – я встала из-за стола и сказала твоему отцу: «Хочешь меня испытать? Тогда перед отъездом оставь мне рубашку, которая сейчас на тебе. Я её выстираю, а с выстиранной рубашки сниму мерку и сошью тебе новую, такую же. Затем я на правах сосватанной невесты приеду в твой дом и отдам тебе обе рубашки, а утром следующего дня тебе подадут хлеб, который я испеку спозаранку. Если тебе что-нибудь не понравится, ты сможешь сказать, чтобы мои провожатые везли невесту обратно, потому что она плохая хозяйка. А если тебе всё понравится, тогда мы обвенчаемся. Ну что? Согласен?» Вот так я сказала, а мои родичи только посмеивались. Они-то знали, что я не умею ни стирать, ни шить, ни готовить.

– Зато я ничего этого не знал, – говорил отец, – и был очень удивлён. Так удивлён, что тут же захотел назначить день, когда невеста приедет ко мне. Я хотел жениться через месяц, но государь Александру, который только что торопил меня со сватовством, вдруг стал уверять, что со свадьбой спешить незачем. Он сказал: «Через полгода, в середине зимы, это в самый раз».

– А мне пришлось спешно всему учиться, – продолжала мать. – Ведь хлеб я обещала печь в доме жениха под приглядом чужих людей. Тут никто не поможет. А стирать и шить пришлось самой, потому что меня могли спросить, как я сделала то или это. Если бы вместо меня делали служанки, я не смогла бы рассказывать уверенно, я бы запинаясь и путалась. Это было бы заметно.

– А я так ни о чём и не догадался, – заканчивал историю отец. – Лишь через год после свадьбы¹² ваша мама рассказала мне всю правду, и я с трудом поверил. А когда поверил, то обрадовался. Такую ловкую жену ведь поискать.

Рассказчик и рассказчица переглядывались, а малолетний Влад смотрел на них и думал: «Скоро опять всё закончится. Отец уедет, и застоля больше не будут похожими на праздники, потому что никто не захочет болтать попусту – поели и пошли. О весёлых временах напомним только картина».

Картина, которую нарисовали в доме прямо на стене одной из комнат второго этажа, появилась по воле отца, когда тот устал слышать жалобы от домочадцев – дескать, вот ты скоро уедешь. Вечный странник сказал:

– Да, уеду, но я знаю, как сделать, чтобы вы скучали по мне меньше.

В тот же день, как прозвучали эти слова, в ворота постучался некий человек, несший под мышкой большую деревянную коробку. Он несколько раз повторил по-венгерски:

– Мне велели прийти.

В коробке лежали баночки, кисточки, грязная тряпка, два грифелька, странные ножички, стаканчики. Отец, взглянув на гостя, прошёлся по дому туда-сюда и наконец сказал что-то вроде:

– Вот эта стена подойдёт. Она большая, и полук тут нет.

Гость плохо понимал своего нынешнего заказчика, говорившего на латыни, но всё-таки догадался, о чём речь – перенёс весь свой скарб поближе к тому месту, где предстояло работать, обмахнул стену тряпкой и принялся рисовать грифельком прямо по побелке. Сначала появилось овальное лицо, затем – большие глаза, затем – усы, лихо подкрученные кверху... «Это рисуют отца, – сразу сообразил младший сын, неотступно следя за происходящим. – Если заскучаешь, можно будет прийти сюда и представить, что отец не уехал».

Надо ли говорить, что в комнату сразу набились любопытные, и даже отец Антим пришёл. Картины, нарисованные на стенах – не редкость, но в этом доме она стала первой.

¹² Вероятная дата свадьбы Дракула-старшего и молдавской княжны Василики – январь 1418 года.

– Если хочешь, чтобы тебя нарисовали, пусть меня нарисуют рядом, – сказала мать, увидев, что затеял её супруг.

– Хочешь, чтобы мы и здесь оставались вместе? – догадался тот. – Хорошо, но сперва закончим мой портрет.

Отец пожелал быть изображённым в доспехах – тех самых, что помогли завоевать награду на нюрнбергском состязании витязей. К сожалению, доспехи давно уже потерялись. Сейчас он носил другие, которые прежде считал слишком тяжёлыми. Раз витязи в Венгерской земле носят тяжёлые латы, пришлось приноровиться к местному обычаю, но оказаться в них на картине заказчик не хотел. Он объяснял малевателю на словах и жестах, что надо изображать – длинная кольчуга с пластинами спереди, особый шлем.

Мать тоже пожелала «одеться» не как сейчас, а в праздничное облачение, которое носила много лет назад в молдавских землях. Оно тоже не сохранилось, поэтому малевателю опять пришлось опираться на одни только слова. Судя по виду, бедняга совсем приуныл, ведь «господин», заказавший картину, объяснялся хотя бы на латыни, а «госпожа» говорила на валашском языке, плохо известном в городе. Переводчиками служили её малолетние сыновья, но они переводили неточно.

Влад и его брат Мирча поняли из объяснений матери далеко не всё, потому и переводили с ошибками. Вроде бы следовало изобразить платье-колокол с широкими рукавами, которое наглухо застёгивалось посередине от низа до горла. Вместо ожерелья – широкий тканевый полукруг, богато расшитый жемчугом и самоцветами. «Украшение на самом же деле круглое, – говорила мать, – а в центре – отверстие для шеи. Поэтому нарядными получаются и перед, и спина». На запястьях она желала видеть браслеты-наручи...¹³

Даже после долгих стараний получилось не вполне похоже, зато хорошо передалось выражение лиц – то, как отец с матерью переглядывались во всё время, пока стояли рядом и объясняли свои пожелания. Чтобы окончательно задобрить заказчиков, малеватель пририсовал на стене ветвистую виноградную лозу с крупными тёмными гроздьями.

– Получается, как будто господин и госпожа находятся в саду, – сказал он, почтительно кланяясь.

– Ладно. Самое главное – я похож, – ответил отец, вручил ему деньги и отправил восвояси.

Утром следующего дня вечный странник уехал.

* * *

Влад и его люди ещё не преодолели первую четверть пути до монастыря, а солнце уже повисло на небосклоне над дальним лесом и будто кричало оттуда: «Эй вы! Плетётесь еле-еле!» Затем лучезарное светило поплыло вправо, а князь, следовавший по укатанной дороге, вынужденно повернул вместе с ней налево, причём он снова ехал первым, поэтому ничьи затылки не загораживали ему небо. «У солнца свои дела, у меня – свои. Мы встретились и тут же расстались», – с некоторой досадой подумал государь, потому что он, как и многие путешественники, имел склонность записывать себе в попутчики всех подряд – птицу, летящую в том же направлении; кучерявое облачко; даже муху, выющуюся возле его лошади.

Эти выдуманные товарищи отчасти помогали Владу избавиться от странного чувства, которое преследовало его в дороге. Когда он оказывался один посреди пустой равнины, то вдруг ощущал такое одиночество, как если бы остался один на всём белом свете.

Венценосный путешественник не раз переживал подобное, выезжая из деревни, когда белые домики с зелёными садами, ещё недавно толпившиеся вокруг, вдруг разбегались в сто-

¹³ Фреска, изображающая Дракула-старшего и его жену Василику, сохранилась в их доме в Сигишоаре. Дракул-старший облачён в кольчугу-юшман. Василика изображена в костюме княгини согласно византийской моде.

роны, оставляя его в поле. Поле было как поле, но в первую минуту там казалось неудобно, чего-то не хватало. Влад почему-то думал, что всеми покинут, хоть и путешествовал с охраной и слугами. С боков и позади всё так же слышался лошадиный топот, чьи-то возгласы и короткие разговоры, но эти звуки не приносили успокоения.

Вот и сейчас, выехав из села возле сухого озера, правитель испытал то же тоскливое чувство. Снова хотелось оказаться где-нибудь среди строений и толпы народу, ведь из прежнего, деревенского окружения осталась лишь жёлтая пыльная дорога, которая по-прежнему вела вперёд, но это не значило, что она – верный товарищ. «Вон вся извивается, как змея, прижатая палкой, – подумал князь. – Хочет уползти, но трудно ей вырваться из-под копыт моего коня».

Влад не знал, отчего приходят подобные мысли. «Почему дорога кажется змеёй-предательницей? – спрашивал он себя. – Может, виноват дьявол? Может, из-за него я не чувствую спокойствия даже рядом с верными и проверенными слугами?» Государь посмотрел вниз, на своего дракона, бегущего слева, а тот в свою очередь посмотрел на хозяина и всем своим существом выразил преданность.

«Нет, – решил венценосный путешественник, – тоскливые мысли у меня не из-за этой твари, даже если она – дьявол. Она ведь помогает мне, а не вредит. Она даёт мне советы, многие из которых оказываются очень кстати». Подумав так, правитель тут же одёрнул себя: «Что это ты? Взятся рассуждать о нечистом всерьёз? Разве ты безумный, чтобы думать, будто говоришь с настоящим бесом. Брось! Ты же прекрасно знаешь, что не бес, а ты сам даёшь себе советы. Тварь, бегающая за тобой, просто помогает тебе думать, и она – лишь игра твоего воображения».

Точно такой же игрой воображения являлось и солнце, наделённое человеческими чертами. Значит, и досада из-за расставания с этим мнимым попутчиком была надуманная. «Брось хандрить! – сказал себе Влад. – О чём ты печалишься? Думаешь, что остался один на всём белом свете? И кто же тебя покинул? Чужие дома и сады? Но это ведь не люди. Человеческое жильё – только признак человека, а не сам человек».

Вот так он встряхнулся, приосанился, и странное чувство, закравшееся в сердце, исчезло. Та самая равнина, только что внушавшая тоскливые мысли, теперь манила своими далями. Влад смотрел по сторонам и узнавал знакомую местность с радостью, как если бы вглядывался в лицо старинного приятеля: «Ведь это твоя земля. Вот она!»

Сразу за обочиной дороги тянулись к горизонту длинные лоскуты полей – зелёные, но с разным оттенком. Один лоскут тёмный, другой – бледный, третий – опять тёмный, а четвёртый – жухло-желтоватый, и они чередовались без конца.

Проехав ещё немного, князь увидел, что по обе стороны от тракта вместо лоскутного одеяла теперь расстелились пастбища. По пастбищам бродили отары серых овец и такие же серые коровы. Здесь и там торчали мохнатые палки тополей, совсем не похожие на пышные и раскидистые кроны соседних деревьев.

«Сколько раз я видел всё это? Неисчислимое множество! А впрочем, почему неисчислимое?» – спросил себя Влад и обратился он к рослому боярину, всё так же ехавшему справа:

– Эй, Войко.

– Что, господин?

– Как часто мы ездим этим путём?

Государь перевёл коня с рыси в шаг, потому что разговаривать на рыси казалось не очень удобно и к тому же пора было дать лошадям отдохнуть.

– Помогите мне сосчитать, сколько раз за месяц я вижу окрестности, которые вижу сейчас, – повелел князь, поэтому Войко, продолжавший править конём с помощью двух рук, взял оба поводья в левую и начал загибать пальцы на правой.

– По монастырям мы ездим в каждый пост, да ещё и сверх того. – Боярин загнул мизинец. – Осенью и зимой – на охоту. Если на озёра уток стрелять, то этим путём. Если в лес на

кабанчиков, то опять этой дорогой. – Он загнул безымянный и средний пальцы. – На Брашов мы недавно ходили в поход со всем войском¹⁴ – снова проезжали здесь. А до похода ты, господин, проверял северные заставы и таможи...

– Так сколько получается? – спросил Влад, который и сам начал подсчитывать в уме количество выездов.

– Получается, что во всякий месяц ты здесь проезжаешь раз по пять, а если считать туда и обратно, то по десять... Но для чего нужны эти подсчёты?

Князь ответил не сразу:

– Просто вздумалось мне подсчитать, – произнёс он, а затем добавил, чтобы хоть как-то объяснить свою прихоть: – К тому же я вижу, что тракт хороший. Все рытвины и ямы засыпаны щебнем и ещё землицей сверху, чтоб лошади не спотыкались. Вот я и думаю, что вряд ли эта дорога была бы так хороша, если б я ездил по ней реже.

– Дорога не подстраивается под путешественника, – рассудительно заметил Войко. – Ей всё равно, знатен ты или нет.

По всему было видно, что правителя удивили эти слова:

– Всё, что находится под государевым приглядом, должно становиться лучше. Разве нет? – спросил Влад.

– Да, господин, но дорога – дело особое. Она подвластна тебе в той же степени, как восход или заход солнца. Ты можешь сколько угодно приглядывать за ними, но это не сделает их ни лучше, ни хуже.

– Восход и заход происходят на небе, а дорога стелется по земле, – заметил государь, – по моей земле...

– ...и всё-таки она никому не подвластна, – продолжал твердить боярин. – В этом я убедился много лет назад, когда жил в далёкой стране возле большого города. К главным воротам вела дорога, очень плохая. По ней ездил наместник правителя и всегда ругался, а дорога оставалась плохой.

– Значит, никчёмный был наместник, если никто его не слушал, – сказал Влад.

– Его слушали, – возразил боярин. – Ту дорогу не раз чинили, но она портилась очень быстро.

– Где же находился тот злосчастный путь?

– Где находился? В далёкой стране, – сказал Войко, будто не понимая, о чём спрашивают. – В далёкой стране, где даже сам правитель ездил по ухабам и ничего не мог поделать.

– Что же это был за правитель?

– Очень могущественный человек.

– А где он правил?

– Господин, не всё ли равно?

– Неужели в Турции? – усмехнулся Влад. – Если ты говоришь «много лет назад», значит, вспоминаешь своё рабское житьё. Наверное, ты и сам участвовал в починке турецких дорог?

– Приходилось, – нехотя кивнул Войко. Он избегал воспоминаний об этом житье, а государь не понимал боярина, потому что привык думать о турках благожелательно.

Когда-то Влад тоже жил в Турции, но не как раб, а как знатный пленник. Конечно, он слышал рассказы о турецких жестокостях, но считал эти рассказы преувеличением, ведь некоторые турецкие законы были даже мягче тех, что действовали в христианских странах. К примеру, в Турции за воровство полагалось отрубать руку, а в христианской стране – вздёргивать на виселице.

¹⁴ Военная экспедиция Влада Дракула-младшего в Брашов, которая упоминается в романе несколько раз, состоялась в апреле 1460 года.

Кроме того, к самому Владу, пока он оставался пленником, турки относились гостеприимно, а когда пришла пора, то помогли ему стать государем, так что даже необходимость выплачивать дань не портила облик Турции в глазах нынешнего князя. Вдобавок за время пребывания в этой стране Влад успел обзавестись турецкой «женой» и родить двух сыновей. «Трудно думать о турках плохо, если в твоих собственных сыновьях течёт турецкая кровь», – говорил себе румынский правитель. Младшего сына он даже сумел забрать в Румынию и окрестить, а вот старший так и остался некрещёным чертёнком, потому что продолжал жить со своей матерью при турецком дворе. Влад понимал, что этого не изменить – старшего сына турецкий султан не отдаст, как ни проси – и всё же, посещая султанов двор, не чувствовал на себе гнёта, как обычно бывает на чужбине.

Турки – и, прежде всего, султан – считали Влада гостем. Турецкий правитель обязательно приглашал Влада на обед, дарил нечто ценное, тем самым вернув часть дани, а затем расспрашивал о новостях и рассказывал свои. Визирь тоже часто приглашали, тоже расспрашивали, тоже дарили что-нибудь, а «валашский гость» отдаривался. Все сановники проявляли любезность и гостеприимство, старались развлечь, удивить – могли похвастаться особо крупным рубином, редкой птицей или чем-то ещё.

«По-своему хорошие люди», – думал румынский государь, но Войко держался другого мнения. Провожая господина в очередную поездку к туркам, он всем своим видом показывал: «Лучше б ты пришёл туда не с деньгами, а с обнажённым мечом». Вот и сейчас боярин, раз уж пришлось открыто говорить об этих «поганых», решил доказать, что жизнь у них не очень-то хороша.

– Чинить там дороги – никчёмное занятие, – сказал Войко.

– Да, в Турции почти всякая дорога плохая, – согласился Влад, потому что не мог отрицать очевидного. – Скажу тебе больше. Султан совсем отчаялся исправить положение дел. Настолько отчаялся, что в военных походах решил больше не пользоваться повозками. Всю поклажу теперь таскают верблюды. И всё же плохие дороги не означают, что султан плохой правитель. Не забывай, что Турция – обширная страна. Весьма обширная! Как же начальникам уследить за каждым трактом? Особенно за теми, по которым они не ездят...

– Господин, позволь рассказать, что я видел в других местах, – сказал Войко.

– И что же?

– Видел очень хорошие дороги, по которым ни разу не ездили начальники. А также видел хорошие дороги возле столицы, по которым начальники ездили каждый день. Эти пути выглядели одинаково.

– Где же ты нашёл всё это?

– В Сербской земле несколько лет назад.

– В этом нет ничего удивительного, – возразил Влад. – Сербская земля совсем мала. Там легко следить за состоянием проезжих путей и содержать их в порядке.

– А как же твоя вотчина? – спросил Войко. – Она втрое обширнее, чем все сербские земли. В Румынской земле я ездил по многим местностям, где не ездил ты. Могу тебя уверить, господин, что большинство трактов, по которым я проезжал, похожи на этот.

– По-твоему выходит, что качество дороги зависит не от того, насколько велика страна, и не оттого, насколько внимательны начальники. – Государь говорил спокойно, но всё-таки не мог скрыть своего стремления поскорее узнать ответ. – Тогда отчего зависит качество дороги?

Боярин неторопливо отвечал:

– Ты ведь знаешь, господин, что дорожные работы – это повинность. Когда некий начальник собирает людей из окрестных селений подновлять проезжий путь, то говорит: «Послужите правителю». Если люди довольны правителем, они думают: «Выполним службу хорошо. Сделаем всё на совесть». Если же они чем-то недовольны, то думают иначе: «Отделаемся как-нибудь. Незачем стараться. Пускай ломаются оси в чужих повозках. Пускай чужие кони сби-

вает себе копыта о камни на этой дороге. Пускай сам правитель ездит по ней, проклиная всё на свете. Так ему и надо! А с нас никто не спросит. Ведь начальник, который гонит нас на работу, сам не ведает, как отремонтировать дорогу правильно».

Государь Влад рассмеялся:

– Вот за это я и вожу тебя с собой, Войко. Даже если я не согласен с твоими суждениями, мне всегда нравится ход твоих мыслей. Выходит, что дорога хороша потому, что мои подданные довольны мной?

– Тобой и начальниками, которых ты ставишь, – кивнул государев спутник. – А вот начальниками, которых ставит султан, турецкие жители недовольны. И пусть в Турции принято восхвалять всех визиров и прочих витиеватыми славословиями, состояние дорог говорит само за себя.

– Так значит, всё дело в довольстве? – повторял Влад. – А я полагал – тракт, по которому мы едем, хорош потому, что я к своим подданным строг...

Войко молчал. Он уже сказал всё, что хотел, а повторять на разные лады одну и ту же мысль, понравившуюся господину, – это занятие льстецов. Войко льстецом не был.

* * *

«Приятно услышать, что мои подданные довольны, – думал государь Влад, – но были ли они довольны делами моего отца? Определить это способом Войко не удалось бы». С одной стороны следовало признать, что во время отцовского правления, которое продлилось всего десять лет, проезжие пути выглядели плоховато. Но, с другой стороны, за эти десять лет Румынская Страна пережила три войны – одну большую и две малых. Война неизбежно разрушает дороги, а если нельзя судить по ним, тогда как же можно было судить? По прозвищу?

Родитель Влада получил от народа прозвище Дракул. «Не самое хорошее прозвище, – рассуждал сын. – Такое не дают из благодарности. Однако теперь подданные, которые довольны моим правлением, называют меня так же – Дракул. Получается, что судить по прозвищу тоже нельзя».

Вначале младший Дракул унаследовал это прозвание лишь потому, что оказался очень похож на своего родителя внешне – прямо-таки одно лицо. Люди называли сына Дракулом, желая намекнуть на внешнее сходство, и не замечали внутренних различий. А ведь могли бы заметить, к примеру, то, что младший Дракул занимался разбором жалоб совсем не так, как отец.

Влад не помнил, чтобы родитель хоть раз обмолвился: «Просители ловят меня по всем мостам и перекрёсткам». Нет, его ловили не просители – его ловили нищие, которые знали, что получают щедрое подаяние.

Одно время нищие преследовали и младшего Дракула, появляясь там же, где собирались толпы крестьян, желавших государева суда, так что молодому князю тоже приходилось раздавать милостыню, но в один из дней он спросил попрошайку:

– А почему вы обращаетесь именно ко мне? Смотрите, сколько здесь собралось народу. Никто из этих людей вам не подал?

– Не подал, – жалобно отвечали нищие.

– А почему? – спросил правитель, обращаясь уже не к нищим, а к остальной толпе. – Ведь Господь велел помогать неимущим. Почему об этом помню я один?

Вместо ответа крестьяне предпочли раскошелиться. Нищенские шапки и кружки наполнились мелкими монетами, однако с тех пор сирые и убогие перестали появляться на государевом пути. Люди, желавшие предстать на суд, по-прежнему стояли близ мостов и перекрёстков, а подаяния больше никто не просил. Вряд ли нищие перестали приходить по собственной воле. Наверное, кто-то препятствовал им – возможно, препятствовали люди, которые больше не хотели раскошелиться.

Тогда и проявилось первое различие между двумя Дракулами. От младшего перестали ждать щедрости. Ждать перестали, однако не роптали и не говорили: «Отец был щедрый, а сын у него прижимистый». Народ молчал, а младший Дракул досадовал на это. Он бы предпочёл, чтобы люди вспоминали его родителя добрым словом, пусть даже похвала отцу стала бы хулой на сына. «Если подданные молчат, – думал Влад, – неужели это означает, что щедрость моего отца казалась им излишней?»

Точно так же Влад не мог сказать, нравилось ли народу то, что старший Дракул был милостивым. Конечно, милостивый князь нравился преступникам, поэтому они частенько бросали младшему Дракулу упрёк:

– Твой отец не был так скор на расправу, как ты.

А вот что думали остальные люди? Нравилось ли им мягкосердечие старшего Дракула, или им больше по вкусу пришлась суровость младшего? Может, мягкосердечие казалось народу слабостью? Ответа не было. Никто не говорил: «Старший Дракул был добр, а младший суров».

«Вот если бы мой отец правил дольше, люди наверняка оценили бы его, – думал Влад. – Отец ведь не дожил до седоусой старости, вот люди и не успели понять, что им достался хороший правитель. А мной они довольны потому, что ещё не увидели оборотную сторону моей строгости. Я правлю всего четыре года, а вот через двадцать четыре года посмотрим, что люди скажут. Вот тогда они помянут моего отца добрым словом! Вспомнят и мягкость, и щедрость! И пожалеют, что вместо него правлю я».

Конечно, эти рассуждения не значили, что младший Дракул проявлял строгость нарочно. Он стремился поступать правильно, но как-то так всё время выходило, что правильное решение оказывалось в то же время строгим. Младший Дракул хотел бы проявлять отцовы качества, но не получалось, поэтому он утешал себя мыслью, что если не похож в делах на отца, то, возможно, похож на деда, Мирчу: «Может, мне всё-таки суждено стать великим государем?»

«Чтобы сделаться великим государем, придётся прожить долгую жизнь и совершить многое», – так говорил мудрый монах Антим, учивший младшего Дракула грамоте. Одно время ученик пытался спорить с учителем и задавал каверзные вопросы. Например, однажды спросил: «А как же тот грек по имени Александру, который жил давно-давно? Он умер очень молодым, но его называют Великий». Учитель ответил со снисходительной улыбкой: «Грек Александру был великим завоевателем, а не великим государем. Ему покорилась половина народов Земли, но государство, которое он создал, распалось вскоре после его смерти. Великий государь – это не завоеватель. Великий государь – это строитель».

К сожалению, отец Влада не успел построить ничего, что после смерти стало бы памятником для потомков, – ни новый храм, ни монастырь, ни крепость. Он лишь достраивал начатое Мирчей Великим, а своё строительство откладывал и в этом допустил явное упущение.

Впрочем, младший Дракул пока тоже строил мало. В одном из городов приказал возвести дозорную башню, которая располагалась на северо-западной стороне и потому получила звучное название Башня Заката. В новой столице, в городе Букурешть, по воле князя появились деревянные укрепления, уже начавшие заменяться каменными. Вот, пожалуй, и всё. Было и другое строительство, но не своё – государь Влад, подобно родителю, достраивал то, что начали другие.

«После моего отца осталось только прозвище. А что останется после меня? – думал сын. – Что будет, если Башня Заката разрушится, а город Букурешть, куда я перенёс столицу, захиреет? Может, ничего не останется. Может, нам с отцом суждено разделить дракулово прозвище поровну. Вот и вся память о нас двоих».

Государь Влад помнил, как рождалось прозвище. Это началось в те времена, когда отец, ещё не добыв себе румынского престола, устроил прямо в своём доме в Сигишоаре монетный

двор и начали чеканить деньги с изображением дьявола. Или, может, всё началось чуть раньше, когда в доме стали появляться удивительные гости. Да, наверное, тогда.

Сначала приехал всего один человек. Вечный странник привёз его с собой из путешествия. «Чудной какой-то гость. Где так одеваются?» – подумал малолетний Влад. Откуда ребёнку было знать, что именно так одеваются знатные румыны. Кафтан длиной до колен, поясушак очень широкий, штаны просторные, так что в одну штанину могли бы уместиться сразу две ноги. Сапоги тоже необычные – из жёсткой кожи, которые нисколько не меняли форму, если их снять. Отец в ту пору одевался иначе. Он следовал обычаям, существовавшим при дворе короля Жигмонда. Обувь носил мягкую, штаны – узкие, а кафтан – короткий.

Войдя в столовую комнату, незнакомец перекрестился на иконы, висевшие в углу справа от двери. Никто из знакомцев, приходивших в дом прежде, так не делал.

Ещё больше малолетний Влад удивился, когда выяснилось, что гость разговаривает по-румынски и может не просто связать пару слов, а говорит много и свободно. Такие люди в Сигишоаре были известны наперечёт, жили в нижнем городе, возделывали землю и разводили овец. Незнакомец явно не состоял в родстве с этими крестьянами, ведь он одевался, как знатный человек.

– Так значит, это ты у нас – наследник? – спросил гость, наклоняясь к мальчику и почесывая подбородок. – Твой отец много про тебя рассказывал. И про твоего старшего брата рассказывал. Говорил, что доминиканцам от вас двоих житья нет. Меня звать дядя Тудор. Ты чего? Испугался?

Влад не испугался, но так сильно удивился, слыша румынскую речь от чужого человека, что просто онемел. Со временем привык, а дядя Тудор продолжал навещать в Сигишоару, но называл себя не гостем, а «верным слугой хозяина сего дома».

С этого «слуги» и начались значительные перемены в домашнем быте, потому что очень скоро таких гостей-слуг стало шесть, а ещё через некоторое время – десять. Приезжая, эти люди сперва пировали, а после начинали вести длинный разговор. Пусть разговоры велись по-румынски, Влад ничего в них не понимал. Старший брат Мирча – тоже, но в отличие от младшего брата старательно слушал.

Младший брат в это время бесцельно бродил по дому. В половине комнат было темно, а в других ещё горел свет – женщины раскладывали по полу многочисленные тюфяки, чтобы устроить приезжих спать. Издалека доносились отголоски застольной беседы – кто-то скажет что-нибудь отрывистое, другие подхватят, зашумят, а затем всё снова успокоится. Иногда мимо Влада пробегала, слегка шаркая подошвами, служанка с кувшином – значит, за столом закончилось вино.

Повсюду лежали вещи гостей.

– Трогать чужие вещи – плохо, – говорил отец Антим, поэтому Влад не прикасался к ним, но внимательно осматривал со всех сторон... а однажды попробовал примериться к отцовскому мечу, оставленному на сундуке без присмотра. Родительская вещь ведь не чужая – значит, трогать можно.

Оружие оказалось тяжелым. Если поставить его вертикально, то небольшой позолоченный диск, венчающий рукоять, доставал до кончика носа, а крестовина с загнутыми вниз концами приходилась на уровень ключиц. Меч был одноручный, но мальчик, на которого, понятное дело, оружейники не рассчитывали, мог уместить на рукояти не одну, а две руки.

Чтобы освободить оружие от ножен, размах не хватило. Пришлось положить меч на пол, взяться за рукоять и пятиться. Вначале ножны потащились вслед за мечом, но затем зацепились за какой-то незаметный выступ на половице и отстали. Тогда из своего убежища медленно выполз серебристый змей-дракон, выгравированный на клинке. Змей корчился и разевал пасть, потому что ему мешал святой крест, накрепко прибитый к спине большими

гвоздями. Как ни извивался змей, крест извивался вместе с ним и не спадал. Влад хотел поднять меч клинком вверх, но меч не слушался, еле-еле оторвал острие от пола.

Тут-то в комнату и вошла мать, руками всплеснула, отобрала опасную игрушку, заругала, позвала отца:

– Вот полюбуйся, что твой сын творит!

Отец нисколько не рассердился – ни за меч, ни за то, что пришлось прервать важные разговоры:

– Ну и пускай. Видать, Влад большой уже – пора оторвать его от няньки и передать дядьке.

– Да ты что! Он мал ещё! – испугалась мать.

Дракон, распятый на кресте, считался главным символом воинствующего ордена Святого Георгия, где состоял отец Влада. Король Жигмонд принял своего «валашского слугу» в это общество, оказав тем самым большую честь, ведь через церемонию посвящения, которую Его Величество придумал на правах главы ордена, за всё время прошли лишь двадцать четыре человека, причём каждый из посвящённых принадлежал к сильным мира сего, а некоторые даже были государями.

Тому, кто прошёл через церемонию, полагалось носить подвеску со змеем-драконом или украсить своё оружие «георгиевским» рисунком. Отец выбрал второе и украсил свой меч, но вовсе не потому, что стеснялся носить подвеску. Никто не знал, что подвеска у новопосвящённого уже имелась, ведь он ещё с юности тайно – на шнурке вместе с нательным крестом – носил то, что очень напоминало символ ордена.

– Что это? Дай посмотреть! – однажды попросил Влад, указывая на непонятный предмет на груди отца.

Родитель сидел на скамье, привалившись спиной к стенке. После двухчасового отмокания в большой бадье он был расслабленный и полусонный, поэтому обращал мало внимания на происходящее вокруг – например, не заметил, как младший отпрыск пристроился почти под боком.

Влад видел, что рассказов сейчас не дождёшься, и потому не собирался заводить беседу. Ему просто хотелось посидеть рядом, но благодаря стечению обстоятельств на глаза попалась необычная подвеска.

Из расстегнутого ворота отцовской рубахи выглядывало нечто блестящее. По виду литая иконка, из золота, дугообразно скругленная наверху, с выпуклыми изображениями. В центре была фигура распятого Спасителя, скорбно склонившего голову направо. Под крестом горько плакала Богоматерь, а рядом стоял человек со свитком¹⁵.

– Дай посмотреть! – попросил любопытный сын.

– Что?

– Вот это.

– Ну, гляди. – Отец вытянул иконку за шнурок, чтобы она повисла поверх рубахи, однако с шеи не снял.

Влад встал коленями на лавку, стремясь рассмотреть ближе.

– Деду твоему Мирче когда-то прислали в подарок из Русской земли. Это вот Иоанн Богослов. – Владелец необычной вещи указал большим пальцем на человека со свитком. – У деда твоего имя во Христе было – Иоанн. У меня – такое же. Значит, и мне полезно этот образок носить.

Влад взял иконку, рассмотрел с одной стороны, а затем перевернул, потому как чувствовал пальцами, что и на обороте есть выпуклый рисунок.

Изображение на обороте оказалось необычным и страшным. В верхней части, точно вписываясь в дугообразную форму, была расположена женская голова с извивающимися во все

¹⁵ Здесь описан древнерусский амулет-змеевик.

стороны волосами-змеями, а на оставшемся снизу пространстве помещался человек с нимбом, втыкающий копьё в пасть небольшого дракона.

– А кто эта женщина со странными волосами? – спросил Влад.

– Дьяволица, – ответил отец, причём произнёс это спокойно, будто речь шла о чём-то совсем обычном.

– А внизу кто? – продолжал спрашивать сын.

– Один из её детей-дьяволов, побиваемый святым Фёдором Тироном.

Мальчик удивился:

– Отец, а зачем ты носишь на себе дьяволов?

Тот объяснил:

– А затем, что дьяволы, смиренные крестом, служат и помогают человеку. Они бы и рады мне навредить, да Христос им не позволяет.

– А в чём они тебе помогают, отец?

– Хранят от болезней и от ран. А к Фёдору Тирону, я слышал, можно обращаться с молитвами о возврате украденной у тебя вещи.

Малолетний Влад задумался и в конце концов понял, что Фёдор Тирон помогал вернуть не только украденные деньги или уведённых лошадей, но и украденную власть. Конечно же, родитель носил на шее золотую иконку потому, что желал вернуть трон, украденный жадными родственниками!

Отец Влада, будучи средним сыном государя Мирчи Великого, имел право наследовать власть после смерти своего старшего брата, но оказался оттеснён сначала лысым дядей, а затем младшим братом, занявшим румынский престол вопреки всякой очерёдности. Именно это означали слова, с грустью сказанные сыновьям Мирче и Владу во время вечернего рассказа:

– Мой младший брат не хочет помочь мне править.

Думая, что никто из домочадцев не слышит, обкраденный роптал:

– На спелой грозди попадают и гнилые ягоды. Что можно сделать с такими ягодами? Только оборвать и выбросить. А что сделать с человеком, у которого гнилая душонка?

Младший отцов брат, чувствуя свою неправоту, пошёл на поклон к туркам и укрепил трон с помощью их сабель. Однако поддержка турок была ненадежна, потому как непостоянна.

– С волками дружбу свёл! – порой раздавалось в сигишоарском доме. – Где это видано, чтоб волки охраняли отару! Ну да ничего – волки уйдут другую отару трепать, а я тут как тут! И помогай мне Бог или дьяволы!

Малолетнему Владу следовало бы испугаться слов «помогай мне дьяволы», но он не чувствовал в них ничего плохого, потому что отлично понимал отца: «Человек, которого обокрали, имеет право сердиться. Например, если б мальчишки с Башмачной улицы отобрали у меня что-нибудь, я бы тут же побежал и попросил старшего брата, чтоб он помог мне их побить. А кого может попросить о помощи отец? Жигмонд помог ему только тем, что принял в орден Святого Георгия, а больше ничем не смог помочь, поэтому пришлось просить святого Фёдора Тирона и даже змеев-бесов».

Наверное, родитель Влада сделался суеверным и начал рассчитывать на бесовскую помощь именно тогда, когда его приняли в орден. До этого почти десять лет никто не признавал отцовых притязаний на румынский трон, а стоило заказать себе меч с драконом на клинке – и всё изменилось. Тут волей-неволей задумаешься – может, это дьявольские силы помогли? Может, дракон на мече объединился с драконом на золотой иконке, они вдвоём упёрлись, и безнадежное дело сдвинулось с места – сдвинулось и покатило сначала потихоньку, а затем быстрее и быстрее. Возможно, если б отца приняли в орден на несколько лет раньше, то и на румынский трон удалось бы взойти на несколько лет раньше.

Отец упоминал о своих чешуйчатых «помощниках» непринуждённо, потому что не вполне верил в их могущество. Если бы верил вполне, то говорил бы про это совсем по-дру-

гому – шёпотом и на ухо, как страшную тайну. Однако Владу в те времена не исполнилось даже семь, и он не знал, как надо говорить про нечистых духов. Сын решил, что отец несколько не шутит, когда рассказывает про бесов-помощников. Это сейчас младший Дракул то и дело напоминал себе, что всерьёз общаться с этими существами могут только безумцы, а в детстве он верил в отцовых дьяволов безоговорочно.

«Вот бы узнать, хватит ли у дьяволов силы, чтоб помочь моему отцу», – думал малолетний Влад и поэтому обратился к отцу Антиму, ведь священнику полагалось разбираться в способностях всех бесов и чертей.

– Отче, а у дьяволов сила большая? – спросил мальчик однажды после второй утренней службы, когда священник собирал в столовой церковную утварь.

Отец Антим молча продолжал складывать всё в ларец, предварительно оборачивая каждую вещь в красное сукно, и только когда круглый поднос на ножке, именуемый «дискос», нашёл своё место, прозвучал ответ:

– Нет, чадо. У дьяволов сила маленькая, очень маленькая.

– А откуда ты знаешь? – спросил Влад.

– По опыту знаю, – ответил священник.

– Нет, – с сомнением произнёс малолетний собеседник, – она должна быть большая.

– Кто тебе это сказал?

– Никто.

– А почему ты думаешь, что она большая?

– Ну... потому что люди ею пользуются.

Отец Антим горестно вздохнул:

– Люди пользуются этой силой не потому, что она большая, а потому что дьяволы их обманывают.

– А если человек умный?

– Человек, который пользуется помощью дьяволов, всегда бывает обманут и попадает в беду. Даже если человек очень умный, нечистые всё равно оказываются умней.

– Нет, – опять с сомнением произнёс Влад, – если их усмирить крестом, тогда они ничего плохого не сделают. Они бы и рады навредить, но Христос им не позволит.

– Кто тебе это сказал? – испуганно спросил отец Антим. Он сразу отвлёкся от собирания церковной утвари, наклонился к маленькому собеседнику и внимательно посмотрел ему в лицо. – Чадо, кто тебе это сказал?

– Отец сказал, – спокойно произнёс Влад, не понимая, с чего это священник так всполошился.

Отец Антим продолжал смотреть, а Влад, помолчав мгновение, добавил:

– Поэтому у отца есть меч с нарисованным дьяволом, а у дьявола к спине прибит крест. А ещё есть иконка, на которой...

– Ты всё это видел? – перебил священник.

– Да.

– Ты лучше не думай о том, что видел.

– Почему? – спросил Влад.

– Потому что это не твои дьяволы, – ответил священник, а когда заметил, что чадо не понимает, добавил: – Злая собака, даже сидя на цепи, может укусить. Поэтому к такой собаке никто не приближается, кроме её хозяина. Да?

– Да, – кивнул Влад.

– А ведь злой нечистый дух ещё злее, чем злая собака. Да?

– Да, – снова кивнул Влад. Здесь он не испытывал никаких сомнений.

– Вот поэтому ты про отцовых дьяволов не думай. Тогда они к тебе не придут.

Отец Антим положил правую ладонь на голову ребёнка и прочитал какую-то молитву. Затем спросил:

– Обещаешь не думать о них?

– Обещаю.

– Тогда иди с Богом.

Малолетний Влад очень старался выполнить обещание. Если вспоминал про родительских «помощников», то нарочно отвлекался от опасных мыслей: начинал играть в шумную игру или заговаривал с кем-нибудь. Всё упростилось, когда отец уехал – мысли о дьяволах исчезли, как по волшебству. Влад забыл про меч и про иконку со змеями-драконами, а вспомнил лишь через четыре месяца, по возвращении родителя. Опять надо было пытаться забыть! Чешуйчатые существа быстро забывались, когда родитель уезжал, но как только под окнами дома в Сигишоаре появлялся гонец с известием, что «господин скоро прибудет к главным воротам и просит встретить», в воображении снова воскресал серебристый дракон на мече, а затем – другой дракон, золотой, которого побивал Фёдор Тирон.

Судя по всему, прирученные бесы вели себя не как цепные псы, а как охотничьи. Они неотступно следовали за своим хозяином, вместе с ним покидая Сигишоару и так же вместе с ним прибегая обратно. «Может, отец Антим ошибся? Может, они кусаются так же редко, как охотничьи собаки?» – думал малолетний Влад, однако стеснялся задать эти вопросы вслух, потому что заранее знал ответ – что священники в подобных вещах не ошибаются.

Однажды летом – в ту пору, когда земля местами высыхает так, что рассыпается в руках подобно песку, а луговая трава становится жёсткой и трескучей – отец приехал без предупреждения. Он не прислал вперёд себя слугу сказать, чтоб встречали. А когда увидел семью, то без всякого чувства обнял жену, почти не взглянул на сыновей.

С отцом приехало много сопровождающих: все на конях и все с плотно набитыми перемётными сумами. Солнце уже зашло, сгущались сумерки, но даже в сумерках было заметно, как взмылены лошади. Это значило, что путешественники торопились, не желая провести ни одного лишнего дня в дороге. Они еле-еле успели въехать в город, пока стража ещё не закрыла ворота на ночь.

Против обыкновения гости не бросили лошадей на улице перед домом на попечение конюхов, а сами завели во двор. Влад сразу понял – привезли что-то очень-очень ценное. Не зря же каждый гость препоясался мечом, и даже слуги гостей вооружились. Кто деревянной дубинкой, а кто луком и стрелами.

Мать Влада и его брат Мирча так обиделись из-за странного поведения отца, что, кроме своей обиды, не замечали ничего. Они сердито смотрели, как приезжие извлекают из перемётных сумок кульки и мешочки, аккуратно вносят в дом и выкладывают рядами на обеденном столе. Места на столе едва хватило, а когда всё разложили, родитель внимательно пересчитал выложенное, называя каждый кулёк и мешочек именем человека. Некоторые имена показались Владу знакомыми. Наверное, он слышал их прежде, во взрослых застольных разговорах – таких скучных и непонятных.

При свете огня было видно – мешочки шились из ткани, которая сама по себе стоила хороших денег, а на кульки были использованы шелковые платки, тоже дорогие. Что же тогда могло находиться внутри?

– Что это? – презрительно произнесла мать, как если бы в дом принесли корзину переспелых вишен или притащили какой-нибудь мусор вроде кривой ржавой подковы.

Отец, ни слова не говоря, развязал один из мешочков и медленно перевернул, чтобы содержимое высыпалось. Мать ахнула, а малолетний Мирча так глаза и вылупил. Из мешочка выпали, звонко ударяясь друг об друга, четыре золотых кубка, золотая цепь, тарелочка и подсвечник из того же материала, а за ними – массивные уголки, оторванные от книги.

– Теперь я смогу чеканить свою монету, – сказал родитель. – Золота на первое время мне хватит. А если дела наши пойдут успешно, мы соберём ещё.

Отец Антим, как будто заподозрив что-то, зашёл с другого края стола, развязал ещё один мешочек, раздвинул края, достал золотую коробочку особой формы и повернул так, чтобы всем стала видна надпись по-славянски: «Мощи».

– Тоже пойдёт на перековку? – строго спросил монах.

– Там никогда ничего не лежало, – с улыбкой сказал отец. – Ковчежец не освящён. Если не веришь, можешь спросить монахов Благовещенского монастыря, который в большом лесу. Я получил это от них.

Всё привезённое заперли в одной из комнат верхних покоев. Гости так устали, что попросили хозяйку не беспокоиться и не хлопотать по поводу горячего ужина – перекусили наскоро и завалились спать. На следующее утро они уехали. Остался только дядя Тудор со своими слугами.

Вот теперь малолетний Влад начал внимательно прислушиваться к взрослым разговорам, потому что очень хотел узнать, для чего нужно столько золота. Он старался вспомнить даже то, что вскользь слышал раньше, и всё это складывалось в историю о младшем брате отца, взошедшем на трон вопреки всякой очерёдности. Младший отцов брат правил, а отец оказался вынужден жить на чужбине. Конечно, такое положение дел было несправедливым, тем более что младший брат отца, влезший на трон без очереди, оказался ещё и нерадивым правителем, который не заботился о подданных.

Во-первых, он ради мира с турками решил пожертвовать сыновьями бояр. Из знатных семей взяли по одному мальчику, отвезли к турецкому султану и оставили жить во дворце. Султан мог сделать с этими детьми всё, что захочет, если бы мир был нарушен, поэтому бояре оказались очень огорчены. Огорчение получилось двойное, потому что нерадивый государь вёл переговоры, не советуясь ни с кем. Просто сказал боярам, возвратившись из Турции:

– Собирайте детей, а иначе война¹⁶.

Вторую большую ошибку отцов брат совершил тогда, когда поехал на «великое собрание» в город Базель. Базель находился ещё дальше от Румынии, чем Нюрнберг, но был хорошо известен всем государям и представителям церкви.

Даже отец Антим знал про Базель. Более того – любое упоминание об этом месте заставляло кроткого монаха сердиться. Он говорил, что в Базеле собрались «очень плохие люди», которые хотели совершить «богопротивное дело», а именно «помочь Церкви Католической поглотить Церковь Православную». Малолетний Влад не очень понимал, что это значит. Он только видел, что священник аж дрожит от негодования. Наверное, в Румынской Стране митрополит негодовал точно так же¹⁷.

А вот родитель Влада, очень довольный, повторял снова и снова:

– Мой брат своими руками подрубил оба столпа, которые поддерживают государев престол. Это значит, что мой брат скоро упадёт и больно ударится о землю.

– А зачем дядя подрубил эти столпы? – спрашивал малолетний Мирча, который в отличие от Влада никогда не стеснялся задавать родителю вопросы. – Разве дядя не видел, что вредит себе?

– Когда целишься в птицу, летящую высоко в небе, то не видишь яму у себя под ногами, – отвечал отец. – Мой младший брат угождал туркам, а затем – католикам, потому что думал

¹⁶ В 1431 или 1432 году румынский князь Александр Алдя, младший сын Мирчи Старого, заключил мир с турками, при этом отдав в заложники султану более 10 боярских сыновей.

¹⁷ В середине декабря 1433 года Александр Алдя приехал на Совет в Базель, где обсуждалась «уния» между католиками и православными (Патриарху в Константинополе следовало признать над собой власть римского папы, а в обмен Папа обещал военную помощь против турок.) На этом Совете румынский князь поддержал унию, что очень не понравилось румынскому духовенству.

о безопасности южных и северных границ своего государства. Но, глядя вдаль, на границы, он не заметил, как утратил уважение людей, которые совсем рядом. Кому же из подданных понравится, когда их государь заискивает перед иноземцами?

– А как же он должен был поступать?

– Государь должен не угождать, а убеждать... и убеждением, через мудрое слово, завоевывать людские сердца, укреплять мир в своей земле и на её границах. Мой младший брат так не умеет. И поделом ему.

Насколько мог понять малолетний Влад, некоторые бояре и служители церкви, особенно возмущённые нерадивостью отца младшего брата, стали сторонниками отца. Это они дали золото. Но зачем золото понадобилось?

Отец вместе с Тудором – единственным из гостей, который остался в доме – целые дни напролёт взвешивал собранное богатство. Всё происходило при закрытых дверях в той самой комнате наверху, где золото хранилось. Если заглянуть украдкой, то можно было увидеть, что двое взрослых скрючились за столиком и морщат лбы. На столике стояли весы с чашечками, как бывает у аптекарей, но чуть крупнее. На одной чашечке мог лежать кубок или что другое, а на противовесной – гири.

– Из этого кубка больше полтора ста монет получится.

– А из тарелочки, которую только что взвесили – сорок пять. Итого, считай, двести.

После этих слов слышалось, как перо скребёт по бумаге. Кто именно что говорил, Владу трудно было понять, потому что подсматривать приходилось в маленькую щёлку. Откроешь дверь пошире – тебя заметят и прогонят.

Малолетний Мирча, который тоже подслушивал, пытался прикинуть, сколько всего золотых монет получалось у взрослых. Он складывал сотни с тысячами, но запутался уже в середине первого дня:

– Четыре тысячи восемьсот тридцать... Нет. Всё. Не могу.

Старшему брату никогда прежде не приходилось складывать такие числа, да ещё в уме, однако дети, не сумев уследить за подсчётами, всё-таки узнали кое-что важное. Они заметили, что отец теперь называл Тудора по-новому – не «мой добрый друг», а «мой жупан», как будто сам успел сделаться государем, а своего друга сделал боярином.

«Жупан» помогал не только взвешивать золото, но и носить к кузнецам, причём носить пришлось часто и много, и вот тогда Влад понял, что отец совсем не случайно поселился в доме, расположенном на углу Кузнечной улицы. Если кузнецы – твои соседи, то можно заранее решить, кому из них доверишь ответственное дело по перековке золотых цепей, подсвечников, корбочек и прочего в тонкие пластины.

Родитель и раньше рассказывал, почему семья обосновалась именно в Сигишоаре, но лишь теперь детям стало понятно, насколько все события в жизни связаны между собой, поэтому они просили повторить повествование, и отец охотно это сделал:

– Жигмонд принял меня в орден Святого Георгия со словами: «Теперь ты не слуга, а брат мой». Я спросил, желает ли король видеть своего нового брата новым румынским государем. Жигмонд ответил: «Да». Тогда я понял, что могу нахальничать, и произнёс: «А имею ли я право собирать армию? Если я почти государь, то должен иметь такое право». Жигмонд ответил: «Оно у тебя есть». Я попросил закрепить королевское слово на бумаге, и тогда Его Величество велел составить грамоту, где говорилось, что я участвую в охране границы между Мадьярским королевством и Румынской Страной¹⁸. Под предлогом охраны границ можно собрать армию в любое время. Но если ты охраняешь границу, то должен жить недалеко от границы¹⁹.

¹⁸ В январе 1431 года король Жигмонд принял Дракула-старшего в Орден Святого Георгия. Тогда же Дракул-старший получил от короля две другие милости – почётное право чеканить собственную монету и почётную обязанность охранять южную границу Венгрии.

¹⁹ В том же году (1431) Дракул-старший поселился вместе с семьёй в Сигишоаре и жил там вплоть до конца лета 1436 года.

– Поэтому мы живём в Сигишоаре? – спросил вечно встречающий Мирча.

– Да.

– А в другом городе рядом с границей мы жить можем?

– Можем, – ответил отец. – Например, могли бы жить в городе Брашов, но тамошние жители не очень гостеприимны. Здесь, в Сигишоаре, нам лучше всего.

– Армия нужна тебе для того, чтобы завоевать власть? – спрашивал Мирча. – Да?

– Да.

– А когда ты соберёшь армию?

– Когда появятся деньги, – отвечал родитель. – Чтобы собрать армию, нужны деньги, а у Жигмонда никогда их нет. Король вечно нуждается, потому что много тратит, очень много – он и сам ведёт войну. Хочет добыть себе ещё одну корону вдобавок к тем, которыми уже владеет. Он не может дать денег, и поэтому даровал мне право чеканить мою собственную монету.

В одну из ночей Владу совсем неожиданно приснился серебристый змей-дракон – тот самый, что прятался в ножнах отца меча. Извиваясь и шипя в попытке оторвать от спины святой крест, чешуйчатый зверь медленно подползал к кровати. Всё ближе и ближе...

– Чего тебе? – спросил испуганный Влад.

– Есть хочу, – последовал ответ.

– Есть хочешь? Тогда... тогда попроси моего отца. Он скормит тебе моего дядю.

– Врёшь.

– Нет. Знаешь, как отец про него говорит? Говорит, что у дяди гнилая душа. А ещё – что дядя угрожает туркам и католикам. Отец будет рад отдать его тебе.

– Ну, смотри! Если обманешь...

«Уф! Еле спровадил, – подумал мальчик. – И отчего дракон приснился именно теперь? Может, сон как-то связан с тем, что делается в доме?»

Каждый день, кроме воскресенья, приходили двое кузнецов. Влад знал их в лицо, потому что они жили рядом, но, даже не зная этих людей, сразу можно было угадать их занятие, ведь сами за себя говорили кожаные фартуки!

Обычно шитьём таких фартуков занимаются шорники, но люди, которые сейчас приходили в дом, не обращались на сторону по всякому пустяку. Их фартуки состояли из нескольких обрывков кожи, но куски соединялись не нитками, а клёпками, благодаря чему выглядели почти как доспехи.

– Зачем нам шорник, если мы и сами с руками? – говорили кузнецы. – По этому краю семь клёпок, и с другого края – пять. И вон там ещё пять. И вон там четыре. На каждую клёпку по одному удару. Полчаса работы. А шорник провозится до вечера. Бычью кожу шить – много труда вкладывать...

В самый первый день кузнецы притащили с собой дубовую колоду, молоток, а ещё большие ножницы. Так двор отцовского дома на время стал монетным двором.

Один из кузнецов, сидя в тенёчке возле крыльца, резал ножницами заранее заготовленные золотые пластины, в результате чего получались кругляшки, а второй кузнец, сидя посредине двора, на солнышке, превращал кругляшки в монеты, ставя на них штемпель.

Штемпели отец Влада заказал у ювелиров и берёт так же, как золото, хотя эти штуки делались не из драгоценного металла и выглядели вполне обычно. Первый штемпель был просто коротенькой толстой палочкой, вертикально обрезанной с обоих концов, а на одном из вертикальных срезов виднелся рельефный рисунок. Второй штемпель выглядел почти так же, имея срез с рисунком, однако с другого конца был железный штырь.

В самом начале работы штырь по самое основание вколотили в деревянную колоду, чтобы надёжно закрепить штемпель. Сверху, на срез с рисунком положили золотую кругляшку. На неё рисунком вниз установили другой штемпель, а затем со всего размаху ударили по верхнему штемпелю молотком.

Так появилась первая монета, потому что на кругляшке, зажатой между штемпелями, отпечатались рисунок сразу с обеих сторон, и дело пошло. Кузнец сидел на табурете возле колоды, обхватив её ногами, и штамповал деньги. Тюк – монетка, тюк – ещё одна, тюк – ещё, а готовые изделия отправлялись в медный таз, стоявший рядом с колодой прямо на земле.

В медной посуде до того, как она превратилась в ёмкость для денег, варили варенье, и, наверное, поэтому монеты, лежавшие в тазике, казались Владу такими притягательными. Мальчик не смог устоять перед соблазном – подбежал к тазу и прежде, чем кто-либо успел остановить, схватил одну монетку точно так же, как на кухне подбегал и быстро опускал краешек пальца в варенье, пока служанки не опомнились. Тудор, сидевший на крыльце и наблюдавший за работой обоих кузнецов, ничего не сказал хозяйскому сыну – пускай дитя балуется, а Влад принялся с упоением рассматривать свою добычу.

На лицевой стороне виднелся румынский символ княжеской власти – орёл, который разинутым клювом указывал на крест подле себя – а на обороте пристроился дракон, тоже разевавший пасть, но ничего и никого рядом не было, даже Фёдора Тирона.

Из-за этих монет отец и получил своё прозвище. Про орден Георгия, про меч и тем более про иконку мало кто знал, зато дракона на деньгах запомнили многие – запомнили и стали думать, что сие означает. Дракон издавна стал одним из любимых воплощений дьявола, именуемого румынами «дракул». И приклеилось это слово к денежкам. В Румынской Стране их сразу стали называть «дракуловы деньги», а через несколько лет уже никто не мог сказать, отчего такое название – оттого ли, что дракул-дракон на монетах красуется, или оттого, что Дракул их чеканит. Кто же может чеканить «дракуловы деньги», если не Дракул?

Когда отец вышел во двор, чтобы забрать очередную партию монет, младший сын подошёл и показал свою добычу:

– Смотри. Тут драконов детёныш.

– Почему детёныш? – спросил родитель.

– У тебя на иконке золотой дракон, а на золотых монетах – его дети, – сказал Влад.

– Что ж... возможно.

– А зачем их так много?

– Если чеканить, то чеканить много.

– А может, не надо? – засомневался Влад и тут же пояснил: – Драконы расплзутся по всей земле. А ведь они же дьяволы.

– Ничего страшного, – отец забрал у сына монетку, присел рядом с ним на корточки и сказал: – Во-первых, на обороте крест, как на иконке. Помнишь?

– Да.

– А во-вторых, посмотри на хвост дракона. Хвост завязан в узел. Это я нарочно приказал, чтоб так было. Если связать дьявола, то он становится ещё послушнее. Ведь то, что связано – то несвободно. Понимаешь?

– А зачем тебе такие деньги? Почему ты не можешь делать другие? – спросил сын.

– Мне нужны именно такие, потому что я хочу, чтобы это золото принесло мне удачу.

Я собираюсь отдать эти деньги воинам, чтобы эти воины пошли в бой и победили. Я думаю, что драконы на монетах помогут им победить. По крайней мере, хуже не будет.

Влад собрался попросить монету обратно, протянул руку, но вдруг увидел, что на пальцах выступила кровь – тоненькие полоски. Наверное, кругляшка, грубо обрезанная большими ножницами, имела кое-где острые края. Заказчик монет тоже увидел кровь, взял сына за руку, стёр кровавые полоски тыльной стороной ладони, пригляделся – глубокие ли порезы.

– Ничего страшного, – снова произнёс он.

– Они кусаются, – сказал Влад, вспомнив слова отца Антима о злой цепной собаке, но вместо того, чтобы испугаться, мальчик улыбнулся. – Кусачие драконы детёныши.

Влад улыбался ещё и потому, что верил своему отцу, а тот повторял «ничего страшного». «Значит, в дьяволах правда нет ничего страшного», – решил сын, который верил в серьёзность родительских слов.

Позднее, в зрелые годы Влад стал оценивать тогдашние события по-другому. Теперь он полагал, что отец говорил о своих странных монетах. Если бы родитель говорил серьёзно, его следовало бы считать поклонником сатаны – полусумасшедшим человеком, который верит, что сатана сильнее, чем Бог. «Нет, мой отец таким не был, – твердил себе младший Дракул. – Он не колдовал, не совершал сатанинских обрядов, а дьяволы на монетах стали следствием обычного суеверия. Суеверный человек соблюдает свои ритуалы просто ради удачи, ведь хуже не будет».

Когда старший Дракул начал чеканить монеты, решалась его судьба – станет он государем или не станет. В такие дни даже в здравомыслящих людях просыпается суеверие. Оно успокаивает и придаёт сил. Вот почему, отец Влада поместил на монетах драконье изображение, однако своим восшествием на престол старший Дракул был обязан вовсе не этим монетам, не дракону на иконке-подвеске и даже не дракону на клинке меча. Отцову судьбу решили незнакомцы, трое из которых приехали в его дом вскоре после того, как началась чеканка денег.

По виду эти гости чем-то напоминали малолетнему Владу «жупана» Тудора и других завсегдатаев, с которыми родитель обыкновенно пировал до самой ночи. Войдя в столовую, новоприбывшие так же перекрестились на иконы и так же разговаривали по-румынски, но этим сходство с Тудором и другими отцовыми приятелями исчерпывалось.

Новые гости одевались гораздо богаче и ходили важной поступью. Влад сразу отметил: «Они не назвались отцовыми слугами, перед мамой не заискивали и передо мной на корточки не присаживались, как это делал Тудор». За столом они пили мало, говорили спокойно, а ночевать ушли на постоялый двор.

Самого главного из приезжих звали Нан. Отец сразу привёл его и двух других гостей в верхнюю комнату своего дома, где по-прежнему хранилось золото, и с гордостью показал отчеканенные деньги:

– Вот на что я употребил ваши дары.

– Что ж, хорошо, – сказал Нан, взял из раскрытого сундука монетку и начал вертеть в руках. – Теперь ты сможешь собрать войско, а мы окажемся будто ни при чём²⁰.

Через месяц этот важный человек приехал снова, но привёз с собой не тех гостей, что в прошлый раз, а трёх других. Впрочем, они одевались так же богато. Затем приехали ещё трое незнакомых богачей и привезли от Нана «кое-что передать на словах». Влад подсчитал, что в общей сложности в Сигишоаре побывало девять незнакомцев, но они никогда не приезжали все вместе, а только порознь – по двое или по трое – и неизменно останавливались на постоялом дворе.

Прежние отцовы друзья тоже приезжали, так же шумели до ночи, но если раньше застольные разговоры касались всего на свете, то теперь говорилось в основном про войско. Обсуждали, который доспех лучше, во сколько обходится содержание лошадей, не одолжить ли у Жигмонда пушек с пушкарями и так далее. Иногда обсуждение шло совместно с новыми богатыми гостями, иногда без них, но отец неизменно тревожился, если Нан долго не давал о себе знать.

Богатые гости ездили-ездили, ездили-ездили, ездили-ездили почти год. В конце концов они сказали, что пора собирать войско. Отец снарядил небольшую, но хорошо вооруженную армию и даже успел двинуть её к румынской границе, как вдруг пришла весть, что его младший брат, оказавшийся нерадивым правителем, заболел и умер.

²⁰ Летом 1436-го Дракул-старший взошёл на румынский трон. В грамотах Дракула-старшего боярин Тудор и боярин Нан всегда упоминаются первыми после князя. Нан также упоминается среди бояр в грамотах предыдущего князя.

Таким образом, старший Дракул завоевал себе престол, а когда пришло время, младший Дракул занял место своего отца.

Оба Дракула оказались похожи не только внешне. По мнению народа, отец и сын водили дружбу с дьяволами, но если про отца говорили, что он расселил дьяволов по всей своей земле, чеканя монету со странными рисунками, то про сына говорили иначе – уверяли, будто он носит дьявола где-то глубоко в сердце. Поэтому младший Дракул и считался зломудрым.

«Одного я не могу понять, – думал государь Влад. – Почему люди хотят воспользоваться моей мудростью, которая, как они считают, получена от дьявола? Почему не боятся? Отец Антим сказал бы, что они дураки».

Часть III

Когда человек едет по открытой равнине, то, как бы ни торопился, не может избавиться от чувства, что движется медленно. Одинокое дерево на обочине дороги, едва поравнявшись с путешественником, оказывается позади, однако не даёт твёрдой уверенности, что он успеет туда, куда спешит. Миновав дерево, путешественник доволен, но затем начинает искать, от чего бы теперь мерить расстояние, не находит, и тогда возвращается мысль: «Я плетусь еле-еле и непременно опоздаю».

Разговаривая с мальчишкой-лазутчиком, а затем разбирая дело двух братьев, Влад потерял более получаса. Это время ещё можно было как-нибудь нагнать, но открытая равнина тянулась и тянулась, словно заколдованная, бесконечно удлиняя путь, как если бы желала задержать князя. Он даже успел подумать, что это дьявольские проделки, и что дорога заколдована нечистым, но тут же одёрнул себя: «Дракон, бегущий слева от меня – не дьявол. Эта тварь – причудливая выдумка, которая ничего сама не делает и полностью мне подвластна. Если захочу, она исчезнет». Однако правитель вовсе не хотел её исчезновения и потому глянул вниз, чтобы удостовериться, что чешуйчатая зверушка на месте.

Та по-прежнему бежала слева и вдруг, будто отвечая на недавние рассуждения хозяина, прошипела:

– Дорога тянется сама по себе. Я не вмешиваюсь. Люди вечно сваливают всё на дьявола.

А я тут ни при чём.

– Почему ты называешь себя дьяволом? – мысленно спросил Влад, как уже спрашивал тысячи раз.

– Священник назвал бы меня так, – последовал привычный ответ.

– А кто ты на самом деле?

– Я существо, которое ты выдумал, – ответила тварь.

– Но в тебе есть что-то бесовское?

– Конечно, ведь ты видишь меня похожим на беса, – прошипел дракон.

– А есть ли в тебе что-то от настоящего беса? – продолжал допытываться Влад. . . Вернее, он не допытывался. Допытываться можно, когда ведёшь настоящую беседу, а князь вёл беседу воображаемую. На самом деле он просто размышлял: «Настоящий дьявол – не выдумка, а существо со своей волей. Есть ли у моего дракона своя воля? До сих пор он никак это не показал. . . Или показал? Тогда, возле сухого озера! Я был доволен, а чешуйчатая зверушка – раздосадована. Это странно».

– В тот раз твои чувства были двойки, – прошипела тварь. – Ты был доволен, но в глубине души желал посадить тех спорщиков на кол.

– Нет, я не желал.

– Желал, – настаивал дракон, – но не хочешь признаться.

– Так значит, ты выражал мои тайные чувства? – мысленно подытожил Влад. – Мои, а не свои? Значит, ты не дьявол, раз у тебя нет своей воли.

Змей обиженно фыркнул, но осталось непонятным, из-за чего – из-за того, что его не принимают за настоящего беса, или из-за того, что ему напомнили, как он ничтожен, поскольку является выдумкой.

– Скажи мне правду, – мысленно повелел правитель.

– Правда в том, что ты не можешь знать, дьявол я или нет, – улыбнулась тварь. – Ты можешь только гадать.

– Я могу повелеть тебе исчезнуть, – возразил Влад. – Если ты не исчезнешь, значит, ты нечистый дух со своей волей.

– Если я исчезну, тебе будет скучно без меня, – прошипела тварь. – Ты это знаешь, поэтому не хочешь, чтобы я исчез. Поэтому я не исчезну. Выходит, твоя проверка ничего не покажет. Ты не можешь узнать, дьявол я или нет.

– Тогда оставим наш разговор, – решил Влад, понимая, что беседа с драконом движется по кругу.

Между тем княжеский конь почувствовал настроение хозяина и начал ускоряться. Только что двигался спокойной рысью, а теперь побежал так резво, как только мог. Он весь напрягся, готовый сорваться в галоп от малейшего движения пятки, ждал знака и будто просил: «Ну же, хозяин! Если кто и заколдовал дорогу, мы всё равно доберёмся до конца пути! Даже если сам дьявол мешает нам, я как-нибудь договорюсь с ним по-свойски. Я ведь вороной масти, а все твари чёрного окраса – дальние дьяволы родственники».

Конь разволновался, однако хозяин – в свою очередь, заметив горячность четвероногого – успокоился и немного придержал его. «Пусть конь продолжает бежать рысью, – сказал себе князь. – Всё-таки я спешу не настолько, чтобы изнурять его скачкой. Я успею добраться. Наверняка уже кое-что наверстал. Успею».

К сожалению, очень скоро настала пора снова тратить драгоценное время. После размашистой рыси требовалось проехать шагом, чтобы конь восстановил силы. К тому же дальше гнать было некуда – впереди, на месте соединения двух проезжих путей, собралась толпа.

Отдельных людей Влад ещё не мог различить. Ему виделось лишь пёстрое нечто, по кромке которого происходило шевеление. «Сейчас попросят творить суд, – подумал князь. – Конечно, этого можно избежать, если объехать толпу по широкой дуге, через пастбища, но государю неприлично бегать от своих подданных».

Влад решительно направил коня к толпе и всё же велел охране перестроиться. Двенадцать конников снова заслонили государя спереди и по бокам, а остальная охрана и слуги прикрывали тыл. Лишь боярину Войко князь велел остаться как есть, справа, и вдруг вспомнил про недавние странности в поведении боярина. «Так вот же доказательство, что дьявол настоящий! – сказал себе правитель. – Он мерещится не мне одному». Влад всё ждал, когда Войко снова начнёт высматривать что-нибудь в дорожной пыли, но слуга-богатырь, как нарочно, ничего не высматривал. Государь несколько раз оглянулся на него, но тот ни разу не бросил взгляд вниз.

«Неужели чешуйчатая тварь всё-таки выдумана?» – размышлял правитель, и вдруг его потянуло заговорить с кем-нибудь, кто точно не выдуман. Владу захотелось произносить слова не мысленно, а вслух, и поэтому он проворчал:

– Ну и толпа там впереди! Что за напасть такая! Почему никто не обращается ко мне, когда я выезжаю на охоту или посещаю крепости и заставы? Я мог бы без сожаления тратить на судейство час или два во время таких поездок. За два часа дикие гуси не успеют улететь зимовать, и коменданты с таможенниками никуда не денутся. А вот обедня закончится! Почему надо донимать меня именно по дороге в монастырь?!

– Господин, – сказал Войко, крайне удивлённый этим ворчанием, – мы не раз заводили об этом беседу, и я не раз говорил тебе, что просители рассуждают иначе, чем ты.

– Да, я помню, о чём ты говорил, – бросил Влад. – Мои подданные проявляют смекалку. Они уверены, что во время паломничества я буду милостив. Дескать, по дороге в святую обитель государь не станет выносить суровых приговоров, потому что не захочет отягощать свою душу. Хитрецы! Думают, что разгадали меня. По их мнению, государь-охотник не может быть милостив, потому что убивает. А если государь едет куда-то с проверками, то становится слишком придирчивым, и обращаться к нему тем более не следует. Да, ты говорил так, и я давно с тобой согласен.

– Так в чём же дело? – спросил боярин.

– Сейчас я веду речь о другом, – пояснил правитель, – Мне досадно, что люди желают мне добра только на словах. Вот ты говорил, что подданные довольны мной. Да, довольны, но это не значит, что меня любят. Люди знают, что я тороплюсь в монастырь, но мешают мне позаботиться о моей душе. Им нет дела, попадёт государь в рай или не попадёт. Им бы только решить свои дела. Вот как люди поступают с государем!

– Тогда поехали в объезд, – шутливо предложил Войко. – Раз люди не заботятся о тебе, ты можешь поступать с ними так же. Ещё не поздно свернуть с дороги. Если миновать эту толпу, не останавливаясь, и дальше нигде не задерживаться, мы к обедне как-нибудь успеем.

– Нет, сворачивать поздно, – ответил Влад и добавил: – Ты думаешь, я ищу повод, чтобы откеститься от своих обязанностей? Нет. Мне просто хочется пожаловаться на тяжёлую судьбу. Тяжело быть государем.

Войко лишь усмехнулся. Тогда правитель предложил:

– Знаешь, что? Давай я передам свою судебную власть тебе. Давай разбирать чужие житейские дразги будешь ты.

Боярин перестал усмехаться и с притворным испугом вытаращил глаза:

– Нет, господин. Избавь меня от этого.

– Ага! Не хочешь быть государем! – весело заметил Влад. – Никто не хочет, когда речь заходит об обязанностях.

Пока продолжалась беседа, путешественники успели вплотную подъехать к месту соединения двух трактов – вернее, туда, где этому месту следовало бы находиться. Оно скрылось под ногами множества людей, стоявших и ждавших правителя. Поодаль, на поле, какие-то дети играли в догонялки, весело визжа, а вот взрослым было не до веселья. Они стояли, сохраняя серьёзные лица. Сбились в одну кучу.

Одежда у просителей казалась одинаковая – снизу тёмная, сверху светлая – и пусть местами её украшала яркая вышивка, но всё равно у каждого просителя одежда была льняная. «Значит, опять тут одни крестьяне», – подумал Влад.

Народу собралось столько, что пересчитать по головам было трудно, однако число вихрастых затылков, шапок, платков, косынок и сплетённых из соломы широкополых шляп явно превышало несколько сотен.

Вдруг шапки и шляпы в толпе сползли с голов, а сама толпа согнулась в поклоне и замерла.

– Государь! – выкрикнул кто-то. – Дозволь нам предстать перед тобой, выслушай и рассуди!

Влад уже собрался вести привычные разговоры, но вдруг подался вперёд и начал пристальнее вглядываться в толпу, потому что увидел кое-что необычное и даже забавное – среди просителей стояла корова.

На первый взгляд обычная серая корова – узколобая, с лохматым чубчиком и длинными рогами, грозно торчащими из-под него. Князю даже показалось, что коровий нос, являвшийся единственным тёмным пятном у этой животины, медленно поворачивался туда-сюда.

Румынские коровы не отличаются высоким ростом, среднему человеку – по грудь. Вот почему, пока толпа не начала кланяться, скотинка полностью скрывалась за спинами людей, а теперь, когда все вокруг согнулись в половину роста, стала хорошо видна.

Правитель на всякий случай протёр глаза:

– Войко, посмотри. Мне чудится или там среди просителей корова? Неужто она тоже пришла ко мне на суд?

Войко при его богатырском телосложении мог обзирать округу, почти как птица с неба – он встал на стремянах и посмотрел поверх голов княжеской охраны:

– Всё верно, господин. Там корова. А с ней трое телят одного возраста.

– Трое? – переспросил Влад. – Этого не может быть.

– Господин, их трое.

– Все серые? – уточнил правитель.

– Да.

– Ты, наверное, принял за третьего телёнка чью-то согнутую спину.

– Нет, господин. Я видел и голову. Телят трое, – сказал Войко, опустившись в седло.

– Ого! – воскликнул государь и, оглянувшись на боярина, добавил: – Чтобы увидеть такую редкость, не жалко и к обедне опоздать! А чего жалеть? Обедня служится каждый день, а корова телится тройней так редко, что не каждому человеку дано это увидеть. Мне говорили, во времена моего деда Мирчи такое случилось, и каждый, кто видел эту тройню, старался отщипнуть немного шерсти на счастье. Телята ходили с лысыми боками. Может, и этих телят ждёт такая судьба... если только перед нами настоящая тройня.

– Господин, а зачем гадать? – усмехнулся Войко.

– Да, незачем, – кивнул Влад и крикнул: – Прежде чем творить суд, я желаю узнать, для чего сюда привели корову!

Двое человек в толпе, стоявшие рядом с коровой, разогнулись и начали пробираться на передний край. Раздалось воинственное:

– Дай вылезти! Нас государь зовёт!

Толпа недовольно гудела, а среди этого гудения вдруг возник новый голос, который повторял:

– Простите, братья. Простите.

Сперва пробился вперёд низкорослый крестьянин с полуседыми усами и лысым лбом. В левой руке крестьянин держал соломенную шляпу, а в правой – верёвку, противоположный конец которой обвивал основание коровьих рогов. Верёвка то и дело натягивалась, потому что рогатая скотина шла за своим хозяином неохотно.

Следом из толпы выбралась крестьянка с красноватым обветренным лицом. Одевалась она очень скромно – носила белый платок, белую рубаху и простую чёрную юбку, доходящую до середины икр, но скромность одежды никак не могла скрыть бойкого характера. Женщина смотрела на всех смело и так же смело прокладывала путь среди согнутых спин. Правда, старалась она не для себя, а для трёх телят, которые следовали за коровой и никак не хотели двигаться гуськом, стремились идти все вровень. Конечно, телятам не хватало места.

Вслед за крестьянином и крестьянкой, не ругаясь и не пихаясь, вышел ещё один человек – молодой священник. Он одевался нарочито аккуратно, как свойственно многим священникам, которые приняли сан недавно и недавно приехали на приход. Ряса из грубого бурого сукна нигде не смялась и не испачкалась. Обладатель носил её бережно, совсем как шёлковую одежду, а поверх – очевидно, ради щегольства – надел жилетку с деревянными резными пуговицами, изящество которых можно было оценить даже издали.

– Государь, – обратился к Владу лысоватый крестьянин, – вот моя корова. Я нарочно привёл её, чтобы ты увидел.

– Ты привёл её только для того, чтобы мне показать? – уточнил государь.

– Да.

– Ну что ж... – сказал правитель и добавил уже более громко, обращаясь к своей охране: – Дайте мне посмотреть на эту корову.

Конники разъехались в две стороны, и государю хорошо стала видна не только корова, но и вся её «свита» – хозяин, сжимавший в руках верёвку, трое телят, толкущихся у вымени, женщина с красноватым лицом и молодой священник.

– Корова на самом деле отелилась тройней? – с любопытством спросил Влад.

– Да, государь. – Крестьянин и крестьянка ответили одновременно.

– И это те самые телята?

– Да, государь, – опять последовал ответ в два голоса. – Если что, у нас и свидетели есть. Мы подмену не совершали. Это те самые телята.

Просители замолчали, а затем продолжила только женщина:

– Родились такие маленькие, – произнесла она и сделала движение руками, как будто качивает ребёнка. – Вдвое меньше, чем обычные телятки. Но мы с мужем их сразу в дом взяли, из соски поили. Неделю помянчили, и все трое у нас на ножки встали. Теперь всегда вместе ходят. Куда один – туда другой. Куда другой – туда третий.

– Три бычка родилось, – пояснил её муж и с довольным видом оглядел толпу. – Чудо оно и есть чудо. Недаром же корова в Пасху Блаженных отелилась, ведь три – святое число, а блаженные – святые люди.

– Корова не в тот самый день отелилась, а накануне вечером, – поправила женщина.

– Да всё равно, – отмахнулся муж.

Пасха Блаженных являлась народным праздником, весьма почитаемым, но не связанным со скотиной, поэтому Влад посчитал привязку к этому дню надуманной и остался равнодушен к замечанию о чуде:

– А если бы корова отелилась в другой день, – с усмешкой спросил он, – сколько, по-вашему, было бы телят?

– Столько же, – ответил хозяин коровы и продолжал: – Ты прав, государь. То, что корова отелилась перед Пасхой Блаженных, это не причина для появления тройни, но это примета. А вот примета указывает на причину.

– И в чём же причина? – снова усмехнулся Влад.

– Вот в этом человеке, – начал объяснять крестьянин и ткнул пальцем в сторону священника.

– Нет, государь, – сказал молодой церковнослужитель, – причина не во мне, а в Господней благодати.

– Я сегодня не настроен разгадывать загадки, – недовольно произнёс князь, который понимал всё меньше в этих объяснениях.

– Тут всё очень просто, государь, – успокоил его крестьянин. – Дело в том, что моя корова прошлым летом повадилась ходить пастись на наше деревенское кладбище. Там и вправду трава высокая, сочная...

– ...но только это оскорбление для могил, – перебил священник, – поэтому всякий раз, когда я видел, что корова пришла, я гнал её. Если рядом оказывалась хворостина, то я хватал хворостину, а если рядом ничего не оказывалось, то я лупил эту скотину рукой.

– Правой рукой, – добавил крестьянин.

– Да, правой, – кивнул церковнослужитель и подошёл к корове, чтобы показать, как всё происходило.

Скотина, уже привыкшая бояться бурой рясы, ломанулась было в сторону, но хозяин ухватил животное за рога.

– Я налагал руку вот здесь... – Священник размахнулся. Могло показаться, что он хочет ударить корову сбоку по животу, но в самый последний момент ладонь остановилась, так ни к чему и не притронувшись.

– А однажды, отче, ты взял ту штуку, которой отгоняют мух от Святых Даров, – напомнил хозяин коровы.

– Да, у меня в руках была рипида, – кивнул священник, – и я в гневе махал рипидой на корову. А эта скотина решила, что я явился отгонять мошек. Тогда я стукнул её рипидой по спине, чтоб сделалось понятно, кто тут незваный гость!

– Вот после этого корова понесла тройню, а по весне, перед Пасхой Блаженных, отелилась, – подытожил крестьянин.

– Да, – сказал молодой церковнослужитель, скромно опустив глаза. – Получилось, что я, сам того не желая, призвал на некрещёную животину благодать Божью. И эта благодать передалась посредством наложения руки, а также посредством рипиды... Рипида – это просто опахало, которое не освящено, – так я думал раньше. А теперь я думаю, что если рипида касалась Святых Даров, а затем касалась коровьей шкуры, то благодать могла передаться.

– Без благодати тут не обошлось – это точно, – сказал крестьянин, который прямо-таки сиял от счастья. – Все приметы сходятся: и телёнка три, и отелилась вечером на Пасху Блаженных. Так что я тебя, отче, должен отблагодарить. Один из трёх телят причитается тебе.

– Во-первых, не мне, а церкви. – Священник, только что стоявший, скромно потупив взор, теперь начал недовольно коситься. – А во-вторых, почему только один телёнок?

Крестьянин тоже переменялся в лице. Теперь он смотрел так, как смотрят сторожевые псы, почуявшие, что сейчас в охраняемом хозяйстве может произойти большая убыль:

– Если вычесть из трёх два, то получается один! – сказал хозяин коровы.

– Опять ты со своими подсчётами! – воскликнул священник.

– Двойня у коровы – не редкость, – напомнил крестьянин. – У нас в деревне коровы телятся двойнями раз в несколько лет, и ты, отче, это знаешь. Двойня – не чудо. А ты превратил двойню в тройню. Значит, одного телёнка тебе хватит!

– А тебе для церкви жалко? – спросил священник.

Крестьянин оглянулся на князя:

– Государь, рассуди нас! Сколько телят нужно отдать? Одного или двух?

– А почему я должен судить? – спросил Влад. – Разве я соглашался на это? Ты ведь сам сказал, что привёл корову показать мне просто так.

– Государь, окажи милость! – стал просить священник. – Мы ведь уже рассказали тебе дело. Тебе осталось только принять решение.

– Ах, вот оно что! – воскликнул Влад. – Значит, вы привели сюда корову в расчёте на то, что меня одолеет любопытство и я начну вас расспрашивать. А если я начал расспрашивать, то взялся судить? Так? Вот хитрецы! Нет, я вас судить не буду.

Этот ответ не расстроил просителей. Они смотрели не огорчённо, а выжидающе, что показалось правителю странным, и тут он заметил, что рядом с коровой кого-то не хватает. Вот хозяин коровы, вот священник, вот телята так же толкуются возле вымени...

– Государь! – раздался женский голос откуда-то слева и снизу. – Я предстала перед тобой и прошу, чтобы ты рассудил моего мужа и этого попа. Кто из них прав? – Произнося это, крестьянка с красноватым обветренным лицом поклонилась и легонько дотронулась рукой до княжеского стремени.

Влад еле сдержался, чтобы не шарахнуться от просительницы, как шарахается пойманный зверь. «Пронырливая баба! Чтоб её... – подумал Влад. – Да как же она сумела? Вот так и сумела, пока ты смотрел вдаль, на представление, которое разыгрывали возле коровы». Государь смотрел на представление и не заметил, как женщина подобралась совсем близко, а люди из охраны не остановили. Может, тоже не заметили, увлечённые рассказом о чудесах, а может, посчитали, что простая крестьянка не несёт в себе никакой опасности.

«Это лишний раз доказывает, что за женщинами нужен глаз да глаз!» – подумал правитель, сильно досадуя, однако эта досада совсем не отражалась в поведении княжеского дракона. Тварь сидела возле крестьянки, глядя на неё с явным уважением, и приветливо помахивала хвостом.

«Если тварь отражает мои тайные мысли... выходит, на самом деле я не раздосадован, а доволен? – спросил себя Влад, но тут же возмутился: – Неужели я должен судить о себе по поведению чешуйчатой шавки?! Нет, дракон врёт! Я вовсе не доволен!»

Не желая признавать, что попался в ловко расставленные силки, правитель продолжал отказываться от судейства:

– Да разве это моё дело? Это дело церковное. Пусть его разбирает епископ. А если он затруднится разобрать, тогда сходите к митрополиту.

– Нет, – покачал головой священник. – Епископ сказал, что тут дело не церковное и что вся история, будто на корову через мою руку снизошла благодать Господня, это глупость.

– Значит, попробуйте обратиться к митрополиту, – повторил государь.

– Не можем, – ответил священник. – Епископ запретил мне идти с этим делом к митрополиту. Сказал: «Не позорь своей глупостью меня и мою епархию».

– Ну, тогда здесь и решать нечего, – пожал плечами Влад. – Если епископ так крепко уверен, что рождение тройни – не чудо, я склонен доверять этому мнению. А если чуда не было, то и спорить вам не о чем.

– Государь, тут дело не столько в чуде, сколько в справедливости, – сказал священник. – Я как служитель церкви всё равно должен получить награду за труды.

– Если ты непричастен к появлению телят, за что тебя награждать? – удивился государь.

– Как «за что»? – в свою очередь удивился церковнослужитель. – Ведь когда я совершаю требы, то всегда получаю что-нибудь в дар... в пользу церкви. Так положено. Награда даётся за труды, а не за последствия этих трудов. Например, если священник крестит младенца, то кто же поручится за последствия? Младенец может вырасти в святого, а может – в великого грешника или даже в вероотступника, и получится, что зря крестили. Но дар в церковь по случаю крестин всё равно приносится. А когда священник отпевает, то никто не знает, попадёт ли отлетевшая душа в рай или не попадёт. Но дать что-нибудь за отпевание полагается. И это справедливо.

– А почему именно два телёнка? – спросил князь.

– Потому что негоже жадничать, когда дело касается церкви. – В голосе священника послышалась укоризна. – Видит Бог, что наш храм давно пора подновить. Ещё немного – и там пол начнёт проваливаться. Тройню от коровы всё равно никто не ожидал. А раз такое богатство само в руки упало и не требовало усилий, тогда...

Крестьянка, услышав эти слова, страшно возмутилась:

– Само в руки упало? Богатство?! – закричала она. – Отче, почему ты так говоришь? Наверное, оттого, что ты этих телят сам не выхаживал. Вот отчего! А мы первый месяц тряслись над ними днём и ночью, будто это наши собственные дети. А разве ты не знаешь, что мы молоко покупали? Истратили все гроши, сбережённые на чёрный день, потому что у нашей коровы не хватало молока, чтоб накормить всю тройню досыта. Телятам надо столько, что ой-ой-ой! Вот такое богатство на нас свалилось! Да. А по-твоему выходит, что мы с этим богатством только и делали, что отдыхали да подсчитывали барыши!

– Тихо! – оборвал государь. – Женщина, раз ты сказала, что истец в этом деле – твой муж, а не ты, тогда помалкивай.

Затем Влад обратился к крестьянину, по-прежнему глядевшему настороженно:

– А ты что думаешь?

– Я думаю, что дар принести надобно, – ответил хозяин коровы. – Святой отец всё лето бегал, руку прикладывал и этой штукой, которая для Святых Даров, махал...

– А ты об этом просил? – многозначительно произнёс правитель. – Ведь требы священник совершает по просьбе верующих. Поэтому, если ты не просил, то благодарить не обязан.

– Да, – согласился крестьянин, – если не просил, то не обязан, но просьба-то была. Когда святой отец пришёл ко мне жаловаться на мою корову, я ответил: «Если опять придёт, гони её». Значит, я сам просил возлагать на неё руку и теперь должен отблагодарить как положено. Только вот святой отец сильно много просит. Два телёнка – это много. Одного я бы отдал и жил спокойно. Рассуди, государь. А?

В который раз услышав «рассуди, государь», Влад почувствовал, что его досада переходит в раздражение. «Посадить бы всех спорщиков на кол, а корову с телятами насадить на

вертелы и зажарить. Вот и спору конец!» – подумал правитель, но тут вмешался дракон. Как ни странно, его поведение всё больше противоречило настроению господина.

– Коля и вертелы – это слишком просто, – прошипела чешуйчатая тварь. – Разберись как следует. Это же такое занятное дело.

Дело казалось Владу не занятым, а докучливым, но он не привык отступать перед голололомками и потому продолжал искать решение. Камнем преткновения стал хозяин коровы, который хотел верить в чудо – так хотел, что готов был даже заплатить священнику, чтобы не лишать себя ощущения чуда. «Что мне делать с этим дураком?» – думал государь.

Между тем все трое просителей, ведущие тяжбу о телятах, выжидающе смотрели на своего судью. Даже корова – до сих пор относившаяся к правителю очень пренебрежительно – и та повернулась в его сторону. Конечно, это произошло случайно. Просто животине было нечем заняться, потому что ей пришлось стоять на дороге, где совсем не росла трава. Время от времени опуская нос к земле и каждый раз обнаруживая, что питаться тут нечем, скотинка начинала смотреть по сторонам.

– Дело трудное, – меж тем пробормотал Влад, глубоко задумался, опустив голову, но через минуту воспрянул и повернулся к священнику. – Мне показалось, или я на самом деле видел, что ты избегаешь прикасаться к корове?

– Всё так, государь. Избегаю, – ответил церковнослужитель. – Я теперь вообще к коровам не прикасаюсь правой рукой.

– Почему же?

– Если я буду возлагать десницу на коров, то совершу грех стяжательства, – ответил священник. – Я и с этой рогатой ничего творить не хотел, но так вышло...

– Нет, погоди, – перебил Влад. – При чём здесь стяжательство? И почему тебе нужны именно телята? Ведь ты можешь по-другому добыть денег для подновления храма. Воспользуйся своей славой. Призови благодать на вторую корову, на третью, четвёртую, возьми за это награду и так соберёшь денег.

– Нет, – помотал головой священник. – Корова ведь – тварь некрещёная, и призывать на неё благодать, как на крещёных людей, не следует. А также не следует использовать Господню благодать для накопления богатств земных. Куда ж это годится? Может, теперь коров начать крестить? Нет! Даже если такое крещение посулило бы по семь телят ежегодного приплода с каждой.

– Да, крестить – это, пожалуй, слишком, – согласился государь, – но ведь коровник можно святой водой побрызгать.

– Это тоже стяжательство, – уверенно повторил церковнослужитель. – Даже если я возьму за свои труды скромную награду, хозяева коров впадут во грех. Люди ведь будут ждать, что коровы начнут плодиться, как кошки.

«Надо же! Священник оказался бессребреником!» – подумал Влад, но, задавая вопросы, он хотел выяснить не только это.

– А коровы начнут так плодиться? – ещё раз уточнил государь. – Ты веришь, что имеешь особую силу?

– Епископ сказал, что всё глупость... – начал священник, но было видно, что произносит он это с явной неохотой.

– А давай проверим твою силу на моих коровах, – вдруг предложил князь, – не ради обогащения, а ради истины. Тебе не придётся далеко ходить. На моём дворе в городе Букурешть есть несколько коров. Давай ты возложишь на них руку или совершишь что-нибудь другое подобное, на твоё усмотрение. Пара-тройка лишних телят не сделают меня богаче. У государя и так всего в избытке, поэтому ты не введёшь меня во грех стяжательства. А я дам тебе дар, как положено давать, когда приглашаешь священника для совершения требы. Согласен?

– Прости, государь, но я должен отказаться.

– Почему? – удивился правитель. – Боишься оплошать? Или боишься, что я строго спрошу с тебя, если ничего не выйдет? Не бойся. Вот тебе моё слово, данное при свидетелях – если ничего не выйдет, я не стану наказывать тебя и отпущу восвояси.

Произнося клятвенные слова, князь обвёл взглядом всех присутствующих – своих слуг, толпу крестьян, хозяев коровы, а также глянул на приближённого боярина. Получалось, что свидетелей даже больше, чем надо.

– Нет, государь. Оплошать я не боюсь. Я боюсь удачи, – со вздохом произнёс церковнослужитель. – Вдруг твои коровы начнут давать больше молока? А если одна или две из них принесут двойню? Двойня ведь тоже рождается не каждый год...

– Что же здесь плохого, если мы получим всё это в поисках истины? – спросил Влад.

– Для тебя, государь, ничего плохого. А мне это принесёт большой вред.

– Почему?

– Боюсь, найдёт на меня гордыня, и я с ней не совладаю, – признался священник. – Я думаю, всякому священнослужителю хочется творить чудеса, как это делали апостолы, но если чудеса и впрямь начинают происходить, то возгордиться от этого очень легко. Нет, я лучше до конца дней своих останусь в сомнении, зато и гордыня на меня не нападёт.

– Ха! – воскликнул государь. – Наконец-то дело прояснилось. Мне нравится твоя скромность, однако я должен тебя огорчить и сказать, что ты рассчитал свои притязания неверно.

Хозяева коровы осторожно заулыбались, а крестьянка даже сделала шаг назад от государственного стремени, как и если бы только что закончила лепить красивый пирог и боялась неловким движением что-нибудь испортить.

– Ему положен один телёнок? – спросил лысоватый крестьянин. – Да?

– Не положено даже одного, – ответил князь.

Священник опешил. Наверное, он был уверен, что одного телёнка получит точно, поэтому, когда услышал решение, не смог удержаться от возгласа:

– Как так?!

– А так, – ответил Влад. – Ведь требы – в том числе крещение, венчание, отпевание и прочее – совершаются по требованию, причём постоянно. А с коровами так не получается. Я только что попросил тебя совершить требу, но ты отказался. Более того – ты сказал, что никогда больше не намерен совершать ничего подобного. Значит, наложение рук на вот эту корову, которая здесь стоит, не считается требой.

Государь помолчал немного и продолжил:

– Однако прихожане могут носить в церковь дары просто так, а не в благодарность за услуги. Могут? – спросил он у священника. – Поправь меня, если я заблуждаюсь.

– Всё верно, государь.

– Хозяин этой коровы не обязан давать тебе телят, но если захочет подарить что-то – это его право. Я бы ничего не дарил, потому что со всех троих телят всё равно надо заплатить десятину в пользу церкви, но если у прихожан вдруг возникнет благочестивое намерение...

– Князь многозначительно посмотрел на крестьянина, а затем на крестьянку, по-прежнему стоявшую недалеко от коня. – Ну что? Я ответил на все вопросы? Можно считать, что я решил это дело?

– Да, ты решил верно, государь, – согласился церковнослужитель. – Ты прав и по поводу требы, и по поводу даров, и по поводу десятины.

– Благодарим, государь! – радостно воскликнул крестьянин. – Дай тебе Господь долгие лета жизни взамен тех, которые ты тратишь на судейство.

Жена крестьянина ничего не сказала. Она поклонилась и медленно попятилась от князя, как-то странно улыбаясь, будто с хитрецей.

Заметив хитрое выражение, Влад вдруг заподозрил, что именно крестьянка придумала привести на суд корову. «Придумала, а теперь радуется, что затея удалась, – сказал себе правитель. – Наверное, эта затея и понравилась дракону. А что, как не это, могло ему понравиться?»

Чешуйчатая шавка не спешила ответить на размышления хозяина. Будто хотела, чтобы он сам догадался. Дракон бегал вокруг коровницы, приветливо вилял хвостом и постоянно оглядывался на Влада:

– Ну, посмотри на неё! Посмотри! Неужели не замечаешь?

И вот тут в улыбке крестьянки князю почудилось что-то знакомое. Саму эту женщину он видел впервые – тут не могло быть сомнений, но хитроватое выражение лица князь явно наблюдал прежде у кого-то другого, причём так давно, что почти забыл. Влад силился понять, кого же напонила ему пронырливая коровница, а между тем просители почти скрылись в толпе. Священник исчез быстрее всех, потому что его ничто не задерживало, а вот крестьянин с женой немного замешкались, потому что были обременены имуществом.

«Где же я видел эту улыбку? У кого?» – спрашивал себя Влад и вдруг вспомнил. Теперь ему сделалось понятно, почему змей помахивал хвостом совсем как собака, которая учуяла родной запах.

Только что Влад считал себя пойманным «пронырливой бабой», а ведь никто его не подлавливал, потому что крестьянка пробралась к нему хитростью. Влад мог бы разгневаться, как он недавно гневался на двух братьев-земледельцев, говоря им «вы меня обманули», однако в этот раз правитель повёл себя иначе – а всё потому, что, глядя на крестьянку, вспомнил о своей матери. Да, именно о ней!

Поняв, кого напоминает ему коровница, государь поначалу удивился, ведь на первый взгляд между белолицей государыней, всегда державшей себя достойно, и хамоватой краснолицей простолюдинкой не удалось бы найти ничего общего. И всё же сходство нашлось! Обе умели хитрить и обе отличались бойким характером.

Нынешняя крестьянка была бесстрашной – не побоялась хитрить с самим государем. А ведь матери Влада тоже однажды пришлось проявить бесстрашие по отношению к человеку, который стоял заметно выше её. Она отправилась с прошением к королю Жигмонду, который обладал огромной властью – такой властью, что не обязан был считаться с какой-то дочерью молдавского князя. Матери Влада в тот раз пришлось изворачиваться, потому что требовать она не могла, и вот теперь её сын, помня ту давнюю историю, не смог отказать другой просительнице.

Как видно, змей и впрямь выражал тайные мысли своего хозяина. Недаром же тварь обрадовалась, глядя на коровницу. А теперь радовался и Влад. «Бывают же встречи!» – думал он.

* * *

«Повезло мужу, у которого жёна пронырливая, – много лет назад обмолвился отец Влада, рассказывая сыновьям ещё одну историю из своей жизни. – Такая супруга – настоящее золото. Знайте, сынки, что мама у вас – золото. Однажды я прогневал Жигмонда, а она выпросила для меня прощение, да так ловко всё сделала, что никто не смог бы лучше».

Влад впервые услышал эти слова, когда родитель уже сделался князем и перевёз семью из Сигишоары в тогдашнюю румынскую столицу – город Тырговиште. Там, во дворце, в один из вечеров прозвучал новый рассказ. Правда, говорилось тогда не столько о матери, сколько о том, как люди держат или нарушают данное другому человеку обещание.

По характеру новая история чем-то напоминала одну из прежних – про дедушкины наставления и про сватовство. Она состояла в равной степени из грустных и весёлых кусков, но заканчивалось всё хорошо, так что Влад любил её слушать.

По большому счёту он с охотой внимал любой истории, ведь вечерние отцовы рассказы стали единственным, что после переезда в Тырговиште осталось от прежних времён. Прочая жизнь изменилась, и к ней приходилось приравниваться.

Переехав в Тырговиште, малолетний Влад и его брат Мирча с трудом привыкали к тому, что теперь живут не в тесном доме, а в большом дворце. По сравнению с прежним жильём новые хоромы казались огромными, и в многочисленных комнатах ничего не стоило потеряться, ведь эти помещения выглядели почти одинаково. Некоторые украшала настенная роспись, но в основном они были очень простыми, похожими друг на друга – чисто побеленные, с деревянными полами, узкими окошками и низкими дверями. «Комнаты, комнаты, комнаты! – думал малолетний Влад. – Зачем их столько?»

Прежде он жил в одной комнате с Мирчей, а теперь братья жили порознь, и у каждого появились свои челядинцы, денно и ночью заботившиеся о вверенном княжиче. Случалось, Влад просыпался ночью. В прежние времена вид мирно спящего старшего брата успокаивал младшего и помогал снова уснуть, а теперь младший просыпался один и сидел в темноте, тараща глаза, как сова, после чего снова ложился, но сон не шёл. Если Влад начинал ворочаться с боку на бок или вставал, чтобы глянуть в окошко, то появлялся слуга, который, ночуя за дверью, слышал шорохи и скрипы.

– Чего не спишь-то, господин? – сонным голосом спрашивал челядинец. – Может, принести воды испить или чего другое надо?

– Нет, не надо, – отвечал Влад.

В прежние времена, живя в Сигишоаре, вся семья ела за общим столом, за которым сидели даже слуги. Теперь же братья ели вдвоём, а родители – в своих покоях. «Комнаты, комнаты, комнаты!» – ворчал про себя Влад.

Назначение некоторых помещений всё-таки казалось понятно. Например, большая зала была нужна, чтобы правитель мог сидеть там и советоваться со своими боярами-жупанами. В той же зале проходили приёмы послов и прочих важных гостей. Не менее полезной казалась государева канцелярия. Подвал для хранения казны тоже имел ясное назначение, ведь там поселились мелкие драконы с завязанными хвостами, изображённые на монетах. В другом подвале, где хранилось ценное оружие и доспехи, нашёл прибежище большой серебристый змей, по-прежнему любивший прятаться в ножнах отцова меча.

Влад однажды сказал родителю:

– Ты драконов запер на ключ.

В те времена княжич уже достаточно подрос, чтобы понимать – чешуйчатые существа оживают только в его воображении, но мальчику нравилось представлять их живыми, да и отец охотно поддержал игру сына, ответив:

– Да, я закрыл их.

– А зачем ты закрыл большого? – спросил Влад. – Большой ведь никуда не убежит.

– Не убежит, но сейчас он мне без надобности.

– А зачем ты запер маленьких? Они ведь тебе нужны.

– Да, нужны, но они любят расползаться по чужим рукам без моего ведома, – усмехнулся родитель. – Приходится маленьких тоже запирасть.

– А совсем маленького ты не запер, – заметил сын.

– Совсем маленького? – не понял родитель. – Это которого?

– Который у тебя на шее. – Княжич показал пальцем.

– Да, этого я не запер. Он всегда при мне. На всякий случай.

Подвалы делали своё дело – сдерживали драконов – ведь большой серебристый змей не являлся Владу, как явился тогда, в Сигишоаре, поэтому существование подвалов мальчик всецело одобрял.

В то же время он не одобрял разграничение дворца на две части: мужскую и женскую. По мнению княжича, такое деление не приносило пользы. Для чего, скажите на милость, матери надо жить вдали от мужа и сыновей? Зачем? Она могла бы жить у них под боком, ведь ей и её служанкам требовалось совсем мало комнат: для сна, для обедов, для хранения нарядов, для рукоделия и прочих скромных развлечений, а также для приёма посетителей. Вот и всё! И не для чего расселяться!

Тем не менее обычай требовал расселиться, и в результате сыновьям, чтобы повидаться с матерью, приходилось преодолевать не один и не два длинных коридора. Вдобавок полагалось известить «государыню» о своём приходе заранее, а то можно было и не застать, ведь она присматривала за всем огромным дворцовым хозяйством: прачечной, кухней, кладовыми, скотным двором, птичьим двором, огородами, садами, прудами с рыбой. . . Хорошо ещё, что за конюшней и псарней присматривали отдельные люди – всё-таки облегчение от забот. Раньше, живя в Сигишоаре, дети говорили с матерью каждый день, даже если не желали, а в Тырговиште могло так случиться, что они несколько дней кряду не слышали от неё ни слова, а видели только на богослужениях.

Здесьние богослужения лишь отдалённо напоминали Владу прежние, домашние, которые устраивал отец Антим. После переезда в Тырговиште семья начала посещать храм, построенный близ дворца нарочно для знатных прихожан, и здание это, почти лишённое окон, сильно отличалось от светлой столовой в Сигишоаре. Святые и небожители, изображённые на стенах и сводах церкви, смотрели на людей строгими взглядами, и, наверное, поэтому в храме всё было основательней и строже – даже разделение мужчин и женщин.

Во времена, когда отец Антим совершал богослужения в столовой, мужчины стремились встать правее от того места, где он священнодействовал, а женщины – левее, но из-за тесноты разделение почти не получалось, поэтому Влад со старшим братом стоял так близко от матери, что мог рукой дотянуться. А вот в церкви между мужской и женской толпой даже оставался проход. Братья смотрели влево и видели – вон, окружённая жёнами жупанов, стоит мать. Она даже не замечала, что сыновья на неё смотрят. Впрочем, с отцом тоже удавалось поговорить не каждый день, ведь почти всё время у детей занимало учение.

По сравнению с тем, что Влад с братом изучали в Сигишоаре, количество предметов увеличилось. Раньше было всего три: славянская грамота, Закон Божий и математика. Все три науки преподавал отец Антим, тративший на это много сил, и потому княжичи были удивлены, когда по приезде в Тырговиште священник объявил, что помимо прежних наук станет преподавать две новых – риторику и логику.

Наверное, он сохранил и даже расширил свои обязанности учителя из-за своих глубоких познаний, ведь другого такого знающего человека найти было бы трудно, несмотря на то что в Тырговиште хватало желающих услужить семье нового государя.

Кроме того, отец Антим, хоть и не совершал больше церковных служб, остался духовником для всей государевой семьи. Не случайно изучение Закона Божьего всегда заканчивалось для детей исповедью. Наставник завершал уроки одними и теми же словами:

– А теперь, чады, когда мы разобрали такой важный вопрос, подумайте о себе. Вдруг вспомните некий свой проступок, связанный с сим вопросом. Если знаете за собой что-либо, о чём вы мне прежде не говорили, то исповедайтесь сейчас, дабы не осталось даже малого сорняка в вашей душе.

Ученики честно задумывались, и если что-то такое всплывало в памяти, то признавались:

– У меня есть сорняк.

Священник кротко просил одного из братьев, чтобы обождал некоторое время за дверью. Другой же брат исповедовался. Если «сорняки» обнаруживались у обоих, то затем каялся второй брат.

К сожалению, этим заканчивались только уроки Закона Божьего, но не учебный день, который длился много часов, ведь княжеским сыновьям приходилось изучать не только науки отца Антима, но и ряд других. Например, деяния прежних румынских государей, историю других народов и стран, а также воинское дело, которое в свою очередь делилось на три отдельные науки – умение сражаться пешим, умение сражаться на коне и умение повелевать войском так, чтобы привести его к победе.

Новые предметы оказались занятными, но Влад втайне желал, чтобы их количество уменьшилось, потому что учение утомляло, а свободного времени оставалось так мало, что иногда этим временем даже не хотелось воспользоваться. К чему начинать игру, если всё равно не успеешь доиграть до конца?

В довершение всего Владу с братом больше не позволялось выходить одним в город. В Сигишоаре они гуляли по улицам, не стесняемые высоким положением своего отца, а по Тырговиште запрещалось так бродить, ведь княжеским сыновьям это было «не по чину».

Единственное, что осталось от прежних времён – вечерние отцовы рассказы. Когда за окнами сгущались сумерки, родитель мог явиться к детям и сказать:

– Давайте-ка сходим в гости к вашей маме.

Случалось такое редко и всегда неожиданно, но тем радостнее казалось идти длинными коридорами, зная, что мать в своих покоях уже накрыла стол и ждёт, когда муж с сыновьями явится. На один вечер она переставала быть вечно занятой государыней, и отец тоже забывал о своих делах. Всё становилось как раньше – по-простому.

Однажды за вечерним застольем рассказчик оглядел сыновей и, хитро прищурившись, произнёс:

– Выбирайте, что желаете послушать. Старую историю или новую?

– Можно и новую, – бойко ответил Мирча, а Влад кивнул.

– Тогда расскажу вам, как давным-давно случилось мне гостить у турок, – начал отец.

Дети поняли, что не ошиблись с выбором истории, и принялись расспрашивать:

– А это было страшно?

– Поначалу – да, – ответил родитель, – но отказаться ехать к туркам я не мог, потому что отказ стал бы нарушением обещания, которое я дал вашему деду. – На этом слове повествователь приостановился, а затем спросил отпрысков: – Надеюсь, вы не забыли наставлений вашего деда, великого государя Мирчи? Брат должен во всём помогать брату. Помните? Ваш дед взял с меня слово, что я буду следовать наставлениям. А когда ваш дед умер, пришла для меня пора выполнить обещание.

Видя, что сыновья всё помнят, рассказчик продолжал:

– Я помогал, чем мог, своему старшему брату, который сделался новым румынским государем. И вот однажды зовёт он меня и говорит: «Настала осень. Мы должны заплатить положенную дань турецкому султану». Я отвечаю: «Если есть деньги, то давай заплатим». А мой брат объяснил: «Деньги собраны, подарки для великих и малых турецких начальников тоже готовы. Но кто отвезёт всё это в Турецкую землю? В прошлом году, пока ещё был жив наш батюшка, отвозил я. А теперь кто повезёт? Придётся это делать тебе».

– Но разве твой брат не мог поехать сам, как всегда? – удивлённо спросил малолетний Мирча.

– Не мог, – ответил родитель.

– Почему не мог? – продолжал удивляться сын. – Оставил бы все государевы дела тебе, а сам поехал бы к туркам. Или твой брат боялся оставлять тебя на государстве?

Отец улыбнулся:

– Ты умнеешь день ото дня, Мирчулике. Правильно подметил, что мой брат боялся. Чего именно боялся мой брат, мне не известно, но тогда я не думал об этом вовсе. Думалось мне другое – что я получил очень важное задание и что следует выполнить всё наилучшим образом.

К тому же мне хотелось посмотреть на султана. Я думал: «Увижу человека, который победил моего отца в войне, отобрал приморские земли и принудил платить дань. Наверное, султан весьма искусный военачальник, и мне следует у него поучиться».

Малолетний Мирча тоже хотел узнать, как же турки сумели победить его тезоименитого деда Мирчу Великого, поэтому принялся выпрашивать:

– И что за человек оказался султан?

– В первую встречу я этого до конца не понял, – отвечал родитель. – Я лишь увидел, что он ещё не стар, но и не молод – ему было больше сорока лет. А ещё я увидел, что глаза у султана узкие и раскосые. От этого казалось, что тот шуруется и замышляет злые козни. Султан знал, что я не понимаю по-турецки, и потому сам он молчал. Со мной говорили его слуги. Они спрашивали быстро и ждали быстрых ответов. Судя по всему, турецкий правитель не любил тратить зря ни одной минуты. Все вокруг него ходили не обычным шагом, а семенили или даже бегали.

– А о чём тебя спрашивали? – выпытывал малолетний Мирча.

– Мне велели ещё раз назваться и объяснить, почему дань привёз я, а не мой старший брат. Я назвал и сказал, что считаюсь первым помощником своего брата во всех делах.

– Подожди, отец, – озадаченно произнёс Мирча. – Ты сказал «велели»? Как это турецкие сановники могли приказывать тебе? Ты же был посол!

– Вот так турки обращаются с послами.

– Со всеми?

– С послами, которые привозят дань, – пояснил рассказчик. – Поэтому я не обижался. Послы не имеют права обижаться или гневаться, а вот принимающая сторона – другое дело. К счастью, турецкий правитель не гневался, однако дал понять, что в следующий раз я должен приехать со своим старшим братом, а иначе будет плохо. Я опечалился, однако приободрился, когда мне поднесли в подарок от султана парчовый кафтан. А затем я удивился, потому что мне поднесли ещё один подарок – кошелёк с деньгами. Получалось, что я привёз дань, а мне подарили часть дани назад. «В чём смысл?» – думал я, но позже мне объяснили, что таков обычай. Всякий, кто приезжает к турецкому двору, считается гостем и не должен тратиться на постой. Я же остановился в городе, а не во дворце, поэтому мне просто возместили мои траты.

– А старший брат похвалил тебя, когда ты вернулся? – продолжал спрашивать отца старший сын.

– Мирчулике, ты снова радуешь меня, – улыбнулся рассказчик. – Ты задаёшь правильные вопросы. Вот тебе ответ для размышлений – мой брат не похвалил меня. Когда я вернулся, мой брат сказал только одно: «Обошлось, слава богу». Но на следующий год, когда пришла осень и потребовалось снова отвезти дань, мой брат стал меня укорять и сказал: «Ты должен был убедить султана, что мне незачем ездить к нему, но ты не убедил. Это твоя оплошность. Поэтому сейчас поезжай и исправляй её». Я сказал: «Брат, нам обоим может стать плохо, если мы не приедем вместе», но тот не слушал. Он передал мне ещё больше дорогих подарков для великих и малых турецких начальников, но сам никуда не поехал.

– Отец, – перебил Мирча, – ты сказал, что твой брат тебя не похвалил, и чтобы я поразмыслил над этим. Я уже поразмыслил. Хочешь сейчас узнать, что я думаю?

– Да, – ответил родитель. – Наверное, и остальным интересно узнать, что же ты думаешь.

Владу в тот момент стало не интересно, а завидно. Мирча был старше на неполные два года, но с недавних пор эта разница в возрасте сделалась неодолимой пропастью между братьями. Раньше пропасть казалась Владу узкой канавой, ведь когда тебе пять лет, а твоему брату семь, ты можешь сравняться с ним и в учении, и в играх, если хорошенько постараться. В дальнейшем, когда младшему исполнилось семь, а старшему – девять, канава расширилась, но младший не оставлял попыток успеть за старшим. Всё изменилось, когда Владу стало девять,

а его брату – одиннадцать, потому что старший вдруг начал превосходить младшего так, что не догонишь, как ни старайся.

Влад чувствовал зависть, когда видел, что Мирча не просто перебивает отца по всегдашнему обыкновению, но задаёт умные и правильные вопросы. Когда родитель отвечал на эти вопросы, младшенький понимал, почему они заданы, но спросить что-нибудь такое же умное не мог. Вернее, мог бы, но не сразу. «Эх! – думал он. – Вот если б отец велел сначала дослушать историю до конца, а на следующее утро спрашивать – вот тогда я бы придумал, что спросить. Даже если б ради этого пришлось не спать целую ночь! Но так много времени никто не даст».

Так много времени не было ни на одном уроке – ни на одном, где братья, сидя рядом, слушали объяснение учителей. Старший схватывал всё налету, а младший – нет. Владу требовалось время, чтоб понять, и он всё соображал, соображал, а утром следующего дня просыпался, и мысль становилась ясна, но это было уже не важно. Начинался новый день, новый урок, и на этом уроке Влад снова оказывался непонятливым, а его брат казался всё умнее и умнее.

Когда приходил час для занятий воинским делом, младший княжич опять был вторым. Дядька вооружал его и Мирчу деревянными мечами, ставил друг напротив друга – дескать, деритесь. «А как драться? – думал Влад. – Кто мал, тот не победит силой – только хитростью, но все мои хитрости известны Мирче наперёд. Ведь он сам учил меня, как увернуться, чтоб по лицу не получить, и как ставить подножки, и куда ударить сильнее».

Ничего не менялось и тогда, когда братья пробовали сражаться верхом. Обоим княжичам давали смирных коней, мерингов, но у Влада конь оказывался не только смирным, но и трусливым. Пока княжичи, сидя в седле, пытались нанести друг другу удары, у младшего четвероногий помощник всё время отступал.

Учитель, бывалый вояка, неизменно говорил Владу:

– Твой конь не виноват. Он отступает потому, что ты сам робеешь.

Ученик не верил, но однажды учитель велел ему слезть, сам уселся на «трусливого» мерина, взял деревянный меч, сильно стиснул коня ногами, подобрал повод покороче... И вдруг животные стали вести себя наоборот – учитель не успел даже подъехать к Мирче, как у того конь попятился и приготовился удирать, а вот недавний четвероногий «трус» вёл себя крайне смело.

– Видишь, кто тут на самом деле робеет? – усмехнулся бывалый вояка.

Влад понял, однако под ним конь неизменно отступал. Успехи появились лишь тогда, когда противником девятилетнего княжича стал не старший брат, а мальчик-ровесник.

Вот почему младшенький, слушая, как Мирча задаёт отцу умные вопросы, даже не пытался соревноваться – просто сидел и с завистью слушал.

– Наверное, и остальным интересно узнать, что же ты думаешь, – сказал родитель своему старшему сыну.

– Я думаю, отец, – произнёс Мирча, – что посылать тебя к туркам одного было неправильно. Я думаю, твой старший брат нарушил слово, которое дал нашему дедушке. Ведь дедушка хотел, чтоб его сыновья жили в мире, а твой старший брат поступал так, как будто поссорился с тобой и желал тебе зла. Но ты вёл себя правильно. Ты не давал повода для обиды и не отказывался по второму разу ехать к туркам в одиночку... А ведь мог бы отказаться.

– Да, наверное, мог бы, – ответил отец, – но я не подозревал своего брата в злых намерениях и к тому же полагал, что отказываться от опасных поручений – позор и бесчестие. Думаю, у моего старшего брата имелись причины поступать так, как он поступал. Не знаю, как поступил бы я сам на его месте...

Мать всё это время сидела за столом подле мужа и молчала, но, услышав рассуждения о чести и бесчестии, с грустью произнесла:

– У вас, мужчин, очень странные понятия о чести и позоре. Что же это за честь такая, которая грозит гибелью? Не честь, а наказание.

Произнося это, мать странно смотрела на своего супруга, словно провожала в дальний путь и предвидела, что на пути встретятся многие опасности. Много лет назад она, наверное, смотрела так же, но ничего не говорила, потому что её всё равно не слушали.

– А что случилось дальше? – подал голос Влад.

– Дальше я снова поехал к туркам один, – продолжал отец, – но, прибыв в турецкую столицу, не пошёл сразу к султану, а сперва поговорил с его визирами, дарил им подарки и уверял, что мой брат остался дома не из упрямства, а из-за того, что боится потерять власть. «Если мой брат лишится власти, то султан, вероятнее всего, лишится дани», – говорил я. Визирь сочувственно качал головами, и это ободряло меня, но всё-таки я предстал перед турецким правителем с опаской.

– А тот что? – спросил малолетний Мирча.

– Тот молчал, как в прошлый раз, – продолжал родитель. – А слуги, что находились подле трона, сказали – султан рассержен на моего старшего брата и потерял к нему всякое доверие. Однако на меня этот гнев не распространялся. Более того – мне предложили помощь в свержении моего брата, если я пожелаю стать румынским государем. Я сначала не поверил ушам, но затем увидел, что султан, когда его слуги закончили говорить, начал хитро улыбаться.

– А что ты ответил? – в один голос спросили сыновья.

– Я низко поклонился, поблагодарил, но сказал, что никак не могу пойти против брата, потому что тем самым нарушу заветы своего отца, ныне покойного... Вот тогда я понял внутреннюю суть султана – он очень любил ссорить людей и в этих самых ссорах черпал свою силу, а в военном искусстве был не так уж сведущ.

Рассказчик вспоминал о случившемся без содрогания, но Мирча и Влад в страхе спросили:

– Отец, а султан разгневался на тебя?

Чтобы успокоить детей, родитель улыбнулся и даже хмыкнул в усы:

– Нет, турецкий правитель совсем не разгневался. Когда ему перевели мои речи, он произнёс что-то, что звучало очень складно, как поговорка. Позже я узнал её перевод: «Иногда Аллах делает разумными даже христиан», – но в тот день мне ничего не объясняли, лишь передали султанское повеление: «Будешь жить при нашем дворе как почётный гость, и отказаться от этой милости нельзя». Я остался. А турецкое гостеприимство было таково, что я не мог подать о себе вестей никому. Не мог послать письмо даже вашей маме.

– А я места себе не находила, – принялась жаловаться мать. – Я и в первый-то раз, когда ваш отец отвозил дань, боялась. Только-только отшумела свадьба, только-только переехали мы с вашим отцом в новый дом, который был подарен вашим дедом Мирчей, только-только устроились, как посыпались несчастья одно за другим. Сначала государь Мирча умер. После этого наступила пора отвозить дань. Я говорила вашему отцу: «Зачем ты едешь? Ты собрался сделать меня вдовой вскоре после свадьбы?» А он только отмахивался. И во второй раз, когда собрался к султану, отмахивался так же.

На слове «отмахивался» отец только хмыкал, мать, слушая, как муж над ней посмеивается, вздохнула, а малолетний Мирча удивился:

– Отец, а почему так получилось с письмами? Разве в Турции гостям не разрешено слать вести домой?

– Может быть по-всякому, – пояснил родитель. – В моём случае передавать послания запретили, потому что султан задумал идти на моего брата войной. То, что войны не миновать, стало ясно ещё в тот день, когда мне предложили сделаться государем, а турецкий правитель видел, что я понимаю его планы, и потому не позволял мне слать письма – не хотел, чтобы я рассказал кому-нибудь о грядущей войне.

– Но ведь твой старший брат мог сам догадаться, что будет война, раз ты не вернулся, – заметил Мирча.

– Одно дело – догадываться, а другое дело – получить об этом достоверные сведения, – возразил отец, но тут же похвалил: – Мирчулике, ты радуешь меня всё больше и больше. Тебе пока не хватает опыта, чтобы делать правильные выводы, но ты мыслишь в верном направлении. Я думаю, из тебя выйдет хороший государь.

Слушая, как хвалят старшего брата, Влад совсем сник, но, поскольку братья сидели рядом, родитель не мог не заметить настроение младшего сына:

– А ты, Влад, не завидуй старшему. Быть младшим тоже хорошо. Вспомни – я ведь тоже был у своего отца вторым сыном. Разве мне жилось плохо?

– Ты жил хорошо и интересно, – пробормотал девятилетний княжич.

– Вот и ты будешь жить так же, если последуешь заветам твоего дедушки, – сказал отец. Ненадолго воцарилось молчание, которое прервал новый вопрос бойкого Мирчи:

– А что случилось дальше? Война началась?

– Война началась весной следующего года, – продолжал родитель. – Султан взял меня с собой в поход, поэтому я наблюдал битву и видел, как мой брат проиграл. Вскоре после этого я получил весть о смерти брата. Передавали, что он пал в бою...²¹ Но вот здесь всё непросто. Помните, я говорил вам, что у моего брата могли быть серьёзные причины не ездить по чужим землям? Когда я получил весть о его странной гибели, то призадумался.

– Отец, а почему смерть в бою считается странной? Почему? – удивились дети.

– Смерть в битве обычна для простого воина, – объяснил рассказчик, – а для государя это конец странный. Государь гибнет, только если вся его рать полегла на поле брани. Если же главный военачальник погиб, а войско отделалось малыми потерями – значит, была измена. В случае с моим старшим братом почти все воины уцелели, и вот тогда я решил: «Наверное, брат подозревал измену ещё давно и пытался дознаться, кто зачинщики. Он не мог никуда уехать, пока не дознается, ведь иначе началась бы смута, поэтому и приходилось ему отправлять меня к туркам одного». Вот что я подумал. Можно ли считать, что завет вашего дедушки был нарушен? Не знаю. Знаю одно – если брат в чём-то провинился передо мной, то заплатил за это сверх всякой меры. Это меня очень печалило.

Влад вдруг вспомнил, как отец Антим рассказывал ему про седого государя Мирчу, чью смерть люди искренне оплакивали, а также про то, что вскоре после смерти старого государя старший сын покойного оказался предательски убит «злыми людьми». Священник рассказывал и про «лысого» князя, устроившегося на опустевшем престоле, так что Влад, сравнив свои давние знания с нынешним рассказом, смог показать сообразительность и спросил:

– Отец, а новым румынским государем стал твой дядя, который лысый?

– Всё верно, – кивнул повествователь. – Новым государем стал мой престарелый дядя, успевший облысеть... А откуда ты это знаешь? Тебе говорили учителя?

– Отец Антим рассказывал, – признался младший сын. – И он тоже считает, что твоего брата убили изменники.

Родитель преисполнился любопытства и, наверное, хотел спросить у младшего отпрыска ещё что-нибудь, но тут опять встрял Мирча Малый:

– Отец, а что ты делал, когда твой брат умер?

– Что же я мог делать? – отозвался отец, вынужденно продолжая повествование и отвлекаясь от разговора с Владом. – Я ведь оставался гостем султана, поэтому делать ничего не мог. Единственное, что мне удалось, так это послать письмо к вашей маме. Я сообщил, что жив и здоров, а больше мне нечем было её порадовать. Даже не получилось проверить, дошло ей это письмо или нет.

– Дошло, – вздохнула мать. – А после этого ваш отец пропал на два с половиной года. Я надеялась от него новое письмо получить, ждала и всё прислушивалась, не стукнут ли в

²¹ Михай (Михаил), старший сын Мирчи Старого, ставший князем в 1418 году, умер в апреле-мае 1420 года на поле битвы.

ворота. Кто бы ни постучал – я сама открывала, надеялась, что это весть принесли, но нет. Ко мне заявлялись разные торговцы, а случалось – приходили челядинцы с чужих домов, чтобы передать приглашение на свадьбу или на крестины...

– А почему отец пропал так надолго? – опечалились дети, глядя на мать.

– Да потому что я никак не мог отвязаться от турецкого гостеприимства, – усмехнулся рассказчик, желая этой весёлой усмешкой подбодрить сыновей. – Султан всё держал меня при себе, будто я приносил ему удачу в делах. Иногда он задавал мне вопросы и веселился от моих ответов, и неизменно говорил что-то, что звучало очень складно, как поговорка. Через год этот правитель умер, а власть принял его сын, который и по сей день властвует в Турецкой стране. Новый султан тоже возил меня всюду с собой, и не знаю, сколько могли длиться мои мытарства, если б он не пошёл войной на греков. Поход начался летом. Турки встали под стенами города Константинополиса и принялись его осаждать²². А вы ведь знаете, что это за город?

– Это у греков самый большой город, – ответили дети. – А ещё там живёт патриарх, и там столица всего православного мира.

– Верно, – произнёс рассказчик. – Константинополис – особенный город, которому покровительствует Божья Мать, так что взять его получится, только если она откажет в заступничестве. Вот почему я знал ещё до начала осады, что турки потерпят неудачу, ведь в городе есть храм Святой Софии, и если он окажется осквернённым, значит, последние времена настали. Если бы в ту пору кто-нибудь пророчествовал о конце времён, я бы, может, заволновался, но никто не пророчествовал, погода стояла хорошая, сильных гроз или других тревожных знамений не случалось, поэтому я рассчитал так: «Когда султан поймёт, что ему не взять этих стен, то повелит сворачивать лагерь и отходить. Будет большая суматоха, а я воспользуюсь ею, чтобы, дай Бог, как-нибудь перебежать к грекам». И сердце, и желудок звали меня туда. Во-первых, хотелось оказаться среди единомышленников, а, во-вторых, у греков я смог бы наконец поесть рыбки...

Видя, что при слове «рыбка» малолетние слушатели начали смотреть недоумённо, родитель спохватился:

– А! Так я, значит, вам не говорил, что турки рыбу не любят... Султан, а также его приближенные, которые турецких кровей, вообще её не едят – брезгуют, поэтому при тамошнем дворе найти рыбу очень трудно. Я всё допытывался, в чём причина брезгливости, но не узнал. А христиане, которые служат турецкому правителю и живут подле него, от его презрения к этой еде очень страдают. Я спрашивал: «Как же вы поститесь?» А они говорили: «Так и постимся. Едим рис, овощи, фрукты, пресные хлебы, а если достанем рыбку, то радуемся».

Отец оглядел все блюда на столе, словно выискивая, что же навело его на мысль о рыбе, и вскоре нашёл – на одной из тарелок лежал, распуская вокруг себя горячий запах, рыбный пирог.

– Не знаю, где эти придворные христиане доставали рыбу, но в турецких землях мне ни разу не посчастливилось присутствовать на застолье, где она была, – продолжал рассказчик. – Считаю, три года её не ел. А греки рыбку очень уважают. Вот тогда я и решил перебежать к грекам.

С этими словами отец потянулся к мясному пирогу, также стоявшему на столе, но вдруг по-хитрому взглянул на слушателей и, не взяв ничего от мясного блюда, быстро пробежал пальцами по скатерти до другого блюда, рыбного. Пальцы протопали по столу, как ноги топают, а «перебежчик» утянул с тарелки кусок любимого пирога и принялся жевать.

²² В 1421 году умер турецкий султан Мехмед Челеби. Новым султаном стал его сын Мурат, позднее получивший прозвище Дервиш. 15 июня 1422 года молодой султан начал осаду Константинополя.

Мать знала, что муж с удовольствием ест рыбу даже в те дни, когда поститься не нужно – поэтому и велела испечь к сегодняшнему застолью два пирога с разной начинкой. А может, испекла их сама – по старой памяти...

– Отец, как же ты перебежал к грекам? – выпытывал малолетний Мирча. – Тебя ведь должны были стеречь.

– самого меня не стерегли, – дожёвывая, ответил родитель, – но без приказа уехать от турецкого войска я не мог. На войне всё было так же строго, как во дворце – если уезжаешь, то предъяви бумагу. Даже во время движения армии никто не отделялся от общего стада. Всякую заблудшую овцу остановил бы особый конный отряд и спросил: «Ты куда?» И так же во время стоянки. Лагерь со всех сторон обносили рвом и земляным валом, а поверху вала ставили частокол. Все въезды и выезды охранялись.

– Ну а как... как ты перебежал? – в нетерпении спросили дети, и рассказчик продолжал:

– Когда войско оказалось под стенами Константинополиса, я сперва думал выбраться из лагеря ночью. Надеюсь, что накануне отступления частокол наполовину разберут, а мне удастся, спрячась за кучами брёвен, незаметно проползти мимо дозорных и дойти до греков.

Родитель вытер полотенцем усы и руки, не прекращая говорить:

– Поначалу мне этот план казался очень хорошим, но затем я понял, что так не годится. Во-первых, если б меня, пешего, заметили, то быстро догнали бы. Во-вторых, греки могли не пустить меня в город. Для чего им рисковать и открывать ворота пешему незнакомцу? А объяснить с греками я бы не сумел, потому что мало слов знал на их языке. Наконец, в-третьих, негоже было бросать моих товарищей, которые приехали со мной к туркам ещё три года назад. Многих я отправил домой, когда турки воевали с моим старшим братом в Румынской земле, но кое-кто остался... Я всё ждал благоприятного случая или знака... И вот через два с половиной месяца после начала осады султан получил весть – его родной дядя движется на него с войском из Азии и хочет отобрать трон, поэтому султану требовалось идти навстречу, чтобы сразиться²³. О том, что турецкая армия уйдёт от города, я узнал одним из первых и поэтому не удивлялся, что в лагере начались спешные сборы. Меж тем в Константинополис отправились послы, вернулись назад, а на следующий день поехали снова – султан надеялся уговорить греков сдаться...

– А когда же ты успел перебежать? – не унимались дети.

– Вот тут мне и пришла дерзкая мысль, – ответил отец. – Я велел своим людям одеться в самую лучшую одежду, сесть на коней и следовать за мной. Я тоже оделся, как на праздник, и поспешил к тому выезду из турецкого лагеря, откуда было ближе всего до осаждённого города. Меня, конечно, остановили. Я объяснил, что направляюсь к грекам с посольством. А ведь послы от султана ездили туда часто, поэтому никто не удивился, что поехали опять. Я нарочито торопился, ссылаясь на то, что до вечера осталось мало времени, а вернуться надо засветло. Зашла речь о бумаге, но я заявил, что бумаги нет, потому что мне велено лишь передать грекам на словах кое-что. Я сказал: «Если вам так нужно убедиться, что я посол, то верьте своим глазам. Отсюда хорошо видны ворота греков. Смотрите сами – я поеду прямо к ним». И мне поверили.

– Я бы так не сумел! – восхищённо воскликнул Мирча. – Я бы не смог так смело врать. А если бы кто-нибудь проверил, посылал тебя султан к грекам или нет?

– Я думал об этом, – произнёс отец. – Если б меня взяли проверять, я бы стал твердить, что меня превратно поняли, поскольку я плохо говорю по-турецки. Дескать, да, сделался послом самочинно, но при этом желаю услужить турецкому правителю и перебороть упрям-

²³ В 1422 году турки осаждали Константинополь больше двух месяцев. 24 августа был предпринят штурм ворот Святого Романа, но дальнейшим действиям турок помешало то, что дядя султана, Мустафа Челеби, собрал армию в азиатской части Турции и попытался захватить трон.

ство его врагов. Я бы сказал: «Я с греками одной веры и потому понадеялся, что они внемлют словам своего единоверца».

– А если б тебе и тогда не поверили?

– Не знаю. – Родитель пожал плечами. – Но страх у меня совсем пропал. Я так устал жить у султана, что готов был рискнуть головой – лишь бы вырваться. И вырвался! Подъехал к воротам города, а греки сразу решили, что я посланец и проводили меня во дворец к своему правителю...²⁴ Кстати, а вы знаете, как называется государь, который сидит в Константинополе? Вам учителя говорили?

– Называется «василевс», – почти хором ответили дети.

– А знаете ли вы, что означает имя вашей мамы? – неожиданно спросил рассказчик и улыбнулся.

Влад и Мирча посмотрели на мать, которая, конечно же, знала значение своего имени, но подсказывать не собиралась.

– Ну... оно значит... – бормотал старший княжич, никак не находя правильных слов. – Если греческий государь называется «василевс», а она – Василика, это значит...

– ...что ваша мама очень знатного рода, – закончил родитель, сжалившись над сыновьями. – Такое имя даётся только дочери государя или дочери жупана. Менее знатные женщины не могут его носить.

На короткое время воцарилось молчание.

– А греческий государь-василевс гневался на тебя за то, что ты приехал к нему обманом? – подал голос Мирча.

– Нет, – помотал головой отец. – Из-за турок греки пребывали в таком страхе и волнении, что не могли ни на кого гневаться. Они могли лишь обижаться, но и это было мне опасно, ведь меня с моими спутниками могли выставить вон из города, так что я сразу попросил греков найти толмача, который хорошо знает по-славянски и переведёт мою речь, которая позволила бы мне оправдаться.

– А что за человек оказался василевс? – спросил Мирча.

– Очень старый человек с длинной бородой. – Родитель вздохнул. – Но увидеться с ним случилось не сразу. Меня принял его сын, потому что сам правитель сильно болел²⁵. Было василевсу более семидесяти годов, а старые люди склонны к разным хворям. Когда этот дряхлый государь узнал, что турки готовятся к войне, то начал тревожиться сверх меры, и хватил его паралич. Сын, который заменял больного, в первые минуты разговора держался со мной настороже. Судя по всему, турецкие посланцы, которые приезжали до меня, пугали греков, как только могли, и обещали новый штурм. Стоило мне признаться, что я не посланец, а беглец, как сын василевса сначала удивился и просветлел лицом, но затем ещё больше насторожился. Как видно, он решил, что моё появление навлечёт на город многие беды. Тогда я сказал, что турецкое войско скоро снимет осаду и что решение султаном уже принято, потому что в Азии вспыхнул мятеж. Сын василевса не знал этих обстоятельств, поскольку турецкие посланцы ничего такого не говорили – они уверяли, что дело греков пропавшее – а вот я сказал, что осаждённые сейчас могут заключить мир на очень выгодных условиях.

Услышав это, Влад осторожно спросил:

– Отец, а сын василевса похвалил тебя за сведения, которые ты принёс?

– Да, – тихо посмеялся родитель, – он меня похвалил. Наконец хоть кто-то меня похвалил. Сын василевса даже хотел обняться со мной на радостях, но вспомнил о степенности, которую должен был сохранять, и сказал, что надо сию же минуту сообщить радостную весть

²⁴ Византийские историки Дукас и Халкокондил сообщают, что во время осады Дракул-старший находился в лагере султана, но убежал от турок и попросил убежища в Константинополе.

²⁵ В то время в Константинополе правил василевс Мануил. На момент осады Мануилу было 72 года. Его сыну, Иоанну, было 29 лет.

«больному». Вот тогда я и увидел старого греческого государя. Он находился в одной из дальних комнат. Лежал пластом на кровати и не двигался. Вернее, правая половина тела совсем не шевелилась, а левая рука иногда приподымалась.

– А он мог говорить? – спросили сыновья.

– Его слов я не слышал...

Сказав это, отец задумался на секунду и вдруг погрузился в воспоминания с головой. Пожалуй, он никогда раньше не рассказывал ни об одном случае из своей жизни так подробно. Повествователь всё говорил и говорил. Обычно он через каждые несколько мгновений оглядывал слушателей, проверяя, интересно им или нет, а тут вдруг его взгляд устремился куда-то внутрь, в глубь памяти:

– Мне тогда подумалось, что в комнате у больного очень спокойно, – произнёс отец. – Там были широкие окна. Они смотрели в сад. Щебетали птицы, звуки города в комнату не доходили, а у василевса в изголовье кровати стояла клетка с ещё одной птицей. Как называлась та птица, я не знаю. У неё были очень яркие разноцветные перья и большой клюв, загнутый книзу. Она верещала без конца. Думаю, если б султан тогда велел палить из пушек, она своим резким криком заглушила бы даже этот грохот. Может, потому её и поставили возле кровати? В той комнате легко получалось забыть, что идёт война. Напоминал о войне только вид самого василевса. Старик ведь заболел из-за войны. Наверное, ему очень тяжело приходилось, потому что как бы его ни ограждали от волнений, он сам себе своей болезнью то и дело напоминал, что город осаждён. Сын василевса подошёл к кровати и помог отцу повернуть голову так, чтоб тот меня увидел. Я поклонился в пояс, а сын василевса что-то долго говорил. Вдруг больной государь улыбнулся левой половиной рта, и из глаз потекли слёзы. А мне стало совестно. Я ведь поначалу обманывал этих несчастных людей – под видом посланца проник в город. Пусть я солгал им в малости, но солгал же! И не находил себе извинений даже в том, что принёс радостную весть. Только что я уверял, дескать, султан готовится уйти от стен города. Уверяя, я и сам был уверен, но вдруг засомневался. Что, если турецкий правитель из-за моего поступка разгневется, решит задержаться и предпримет ещё один штурм напоследок? «Это ведь возможно, – думал я. – Недавно был упорный штурм ворот Святого Романа, и греки отбились из последних сил. Вдруг из-за меня и моей лжи город падёт?» К счастью, Господь сделал так, что ободряющие вести, которые я принёс грекам, подтвердились.

– А старый василевс выздоровел? – спросил малолетний Мирча.

– Как я слышал, да, – ответил рассказчик. – Он кое-как оправился после удара и прожил ещё несколько лет²⁶. Я этого не видел, потому что никогда больше не доводилось мне посещать Константинополь. Я провёл там недели две, присутствовал в Святой Софии на торжественной службе в честь праздника Рождества Пречистой Девы²⁷, а затем греки посадили меня и моих спутников на торговый корабль, который следовал вдоль морского побережья к устью Дуная. К концу сентября я был почти дома.

– А мама что сказала, когда ты приехал? А мама что? – опять спросил бойкий Мирча, а за ним и Влад.

– Она ничего не сказала. Глаза раскрыла, а рот раскрыть не могла, – засмеялся отец.

– А почему не могла? – удивились дети.

– Не знаю, почему, – ответил родитель, но по веселью в голосе было понятно – на самом деле знает.

Между тем рассказчик, продолжая изображать незнание, пожал плечами, повернулся к жене и спросил с шутливой строгостью:

– Почему ты, когда я приехал, ни слова не произнесла?

²⁶ Василевс Мануил умер в 1425 году.

²⁷ В те времена Рождество Богородицы отмечалось 8 сентября.

Мать, поддерживая эту шутку, виновато потупилась:

– А я не знала, что сказать. Если бы знала, то обязательно сказала бы. – Затем она подняла голову, расправила плечи и сбросила с себя виноватый вид, словно накидку.

Теперь мать выглядела так, как будто стремится куда-то вперёд, хоть и сидела на месте ровно, никуда не наклоняясь:

– Два с половиной года не было вестей, – глядя на сыновей, произнесла она. – И вот однажды днём слышу стук в ворота. Я, как обычно, поспешила открыть. Вдруг чувствую – что-то такое долгожданное сейчас случится. Думаю: «Наверное, весть из турецких земель пришла». Открываю, а там не весть – там ваш отец перед порогом стоит. Увидел меня, начал улыбаться, говорит: «Васка, я домой вернулся».

Отец пояснил:

– Я, по правде говоря, не надеялся застать её в Тырговиште. Думал, уехала обратно в Молдавскую землю, где по-прежнему правил государь Александру. Так я полагал, поэтому заглянул на свой двор в Тырговиште больше для проверки, а оказалось – никто никуда не уехал. Мне радостно стало, говорю: «Васка, я домой вернулся». А она смотрит во все глаза, руки развела, вроде как обнять собирается, но тут ноги у неё подогнулись – где стояла, там и села. И смотрит опять во все глаза. Тут пробрал меня смех. Ваша мама тоже засмеялась. И продолжали мы смеяться, когда я поднимал её. С тех пор завёлся у нас обычай – если уезжаю я надолго, то по возвращении сперва должен прислать вперёд себя гонца. Так вашей маме будет спокойнее...

– Отец, а куда делись твои сотоварищи, с которыми ты на корабле плыл? – спросил малолетний Мирча.

– По домам разошлись, – просто ответил родитель. – Они ведь тоже своих жён долго не видели. Соскучились.

Дети наконец поняли и больше не задавали глупых вопросов. Куда уж понятнее! Если слуги, которые день и ночь должны заботиться о господине, забыли об обязанностях и убежали к своим жёнам, то получается – мужей и жён связывает друг с другом большая сила. Именно из-за этой силы мать временно теряла дар речи и происходили другие странности...

– Ваша мама тоже соскучилась, – продолжал отец, – и бегала по дому, и радостно хлопотала, чтоб мне умыться и переодеться, и поесть. А когда я ел, она сидела рядом – вот как сейчас – и время от времени щипала меня за рукав или за руку. Я спросил: «Что это ты делаешь?»

Мать, сидевшая рядом и счастливо улыбавшаяся, вдруг потянулась и, играючи, ущипнула мужа за рукав:

– Хотела проверить, вправду ли мой муж ко мне вернулся, – ответила она, – или это виденье, которое рассеется назавтра, когда пропоют первые петухи.

– А дальше? – спросил Мирча, которому совсем не хотелось, чтобы отцова история закончилась, ведь вместе с ней закончилось бы и вечернее застолье.

Родитель, поняв это, успокоил сына:

– Дальше история не закончилась, потому что на следующее утро явился ко мне посланец от дяди.

– От того дяди, который лысый? – переспросил Мирча.

– Да-да, от него, – кивнул отец. – Дядя как-то очень быстро узнал, что я вернулся. Мне передали письмо, где он пенял мне, что я не сообщил о своём приезде. Далее там говорилось, что меня приглашают на следующей неделе во вторник с утра явиться во дворец. И то же самое сказал мне посланец – дескать, соберётся совет, где будут все жупаны, и я смогу рассказать о турецких новостях, а после совета будет пир...

На слове «пир» рассказчик сделал паузу, но дети и без этой паузы догадались, что к чему.

– Казалось, всё делается по обычаю, – продолжал рассказывать родитель. – Странно было бы, если б мой дядя меня не пригласил. И всё-таки от этого приглашения встал у меня ком в

горле. Я, конечно, обещал явиться, но когда закрылась за посланцем дверь, ваша мама подождала с минуту и вдруг подскочила, вцепилась мне в кафтан, как кошка. Говорит: «Вот теперь ты точно сделаешь меня вдовой, если пойдёшь. Не ходи! Что хочешь, делай, но только не ходи во дворец!» И напал на меня страх по-настоящему. Когда я к туркам ездил в первый и во второй раз, тоже боялся, но не так. Когда я возил дань, то превыше всего ценил свою честь и думал: «Что люди обо мне скажут, если откажусь ехать?» А теперь не было мне никакого дела до людской молвы. Пусть бы говорили, что угодно. Я подумал: «Пускай дядя насмехается надо мной, если хочет. А я всё равно из города сбегу. Как трус, сбегу».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.